

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

 ПРОЗА

Владимир КРУПИН
Громкая читка.....4

Екатерина ГЛУШИК
Рассказы.....120

Алексей МАНАЕВ
Митяка 139

Светлана КОМРАКОВА
Пословица.....157

Василий ПОЛЯКОВ
Кусок хлеба 163

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Дорогой визит.....173

Александр ЖДАНОВ
Рассказы.....178

 ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА
«К истокам истин подобраться...» 53

Виктор КАШКИН
«Слова, что принял по наследству...» 63

Юрий ЯХОНТОВ
«На лазоревой нашей Руси...» 75

Инна МУХИНА
«Мой магический кристалл...» 89

Владимир ЯКУШЕВ
«Не забывайте о нас!...».....113

Василий ЛОВЧИКОВ
«Любовь и труд – исток чудес!...».....115

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(36) 2020
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 15.08.20.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ G-4379

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2020
© Авторы, 2020

<i>Евгений ХАВАНОВ</i> Россия была и будет.....	129
<i>Татьяна ПАРСАНОВА</i> «Наказание, иль дар благодати...».....	133
<i>Валентин ЛУШИН</i> «Рождённые в Стране Советов...».....	145
<i>Тамара ПОТЁМКИНА</i> «Мы видели вместе, что сбудется завтра...».....	154
<i>Дмитрий МИЛОВ</i> «Твои глаза миндальные...».....	160
<i>Надежда ОХРИМЕНКО</i> «В водовороте сумятиц, сомнений...».....	166
<i>Татьяна ЦАРЁВА</i> «Так хочется просто тепла...».....	170
<i>Евгения ПОЛЯКОВА</i> Хокку.....	176
<i>Евгений РУДАКОВ-РУДАК</i> «От звезды до звезды, наугад...».....	187

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Хасан ТУРКАЕВ</i> Россыпи жемчужин поэзии Раисы Дидиговой на Мятлоам.....	57
<i>Валерий СУХОВ</i> «Чувство Родины» в лирике М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина.....	80

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Николай КАРТАШОВ</i> Его стихи читались, перечитывались, заучивались.....	67
--	----

ДРАМА

<i>Юрий БОГДАНОВ</i> Морок.....	93
------------------------------------	----

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

На протяжении долгого времени в мировом информационном пространстве звучало, в тех или иных вариациях, утверждение, что мир вступает (или уже вступил) в некую «зону турбулентности». И если поначалу это воспринималось как «свежий» публицистический приём, то в дальнейшем превратилось в своеобразную мантру – при том, что сама «турбулентность» стала общим и стабильным фоном жизни, и острота «вступления» в неё постепенно переставала быть уже столь острой. Мир привык жить в состоянии стресса, более того – это состояние стало для многих как бы естественным; особенно для молодых поколений, которые родились в нём и другого не знали. В результате чувство опасности у людей естественным образом притупилось. Коронавирус произвёл жёсткую встряску – мир узнал, что такое в действительности эта пресловутая «турбулентность». Это когда не ясно, что нужно делать сейчас и что будет завтра. В условиях всего уже произошедшего и продолжающегося, при смутных перспективах, в условиях явной неготовности мировой цивилизации противостоять вызовам, исходящим из недр этой самой цивилизации, особое значение приобретает способность отличать главное от второстепенного и не подменять первое вторым. Для России это значит – оставаться собой, чтобы выйти из очередного испытания во всеоружии своего общенационального самосознания, освобождённой от чуждых мировоззренческих и цивилизационных установок, единой и внутренне собранной на основе жизнеутверждающего материала своей истории, опираясь на неизрасходованный потенциал государственного опыта великого для нашей страны XX века. От этого будет зависеть всё остальное.

Современный литературный процесс во многом отражает общий кризис текущего момента. «Либеральные» симулякры обделывают свои дела и уже рвутся в большую политику. Бред и безумие давно стали рутиной. Живое национальное слово вытеснено на обочину действительной жизни. Но всё это – не навечно. Процесс очищения неизбежен.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

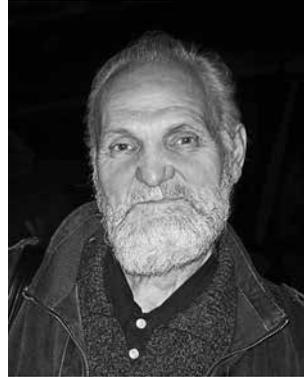
Громкая читка

Писательские территории

Писатели, особенно в России, самые настоящие владельцы территорий. Как Питер, так Пушкин да Достоевский, да приставший к ним Блок. Как Москва, так опять же Пушкин, да приставший Булгаков. Как Тамань, так Лермонтов, как Ялта, так Чехов. Как Рязань, так Есенин. Как Север, так Шергин. Из современников: как Енисей, так Астафьев, как Байкал, так Распутин, как Вологда, так Белов. Можно продолжить: Дагестан – Гамзатов, Башкирия – Мустай Карим, Калмыкия – Давид Кугультинов, Грузия – Думбадзе, Чиладзе, Молдавия – Друце, Чобану, Латвия – Вилис Лацис... словом, не занятых территорий нет.

Я вот попал первый раз в Ялту, иду по набережной и сразу соображаю: да, вот тут гуляла уехавшая от мужа дама с собачкой, и тут встретил её уехавший от жены Гуров, герой повести. Реально гуляли, даже в этом не сомневаешься. Хотя ирреальны, выдуманы, сочинены, иллюзия, галлюцинация, виртуальность. Нет, в том и штука – живые. Как иначе: имеют имя. А оно даётся при крещении. Некрещёные? Тогда как им умирать? А они не умрут: им Чехов безсмертие дал. А кто он такой, чтобы людьми распоряжаться? Он писатель. А-а. Вот оно как бывает.

Первый раз был в Ялтинском Доме творчества, да ещё в таком элитно-престижном, да ещё в бархатный сезон – золотая осень – в самом начале 70-х годов уже прошлого века. А вроде так недавно, и так радостно и ярко помнится. Сам и помыслить бы не мог о таком счастье жизни, но помог очень знаменитый тогда писатель Владимир Тендряков, земляк. Не у одних евреев солидарность, у вятских тоже. Я работал редактором в издательстве «Современник» и мне досталась для редактирования его книга. Редактировать знаменитого Тендрякова? Смешно! Я очень даже робел перед ним, но после первых встреч увидел,

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

что он начисто лишён даже тени славолюбия, прост, с юмором. Я осмелился показать ему свои рассказы, составлял первую книгу. Владимир Фёдорович их прочёл и сам вызвался написать предисловие. Конечно, оно помогло рукописи продвигаться. Он-то и предложил вместе поехать в Ялту. Хотя формально я не мог претендовать на путёвку в Дом творчества: не член Союза писателей. Но его жена, красавица Наталия Григорьевна, всё прекрасно устроила. Я заплатил за путёвку. Вроде и немного, но сразу скажу, что для нас с женой и это было трудно: выплачивали кредит за кооператив, но жена радовалась за меня и отказалась от покупки осенних туфель – купил билет и, через три дня после Тендряковых, оказался в Крыму. От вокзала Симферополя троллейбусом до Ялты, там, от остановки поднялся по восхитительной змееобразной дороге среди вовсю цветущей зелени и вот: предел мечтаний – я в Доме творчества.

В регистратуре спросил о Тендряковых. Да, здесь, живут на втором этаже. Он каждое утро бежит к морю. Оказывается, они говорили им обо мне. Что приеду, что хотя я и не член Союза писателей, но писатель. Мне уже выделено место жительства. Не апартаменты, а служебная комната с маленьким окном, выходящим во двор. Кровати нет, только диван. Но это для меня был такой восторг! Стол есть. Чего ещё писателю нужно: голову с собой привёз, не забыл.

В комнате громко работало радио. «Мицно время двенадцать годин, двадцать хвилин», – услышал я. А вскоре радио поведало, что «погода буде хмарна, без опадив». Радио, чтоб не мешало, выключил.

Прежний житель этого помещения, сантехник, высокий и белокурый, был первым моим знакомым в Доме творчества. Он особо со мной не церемонился, да и я с ним.

Познакомились.

– Александр, – сказал он, – с утра Сашкой звали. А здесь вообще Сашок. Сашок и Сашок. А уже тридцать пять. А за что тебя сюда загнали? Со мной сравнивали. За меня не переживай, у меня в городе комната в коммуналке. Тут иногда падал на пересыпку, или когда ночью что случалось. Не могли тебе номер дать?

– Мордой не вышел.

– Но ты разрешишь иногда зайти, пересидеть полчаса?

В дверь постучала и вошла дежурная:

– Сашок, на тебя заявка. С кухни. Срочно. Позвоню, что ты уже идёшь, – и исчезла.

– Беру под козырёк, – отвечал он ей, а мне добавил: – Что бы у них было, когда бы не было меня. И солнце б не вставало. Иду! – Потянулся. – Эх, не пора ли нам, пора делать то же, что вчера. – И мне: – Принимаешь? Вечером посидим? А? Земеля! Душа винтом! Тут у меня и стакан свой персональный. И один запасной. Пользуйся. Не давай им простаивать.

– Ни в коем случае, – твёрдо ответил я. – Я приехал работать!

– А кто не даёт, работай. Но и жизнь не упускай. А то жизнь пройдёт, и жизни не заметишь. Работа! С работы кони дохнут. Молодой, успеешь нагорбатиться.

– Ни за что! Пить и в Москве можно...

– И нужно! – вставил Сашок.

– Я с таким трудом вырвал время для работы, нет, Саша, не соблазняй.

– Ну, смотри, а я, как пионер, всегда готов.

Творческий режим

Конечно, хотелось скорее увидеть наставника, как я про себя называл Тендрякова, но не посмел беспокоить. Я уже знал, что он – человек железной дисциплины. Несомненно, работает. Он сам, перед обедом, меня нашёл. Осмотрел мою келью, проверил, есть ли в кране вода, посмотрелся в зеркало над раковиной, хмыкнул, одобрительно посмотрел на стол, на котором я уже поставил пишущую машинку, разложил бумаги.

– Всё! Жить можно! Идём обедать. Место тебе мы заняли, сидим за одним столом. Втроём. Я четвёртого просил не подсаживать: лишние разговоры.

На крыльце ждала Наталия Григорьевна. С Владимиром Фёдоровичем исключительно все здоровались. В том числе и знаменитости, известные мне по книгам. Но он особо в разговоры не вступал. Пришли по дорожкам меж цветников из главного корпуса в обеденный. Просторный обеденный зал ресторана был полнёхонек. Полон приятной музыки, которая звучала поверх разговоров, звяканья ложек и вилок.

Во время обеда Владимир Фёдорович объявил мне мои обязанности:

– Ни с кем не останавливайся, в разговорах не вязни, никаких шахмат, никакого бильярда, никакого трёпа, никакого всякого остального! Позавтракал – бегом за стол! Краткая прогулка – опять за стол! Пообедал – спать на час-полтора: кровь после обеда должна быть в желудке, а не в голове. Проснулся – за стол! Только так! Каждый вечер тут кино, фильмы возят с закрытых показов, но не увлекайся, ничего это не даёт. Ну, увидишь постели, драки, и что?

– Володя, – вставила слово Наталия Григорьевна, – сегодня «Гений дзюдо».

– Да, это надо, – согласился Владимир Фёдорович, – увидишь, как победы достаются. И – никакого любования морем: не курортник – ломовая лошадь. Но с утра, – он назидательно вознёс указательный палец, – до завтрака бежим к морю и заплываем. То, что ты умеешь плавать, не сомневаюсь: ты – парень вятский.

– Володя, – попробовала остановить его жена, – через неделю ноябрь. Это ты такой ненормальный, а ему зачем?

– Тоже для работы, – хладнокровно отвечал мой наставник. – Да, и ещё: питайся, как следует, здесь кормят от пуза...

– Володя!

– А что, неправда? Тут осенью самый цвет из всех республик, сплошные ходячие памятники. Номенклатура. Литфонд старается всех ублажить. В общем, налегай на калории. Надо голову питать. От писательства устаёшь больше, чем от физической работы. Там землю покопал, лес повалил, шпалы поукладывал, на тракторе посидел – поел и спать. И голова свободна. У нас она работает даже не в две-три смены, круглосуточно. Или у тебя не так? Ты ночью вскакиваешь что-нибудь записать? Да? Тогда всё в порядке. И вскакиваешь и просыпаешься уставший. Вот почему надо взбадривать себя купанием и поддерживать питанием. Значит, так. Заканчиваю инструкцию: в шесть пятнадцать ты одет, обут, хотя можешь и босиком бежать...

– Володя!

– Одет, обут, уже в плавках, сухие трусы и полотенце под мышкой, стоишь у выхода. Через секунду я выскакиваю, и, ни слова не говоря, с места бегом к морю, к водным процедурам. Молча. Каждый думает о том, на чём вчера

закончил работу, и о том, с чего сегодня начнёт продолжать. Дышать носом, выдыхать ртом. Не уставать, не отдыхать. Прибежали – сразу в воду. Заплыли – выплыли, растёрлись – обратно. Если за мной не будешь успевать – ничего страшного, отставай, придёшь один: дорогу знаешь. На завтраке два-три слова и – по коням! Ни с кем не разговаривай, знакомств не заводи. А то классики любят при себе молодых держать. Чтоб их жён на прогулку выводить, да для них за мороженым бегать.

– Володя!

– Всё! – скомандовал учитель. – Иди! Садись за стол! Не пишется, всё равно сиди. Не смей из-за стола вставать. Дверь не закрывай, ибо могу придти проверить, работаешь или нет.

Что было возразить? Конечно, он никогда не проверял и ни о чём не спрашивал. А Наталия Григорьевна, чувствуя мои страдания, утешала:

– В следующий раз приезжайте с женой. И всё пойдёт. А в Москве приходите с ней к нам на её вычку. Писательская жена – это жена самая страдающая. Писателю, когда он работает, всегда ни до кого. Дело писательской жены одно – не мешать мужу, скрываться с его глаз. Но в нужное время оказываться, быть рядом. Как угадать это нужное время – это главное. Тут никто не поможет.

Второй знакомый

Пошёл в свой малооконный рабочий кабинет. И тут же нарушил запрет учителя – ни с кем не знакомиться. Не по своей вине, меня перехватил писатель из Западной Сибири. Он, оказывается, бывал в нашем издательстве и там меня видел. Сергей. Да и я, вроде, тоже. Старше меня, уже с книгами, уже член Союза писателей. Поджарый, энергичный.

Сразу, сходу попросил меня взять на редактирование его рукопись.

– Давай на «ты», чего там церемониться: одно дело делаем. Прошу: веди мою книгу. Я бабам не очень верю. Они как корректорши – это неплохо, а когда лезут в текст, так прямо как в душу. Да они все у вас городские, причём блатные, дочери всяких секретарей Союза писателей. Разве не так? Что они, голодали, что ли, со мной в моём детстве? Чего понимают в жизни? Жили с пайками, не мёрзли.

Этот Сергей знал про моё издательство больше, чем я. Это вообще присуще провинциалам. Сплетни и новости московские им более, чем москвичам, всегда ведомы. Так что, уехав из Москвы, попал я на московские разговоры. На мою беду, этот Серёжа приехал в Ялту ещё и с капитальцем. Откуда денежки, не скрывал.

– Я пробил договор под соцзаказ. Аванец приличный. Так что пора пропищать. Помогай! Ты первый день? Я неделю уже, тут выпить не с кем. Тихо сам с собою я веду беседу. Понемногу поддаю.

– А с этим сантехником не пил?

– Да как-то в рассуждение даже не брал. А о чём с ним говорить? Знаешь ведь анекдот: двое ловят третьего, взяли штуку, расплескали. Третий утёрся, говорит: Ну, всё, парни, побежал. Куда? А поговорить? Пьём-то ведь не для пьянства, для общения. О, слушай, пока не забыл. Про второй фронт. Они же, Черчилль и Рузвельт, разве нас любили? Жди! Ненавидели. Дождёшься от них. Выжидали, кто кого свалит. Только после Сталинграда сообразили, что и без них обойдёмся, стали шевелиться. А до этого вот анекдот. Фронтной. «Ну,

как там второй фронт?» «Да вроде немножко прочерчиллевиеется. Но пока всё безрузвельтивно». Вот русский язык. Только нам и понятно. А расскажи китаю, не поймёт. Японцу там.

И слопал у меня этот Серёжа часа полтора. И спросить было неудобно, зачем он в Дом творчества приехал? Анекдоты травить? Знал он их массу. И знал, например, что Председатель Правления Союза писателей России Леонид Соболев часто ходил к Хрущёву, и тот всегда ждал его со свежими анекдотами.

– Ну, однажды он Никите не угодил. Тогда же был лозунг «Догоним и перегоним Америку» по всяким показателям.

– Да, – поддержал я, – на токарном станке работал, назывался ДИП-200, то есть догоним и перегоним.

– Ну, вот именно. А Никите говорят: «Догнать можно, перегонять нельзя» – «Почему?» – «Голую задницу увидят». А в бильярд сгоняем?

– Серёжа, не могу, – и тут я соврал: – мне надо ещё обязательно на почту. Домой позвонить. – Хотя, честно сказать, собирался сидеть над рукописью. Звонить вечером.

– Я с тобой. Тоже давно не звонил. Тут, я покажу, по дороге к морю, не доходя до бульвара, есть автомат. А рядом газетный киоск, деньги меняют. Телефон и в Доме творчества есть. Но он занят постоянно. Ты послушай их разговоры: Сёмочка, не забывай гаммы, Сёмочка, не забывай тёплый шарфик. Сёмочка, ты помнишь свою бабушку?

Что ты будешь делать? Пошли звонить. По дороге он ещё угощал анекдотами, в основном, «чапаевскими».

– «Василий Иванович, говорит Петька, белого в плен взяли. Знаешь, как я его пытал?» «Как?» «Вечером напоил вусмерть, утром опохмелиться не дал». «Садист ты, Петька». Да, вот тебе политический: Ленин показал, как надо управлять государством, Сталин показал, как не надо, Хрущёв показал, что государством управлять может каждый, Брежнев показал, что государством можно вообще не управлять.

Позвонил домой. У них холодно. Отопление пока не включили. Дочка простыла, сидит дома. «За нас не беспокойся, – сказала жена, – у нас всё хорошо. Работай спокойно».

Серёжа пошёл в «разливу», уличную пивную, но не пивом торгующую, а вином в разлив.

– Ленин в разливе. Помнишь такую картину? Там с ним Зиновьев был, говоря по-русски, Апфельбаум.

Выше уровня моря

Вобщем, я вернулся в свою комнату, сел за стол и понял, что не напишу ни строчки. Даже не из-за Сергея. Что-то сразу не пошло у меня. Может, от того, что встретились несколько знаменитостей. И пришлось поздороваться, Тут уже я сам вспомнил, не анекдот, а историческую быль: Павел I пригласил Державина на приём в дворцовую библиотеку и, указывая на бесчисленные шкафы с книгами, сказал: «Вот ведь Гавриил Романович, сколько уже написано, а всё пишут и пишут». Что Державин ответил, не знаю. Наверное, вроде того, что: «Они ничего другого делать не умеют».

И я решил посетить библиотеку Дома творчества. Это и Владимир Фёдорович не запретит. В библиотеке не было никого. Ну, конечно, позавтракали

творцы, сидят, молотят. А их продукция, вот она. Огромный отдел книг с автографами бывавших здесь писателей и поэтов. Подумал: может, когда и моя книга тут будет? И тут же, охлаждая сию мечту, высветился вопрос: «И что это изменит?» Эти сотни томов, толстых и тонких, что изменили? Тоже, небось, дерзали вразумить человечество.

Походил по территории, вышел за неё, поднялся повыше. Долго искал точку, с которой пространство было бы ничем не закрыто – всё сплошь заросли деревьев и кустарников. Поднялся к огромной крымской сосне, я её издали заметил. У меня в Вятке соснам нет такого простора, чтобы совершенно, не думая о других, распространять свои ветви, занимая ими свет и воздух. Там сосны как свечи. И называются они корабельными. А эта сосна, развалистая, разлапистая, других к себе не подпускает. А какие шишки на ней, ближе к вершине, открылись. Тут же решил обязательно сорвать одну на память.

Лазить по деревьям – дело знакомое. Покарабкался. Конечно, посадил на рубахе и на брюках пятна смолы. Ладно, не на танцы ходить. Сверху всё более открывался морской горизонт. И расширялся обзор на горы, которые казались всё выше, а море отодвигалось, распахивалось и тоже вздымалось.

А огромные шишки росли не у ствола, а на концах ветвей. Хотя ветви были толстенные, появилось опасение, что они подо мной хрустнут. Но будь что будет. Решился. Выбрал одну, толстую, крепкую на взгляд, и пополз по ней. Ветвь покачивалась, но держала. Желанная шишка близилась. Я поглядывал вдаль, на корабли и лодки, и вдруг взглянул вниз – даже голову крутануло: как же я высоко! Передохнул. Стал откручивать шишку, будто отлитую из осенней бронзы. Пока откручивал, решил сегодня же послать её дочери. Смолистый запах убьёт простудные бактерии, дочка выздоровеет. Да и полюбуется.

Открутил, засунул под рубаху. Полез обратно. Пятиться, потом ползти вдоль ствола вниз было труднее. Но справился.

Зашёл в номер, взял деньги и отправился вниз, на почту. По дороге набрал ещё ягодок с шиповника, мелких ярких цветочков, веточку можжевельника. На почте купил коробочку, всё в неё уложил, черкнул записку, закрыл. Когда коробочку завернули в белую бумагу, я написал на ней адрес. Коробочку взвесили и присоединили к другим посылкам. Моя была самая маленькая.

И ещё, не утерпел, пошёл к телефону, по которому недавно звонил. И дозвонился, и услышал родные голоса. «Не звони, не волнуйся, не трать деньги, у нас всё хорошо».

Прошёлся по набережной. И – смешно – увидел нескольких дам с собачками. Вот как литература заразительна. Ходили же в Петрограде блоковские «незнакомки» с чёрной розой в волосах. Утверждали, что это именно они и есть.

Вернулся в Дом творчества. Время обеда. И обед прошёл. Владимир Фёдорович ни о чём не расспрашивал. Видно было: весь в работе. Я вернулся в номер. Лёг спать. И спал до ужина.

А потом пошёл в кино. Гений дзюдо меня мало утешил. Только и запомнилось, как он учился у кошки становиться на ноги. Он берёт кошку за четыре лапы, поднимает и отпускает. Она в воздухе ловко переворачивается и приземляется на все четыре. И песня лезла в голову, жалостливая из другого фильма: «У кошки четыре ноги, и сзади у неё длинный хвост. Но трогать её не моги за её малый рост, малый рост».

Всё по расписанию

И потекли «творческие» дни. Утро. Бежим к морю. Молча. Прибегаем. На весь берег мы одни такие ненормальные. На нас, уже в осенних пальто и куртках, приходят смотреть. Наставник учит:

– Разделся – не сидеть. Вспотеешь, может просквозить. В воду! Сразу! Сколько можешь, проплыви. Обрато. Растирайся до красноты. Оделись – сразу бежать. Смотри, дышишь плохо, неровно, судорожно. Дыхалку тренируй. Вдыхаешь носом: раз-два-три-четыре, выдыхаешь ртом: раз-два. В армии гоняли?

– Ещё бы.

– Основа есть. Здоровье для писателя – первое дело. Чего ты напишешь, когда будешь весь в соплях. Ну, побежали.

И обратно молча бежим. Конечно, медленнее: в гору.

Там завтрак, там тупое сидение за столом. То, что собирался делать, стало почему-то неинтересным. Привёз и заготовки, черновики. Перебираю – ничего не хочется доводить до ума. Одно дело делал – три дня читал и писал рецензии на привезённые рукописи. Крепко забил голову текстами рукописей о рабочем классе и колхозном крестьянстве. А также о счастье прихода в Россию революции. Что делать – это мой заработок. Отсылал их бандеролью в издательство. Звонил, конечно, домой. Жена жалела, что много прозваниваю. Но я без их голосов не мог. Посылочку мою они, к моей радости, через два дня получили. Шишка крымской сосны стала украшением стола на кухне. Этот факт я лично сам рассказал «своей» сосне, к которой полюбил подниматься.

Но – хоть стреляйся – не писалось. Даже, для настройки на работу, перечитал, сидя у сосны, «Капитанскую дочку». Ничего не настраивалось, только понял своё ничтожество. Так же мне не написать.

Ходил по набережной. Поднимался по канатной дороге на самый верх над городом. Уходил повыше, находил место потише, дышал простором. К обеду воздух горячел, осенние, предзимние травы напоследок оставляли о себе память наркотическим запахом. Посещал и библиотеку, там всегда никого не было. Спокойно, светло, много окон. Пролистывал книги с автографами авторов, написанные именно здесь. Ну, так-то, как они, может, и напишу, но за чем, если только так?

Владимир Фёдорович сидел в своём номере безвылазно. Вечером они уходили гулять. Иногда и меня приглашали. Он тогда писал повесть «Ночь после выпуска». И ещё статью для «Правды» о бригадном подряде. Его возмущало, что бригады южных людей, армян, молдаван, гуцулов, перебивают заказы у местных мастеров на строительство. А начальство местное нанимает приезжих, оправдывая это тем, что приезжие работают быстрее. Всё так, но у местных ещё и свой дом, домашнее хозяйство, дети. А платят им меньше, чем приезжим. Почему? Те работают аккордно, по договору, у местных зарплата или трудодни. Как ни работай, больше не заплатят. А ещё в минусе то, что приезжие могут и подхалтурить, где-то понебрежничать, для скорости могут, как выражаются строители, шурупы не ввинчивать, а заколачивать как гвозди. Сверху глядеть – красиво, а внутри разорванная резьбой древесина, удобная для загнивания. Много всего. Стены кирпичные кладут, торопятся, экономят. Кладут в один кирпич, да не в горизонтальный, в вертикальный, другой ряд, параллельно, так же, а пустоту засыпают чем угодно. Разве сохранил тепло такая стена.

Это мы с ним, как люди сельские, знали досконально и обсуждали со знанием дела. Он вообще считал, что аккордная оплата труда поможет поднять колхозы.

– Почему же своим не дать заработать? – возмущался Владимир Фёдорович.

Такие разговоры вряд ли нравились Наталии Григорьевне.

Утренние пробежки соблюдались неукоснительно. Дождь не дождь – бежим. Однажды утром с нами побежал и Сергей. Но только один раз. На берегу сказал, что в воду не пойдёт, у него от холода сводит икроножные мышцы. Потом, когда вместе шли на завтрак, объяснил:

– Я эту группу икроножных мышц надорвал, когда занимался бегом на короткие дистанции. Я спринтер, – объяснил он, – я человек рывка. А тут надо стайером быть. Я и пишу так. С низкого старта резко, и пошёл-пошёл до финишной ленточки. Я тут, тебя ещё не было, повестушку намахал за неделю. Прямо на машинке настучал. Там, у себя, я тебе рассказывал, соцзаказ через обком выбил. Лозунг «Всем классом на ферму!» Поддержка призыва партии. То есть выпускники не в институты едут поступать, а остаются в колхозе. Тут и сюжет. Одна девчонка у меня говорит: «А я хочу врачом быть». А парторг: «Кто же тогда будет поднимать отстающие колхозы? – И так ей отечески: – Ты всё успеешь, ты ещё молодая, поработай для познания жизни два года». А в городе идёт движение: «Всем классом на завод!» Там другие проблемы: борьба сознательной молодёжи со стилистами, фарцовщиками.

– А ты напиши ещё: «Всем классом в литературу!»

– Ладно, не поддевай, – отмахнулся он, – я ж только для заработка. Для души я тоже делаю, давно строгаю одну вещь, но, – он постучал костяшками пальцев по перилам крыльца, – тьфу-тьфу, не сглазить, не буду разглашать.

Катание шаров

После завтрака он всё-таки затащил меня в пустую бильярдную. И я согласился сгонять партию. Проклинал себя: нарушаю запрет учителя, но и оправдывался перед собой: всё равно же не пишется. И надо же акклиматизироваться.

Сергей меня, конечно, обстучал. Хотя к концу партии мои руки и глаза, наверное, вспомнили, как, бывало, игрывал в клубе нашей части, и парутройку «чужаков» от двух бортов в среднюю лузу вогнал. Что называется, разогрелся. И сам предложил:

– Давай ещё одну.

Уж очень хороши были здесь шары, медово-жёлтые, из слоновой кости, стучали друг о друга как-то по-особому, не звонко и не глухо, а чётко, как будто команду отдавали. Армейские были так избиты, с такими выщерблинами, и так самостоятельны, что сами решали, куда им двигаться после пинка кием, могли и свернуть от приказанного направления.

Во время второй партии Сергей доверил мне свою заветную мечту: переехать в Москву. Мечта эта была вполне осуществима. Надо было просто жениться на москвичке.

– Смотри, – сказал он, – ты этих писателей всех знаешь, даже фамилий не буду называть. Они там у себя, в областях, делали первые шаги, чего-то добились, в Союз вступали, потом с жёнами разводились, а в Москве женились.

Из Петрозаводска, из Архангельска, из Оренбурга, Барнаула, Иркутска, Кургана, Кирова... Да ты их знаешь. И дела у них пошли. Даже не от того, что ближе к кормушке, в Москве же общение, жизнь кипит. В провинции задохнёшься, я тебе говорю. Болото. А вражда! Десять членов союза – три партии. Вон и у Чехова сёстры кричат: «В Москву, в Москву!». Я зимой путёвку в Переделкино возьму. Там близко ездить до центра на электричке. У меня и намётки есть. Пару редакторш в издательствах присмотрел. Они, я по глазам чувствую, не против.

– Переспать с тобой?

– Нет, по-серьёзному. Да вот, хоть и в твоём издательстве. Вот эта, которая у меня редактор. Немножко в годах, но годится.

– Ты же говорил: не хочешь, чтоб книгу баба вела.

– Так то книга. А тут жена.

– И квартира?

– И это надо. Или готовая, или кооператив.

– Но твоя-то жена как? Теперешняя? – В этом месте я заколотил в угловую. И примеряясь к новому удару, заметил: – У меня все друзья женаты один раз. – Ударил. Промазал.

Сергей вытер тряпкой набелённые мелом пальцы.

– Понимаю. Тут же задаю ответные вопросы: А если женился по пьянке? А если дура оказалась? А если жить негде, коммуналка? Мне же писать надо! Если Бог талантом наградил, значит, надо реализовать. Так? Или не так? А если нет условий? Тёща сволочь, тесть пьёт и пилит. А если загуляла? А если ребёнок не хочет?

– И это всё одна?

– Нет, это варианты. У меня другое: у меня глухое непонимание, чем я занимаюсь. Ни во что не ставит. Напечатаюсь, показываю. Она: «А сколько заплатят?» Ты бы стал с такой жить?

– Так ведь и меня пилит. Если с парнями с гонорара выпью. А кого не пият? Такая у них обязанность. Вчера перед кино случайно услышал, как этого, знаменитого, на втором, блатном этаже живёт, да знаешь, о ком говорю.

– Знаю. И что? Баба пилит? Так она у него третья. Я на второй остановлюсь. Только надо всё рассчитать.

– А как же любовь?

– Любовь? А что важнее: любовь или литература? Искусство поглощает целиком. Меня крепко вразумил один матёрый, ты должен знать, Фёдор Александрович, говорит: «Ты хотел быть писателем?» «Да». «А зачем женился? А если женился, зачем ребёнок? Ты – писатель!» Но мне-то вначале надо в Москву переехать. Там решать. Нельзя время упускать, надо в литературу по уши, по макушку завинчиваться. Старичок! Навсегда сказан афоризм: кадры решают всё. А для писателя что есть кадры? Окружение. Оно его вытаскивает, как свита короля.

Тут и он промазал. И воскликнул:

– Эх, хохол плачет, а жид скачет.

– Наоборот, – поправил я. – Жид плачет, хохол скачет. Знаешь ведь давнюю поговорку: – Где хохол прошёл, там евреям делать нечего.

Тут я благополучно и аккуратно закатил подряд три шарика и вышел в лидеры второй партии.

– Ещё? – раззадорился Сергей. – А? Третья, контрольная!

– Боюсь в разгон пойти, – отказался я. – Я человек заводной. Контрольную давай отложим. У тебя два тут срока пребывания, у меня один. Вообще давай считать, что ты победил.

Да, бильярд, с его сверкающими на зелёном бархате шарами, мог и затянуть. Да и все другие игры, в которых Сергей был мастер.

– А партийку в шах-матЫ, а?

– Я в них не мастак, знаю только, что конь ходит буквой гэ.

– Я тоже так: едва, едва.

– Шахматы, они вождам полезней, – отвечал я словами Маяковского.

– Нам бильярд отращивает глаз, – продолжил Сергей. – Нет, шахматами не пренебрегай. Смотри, евреи далеко не дураки. Если им неохота землю пахать, стали умом зарабатывать. Чемпионы сплошь они. Карпов только резко возвысился, да ещё раньше Алехин. Но шахматы – это комбинации, они комбинаторы. У них Остап Бендер икона.

Больше в бильярдную я не ходил. А партнёром Сергея стал старичок-драматург, Сергей звал его Яшей, известный, кстати, драматург, который кормился идущими в театрах на периферии «датскими» постановками. Датскими, потому что к датам: Новый год, Восьмое марта, Первомай, Октябрьская.

Но у них с Сергеем игры были на деньги.

– Я его заставлю платить, – говорил Сергей. – Ишь, устроился: шары какает, а ему денежки каплют. Или капают? Что в лоб, что по лбу. Евреи, где можно деньгу сшибить, тут они. Я в нашем областном театре делал инсценировку, ходил туда, читал им для труппы. Роли уже даже расписывали. И что? Конечно, не поставили. Они и знали, что не поставят. Это я, Ваня такой, меня легко обмануть. Нет, они чужих не кормят. Много ли русских ставят? Чуть-чуть Шукшина, да Вампилова перед смертью. Отомщу, обставлю. Яша силён. Запрещает по отчеству называть. Худой, вроде еле живой, а привык по Доммам творчества ездить, везде же бильярды, наблатыкался. Начали с рубля. Его, чувствую, затянуло. Пока я в минусе. Но это я его заманиваю.

Приглашение в сферы

Так как меня и в ресторане, и в кино видели всегда с Тендряковым, то и со мною стали здороваться. Вот интересно, властями Тендряков обласкан не был, а знаменитость его превышала многих со званиями и наградами. Что ни говори, а в писательском мире существует свой гамбургский счёт. Здесь, в Доме творчества был на отдыхе даже писатель Герой Социалистического труда. Таких в Союзе писателей было всего несколько. В обиходе таких героев называли Гертруда. Но это же женского рода. Правильнее было говорить Гертруд. Наш Гертруд нигде почти не показывался. А и он, я заметил, считал за честь пообщаться с Владимиром Фёдоровичем.

Сказал к тому, что ближе к середине срока мы шли с завтрака. И, что раньше не бывало, Владимир Фёдорович спросил:

– Ну как, идёт дело?

– Да трудновато, – в замешательстве ответил я.

– Это очень нормально. Иначе как? Надо, милый ты мой, сто раз перемотаться, пока пойдёт. Может, что считаешь нам с Наташей? Из готового?

– Ой, нет, ничего не готово, – я всерьёз испугался. И скрылся за авторитетом: – Хемингуэй писал о себе: «Я стал читать незаконченный рассказ, а ниже этого нельзя опуститься».

– Ладно, не опускайся, – засмеялся Владимир Фёдорович.

Тут нас тормознул классик одной из южных республик, Иона Маркович. Он на завтраки не ходил, завтракал в номере. Ему персонально привозили продукты из его республики. В том числе и вино.

Раскланялись.

– Владимир Фёдорович, позвольте попросить вас о большом одолжении. – Посмотрел на меня, протянул руку. Я представился. Понятно, что он, при его известности, мог и не представляться. Он притворился, что слышал обо мне. – Владимир Фёдорович, мы, на местах, у себя в республиках, конечно, отслеживаем настроения в Москве. И видим явные повороты в сторону поощрения фронтовой и деревенской темы. Астафьев, Ананьев, и Бондарев, Бакланов, Быков, все на бэ, – улыбнулся он, – фронтовая плеяда, вы, Троепольский, Абрамов, из молодых Белов, Распутин, Лихоносов, Потанин, Личутин, Краснов, Екимов – деревенская смена фронтовиков, – это всё, так сказать, компасные стрелки генеральных линий. Очень правильно! Хватит нам этой хрущёвской показухи!

– Хватит, – весело согласился Владимир Фёдорович.

– Да! И особенно пленяет ваша смелость в изображении тёмных сторон современности, нелицеприятный показ...

– Ладно, ладно! – прервал Владимир Фёдорович. – Чем могу служить?

– Видите, нас всегда вдохновляла русская литература.

– И что?

– Я ведь тоже из сельской местности. Не совсем. У меня отец партработник, так что жили в центре, но я часто бывал у бабушки и дедушки. Они держали гусей и доверяли мне сопровождать их до речки...

– А в чём просьба? – опять перебил его Владимир Фёдорович. Я понимал, что ему не терпится сесть за стол.

– Короче говоря, я тоже решил писать в полную силу правды, ведь, сколько мы пережили, надо успеть зафиксировать. Короче: послезавтра собираю близких людей, чтобы прочесть то, что пишу, и попросить совета. И очень прошу удостоить честию. И вас, – адресовался он ко мне, – тоже. Послезавтра.

– А чего не сегодня, не завтра? – спросил Владимир Фёдорович.

– Но надо же подготовиться, заказать, чтобы привезли кое-что для дорогих гостей

Так я, благодаря учителю, был приглашён в общество небожителей. Классик Иона Маркович перечислил званых: все сплошь знаменитости, плюс два главных редактора толстых журналов, плюс Герой войны, маринист. Плюс два критика, как без них. Но, видимо, придёт из них кто-то один: они из враждующих лагерей.

Спецкурс критика

Одного критика я вскоре узнал лично. До этого знал заочно. Его все знали: со страниц не слезал. Писал, как о нём говорили, широкими мазками. Оперировал всякими амбивалентностями. И был до чрезвычайности смелым, ибо требовал от писателей смелости. Прямо Белинский нового времени.

Он сам, оказывается, что-то у меня прочёл, знал, что предисловие к моей первой книге написал Владимир Фёдорович, всё знал.

– Ты молодец, – похвалил он меня, – молоток. Держись за Тендряка. Локомотив. Вытянет.

Конечно, он был уверен, что я взялся редактировать книгу Владимира Фёдоровича только для того, чтоб сорвать с него предисловие. Увы, в этом мире никто не верит в безкорыстие.

Критика звали Вениамин, Веня. Своё критическое кредо он изложил мне, поучая, как надо жить в мире литературы. Вообще, интересно: меня всегда все поучали. Может, я такое впечатление производил, недотёпистое. И в Ялте, ведь избегал разговоров, знакомств, а он меня отловил. Сам виноват: неосторожно пришёл в кино задолго до начала. Он взял меня под руку и, водя по дорожкам среди цветников, напористо вещал:

– Слушай сюда. У нас семинар Золотусский вёл, учил: чтобы вас заметили, надо быть смелым. А как? А так: не бояться ни званий, ни регалий того, о ком надо резать правду-матку. Чем знаменитей объект критики, тем заметней критик. Понял, да?

– А ты резал? Правду-матку. Или ещё не дорезал? – отшутился я.

– Тут не хиханьки-хаханьки. Тут борьба. Тут всякие приёмы годятся.

– То есть вольная борьба?

– Ещё какая.

– Какая?

– Вот у меня статья написана о старшем поколении, резкая, честная. Сколько можно этим старпёрам в литературе командовать: все должности захватили, премии делят, карманных критиков лизоблюдов при себе держат, прикормили. Нет, так нельзя! Я режу: до каких пор? Вот, в этом заезде два главных редактора, пузом вперёд. Я и того и другого в статье уел. Им не прочихаться. По благу у них всё. Свой круг авторов, свои акценты. А как прозаики они кто? Какого размера? Ну да, что-то было. Было – прошло. Пора место знать! О, эта статья наделает шуму. Я её ещё зимой в Малеевке начал, потом летом в Коктебеле продолжил. Сейчас доколотил. Но вот тут главное. Слушай. Если бы тут третий редактор был, я бы именно ему статью отдал. А тут они, оба, на кого я нападаю. Как поступить? Что я делаю? Учись. Вырезаю из статьи всю критику на того редактора, кому отдаю читать. Ему нравится, ещё бы, его не трогаю. Он говорит мне: «Ты молодец, правильно их отхлестал. Напечатаю. Но этот год у меня расписан, начало того тоже занято. Давай поставлю на март-апрель». На март-апрель, как тебе нравится? Ну?

– И что?

– Как, и что? Начало ноября сейчас. Полгода ждать.

– И что? Читать же не разучатся.

– Нет, юное дарование, ты ещё далёк от понимания процессов. Так вот, я благодарю его, а сам в рукопись обратно всю критику на него возвращаю, а вырезаю критику на другого редактора. И тоже отдаю читать. Читает. И тоже – довольнѐхонек! Говорит: Веня, срочно в номер! Идёт в двенадцатом. Бомба!

– А как ты с первым-то будешь потом встречаться?

– Да никак! Начнёт меня поносить, я тут же реплику: господа, я в подковерные игры не играю, живу с открытым забралом. Нет, старичок, пора нам валить этот дурдом в Союзе. Ты хорошо начал, не останавливайся, набирай очки. Я тебя по «Сельской молодёжи» заметил, Попцов молодец, тянет парней, заметил тебя, вы там с Прохановым начинали.

– Проханов раньше.

– Так он и постарше. Он будь здоров, парень моторный. О конфликте на Даманском крепко написал. Уже ему и страны мало, уже из Кампучии репортажи. Спецслужбы на него поставили. И ты смотри, будь зорче.

Литература – это такое дело: слопают и костей не выплюнут. Это же шакалы.

– Кто?

– Писатели! Ты чего, под дурака косишь?

– Ну, Веня, нет, тут я не согласен.

– Да пожалуйста, блажен, кто верует, веруй. Схлопочешь пару измен от заклятых друзей, поумнееешь. Литература, брат ты мой, круглый стол с острыми углами, не я первый сказал. Садятся за стол и локти пошире раздвигают, чтоб никто рядом не сел. Держись за меня, я сколачиваю поколение на смену мастодонтам. Готовлю прорыв. Уже и семинар веду в Литинституте. Ко мне молодые рвутся. Чувствуют, где направление главного удара. Ты давай, тоже начинай посещать. Я и Селезнёву помог из Краснодара переехать. Подтягиваю силы. Надо в стенку сбиваться. У них, смотри, всегда бригадный подряд, всё братья: братья Стругацкие, ну, эти ещё ничего, братья Вайнеры. А в критике с нашей стороны вообще завал. Не всё же нам на Лобанова, Лакшина, Ланщикова надеяться. Надо крепче врага теснить. Примерно как «Новый мир» и «Октябрь» сцеплялись. Кочетов молодец, но его количеством задавили.

К нам подошёл Сергей. Конечно, они-то были давно знакомы. Тем более критик Веня как раз был из тех, кто приехал в Москву из провинции, то есть мог Сергею пригодиться.

– Ареопаг в сборе, – заметил Веня. – Двинемся в зал?

Пошли. Но в вестибюле я отстал от них и дальше не двинулся. Вернулся на улицу. Ходил по периметру Дома, потом зашёл в номер, собрал исписанные листки, поднялся к своей сосне и сидел до темноты.

Так уже бывало. Меня угнетало то, что живу тут в такой благодати и не работаю. Просто ужасно – никакой продукции. Напишу строчку – зачеркну. Ещё напишу, ещё зачеркну. Доехал страничку – скомкал. Но не выбросил. Копил похеренное для прогулки к сосне. Там, на чистом местечке, сжигал свои черновики. Подкладывал сухих веточек, глядел на огонь.

И Сашок приходил

Сжедневно виделся и с Сашком. Он вообще был деликатен и, если заставлял меня за столом, то тут же поворачивал. Если же я лежал на диване, а лежал я часто, то присаживался и развлекал. Все его истории были о теневой стороне жизни обитателей Дома творчества.

– Соню знаешь? Старшая официантка.

– Нет.

– Ну, увидишь. Из отпуска скоро придёт. Она и сейчас ещё очень ничего. А раньше вообще. Что ты! Королева красоты, цветок невинности! Идёшь вечером в город, её уже угощают в лучшем ресторане. Я ей как-то говорю: «Чего ж ты у себя-то не ужинаешь?» Говорит: «Я и с тобой могу поужинать. В состоянии? Веди». Смешно. Веди. Да мне что – меня в любую постель затащат.

– В любую? Врёшь.

– Да, вру, – усмехнулся он. Налил и выпил. – И про Соню фантазия. Это я от обиды ляпнул – отринула. А чего им, этим жёнам? Мужья горбатятся, лысеют, а жене что? Какие на веранде сидят, вяжут, какие языками плетут, какие на лежаках у моря. Я по вызову прихожу, сразу понимаю, в чём проблема. Тут не кран, тут сильно другое.

– Не надо, – прерывал я. – Сашок, сантехника это хорошо, но заведи хобби – перо и бумагу: ты столько знаешь неизвестного о сильных мира сего, о тайнах Мадридского двора, да ещё и присочинить можешь. Такие записки драгоценны для потомков. И спрос на них растёт.

– Нет, – отвечал Сашок, – я в этом не волоку. Да и зачем? Я мужик, я всё могу. Я до города в селе был, понимаю и во саду, и во поле, за скотиной ходил. И в городе не пропал. А на этих гляжу: здоровенные мужичины, на них пахать надо, а они сидят целый день как кассирши: тык-тык-тык, чирк-чирк. Мне даже и книги когда дарят. Я гляну из любопытства: всё трынделки, одна брехня. А потом им же надо что-то сказать. «Ну как, Сашок, прочитал?» – «Да, а как же. Всё очень подобно, жизненно. К цели ведёт». Рады, ещё и на бутылку дают.

Сашок уже не уговаривал выпить, но сам выпивал. Для этого в моём номере держал стакан.

– Тяпну грамульку. Для кручины нет причины. – Опрокидывал. Всегда при этом прибавлял: – Эх, горе нам, горе нам, горе нашим матерям. – Крякал, заедал принесённым с завтрака сыром, вставал: – Ну, давай трудись. Соответствуй.

Раза два он перебрал и даже попел для меня. Две песни. Одна: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка, полная червонцев и рублей. Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что в книжке нету прибылей». Другая: «Ну, что тебе сказать про Сахалин, на острове нормальная погода. А я тоскую по тебе и пью всегда один, и пью я от заката до восхода».

Видимо, и на него действовала творческая атмосфера, здесь царящая. Он однажды даже рассказал, как он выразился, «историю биографии». Пришёл выпивший:

– Сделай запись, а то забудешь.

– Чего запись?

– Историю моей биографии последнего дурака.

– Пишу, – я в самом деле взял бумагу и вооружился авторучкой.

– Пиши: Я мог стать на уровень министра, а не стал. Спросишь, почему?

– Нет, не спрашиваю.

– Правильно: любопытство хуже свинства. Потому что вижу: в начальники рвутся карьеристы и подлецы, смотрят на кресло, как на заработок. Это понятно?

– Как не понять, это публицистика.

– Так вот, уточняю: я во всём был будь здоров. Хоть физика, хоть химия – нету равных. Что в длину прыгал, что в высоту. Математичка мне всерьёз говорила: Сашуля, твои данные говорят о многом. Другие учителя соответственно. Прочили светлое будущее. И вот я здесь сижу со стаканом и разводным ключом... Можно закурить?

– Тут мы задохнёмся, пойдём на улицу. Бумагу с собой беру.

– Да можно уже и не записывать: летай иль ползай, конец известен.

У корпуса было пустынно. Сели на лавочку, на которой любила отдыхать Наталия Григорьевна с подругами. Ещё шутила: «Главное дело писательской жены – помогать мужу. А помогать мужу-писателю, значит, уходить с его глаз. И к работе не ревновать».

– В общем, – продолжал Сашок, – дальше неинтересно. У меня мама умерла рано, я только школу заканчивал. Отец её очень любил, ну и, понятное дело, заболел-заболел и за ней. А я уже в институте, а я уже и там на

первых ролях. А у меня квартира. И, конечно, весь курс заваливается ко мне. Дальше, по тексту, пьянки-гулянки. Однажды просыпаюсь с девушкой, которая беременна от меня. О чём мне объявлено в присутствии тётки, которая пришла в мою квартиру, как ты сам понимаешь, жить навсегда. В которой и сейчас живёт.

- А ты с ними живёшь?
- С ними только другие такие же змеи уживутся. Да и то передерутся.
- То есть ты разошёлся?
- Через тюрьму.
- Как?

– Как залетают, так и я. Не вынес я такой жизни и руку вознёс. Уже были зарегистрированы. Я же порядочный человек, у меня отец – фронтовик. Отметелил их, как полагается и – на нары. Там и сантехнику освоил, и слесарное дело. Понимал: чем-то же надо будет кормиться. Но поклялся: чтобы ни с одной бабой больше недели не застревать. Ну, месяца. Ладно, – сказал он, аккуратно затувив окурки о край красивой урны, – так не так, перетакивать поздно. Я как разошёлся...

– Разошёлся?

– Проще говоря: развели. Она постаралась. С тюремщиками легко разводят. Ещё легче выписывают с площади. Спасибо скажи, говорит, тебе комнату в коммуналке выменяла. А ещё ударишь, и оттуда выгоню. Так я о чём?

– О верности жене.

– Да! Пошёл в разгул, когда паспорт без штампа о браке получил. А если бы с женой в любви, так разве бы на сторону хоть раз поглядел?

Ниже уровня моря

И ещё на одно мероприятие для избранных я попал, благодаря Тендрякову, на экскурсию в знаменитые винные подвалы «Магарач». В переводе «стоянка осла». Знамениты они ещё и тем, что фашисты, долго жировавшие в Крыму, знали, конечно, о винных подвалах, искали их, но – великая честь ялтинцам – никто не выдал, где они.

Из-за этой экскурсии приглашение к Ионе Марковичу, на слушание авторского чтения новонаписанной повести, было перенесено.

В делегации с русской стороны были Лазарь Карелин, Юрий Нагибин (они потом написали об этой экскурсии), кого-то и не помню, потом мы с Владимиром Фёдоровичем, от братских республик были знаменитости из Армении, Грузии, Молдавии, Украины, прибалты были, были и из Средней Азии, – сплошь отборные письменники.

Привезли на комфортабельном автобусе с музыкой и кондиционером. Перед входом в большие стальные двери всех облачили в белые халаты.

Сопровождал стеснительный, но очень знающий молодой учёный, кандидат винодельческих наук (да, и такие есть). Он подошёл к Владимиру Фёдоровичу с его книгой, стеснительно попросил об автографе, прибавив, что именно Владимир Фёдорович его любимый писатель. Стал вести экскурсию. Тендряков весело мне подмигнул: «Без бутылки не уйдём».

Началась экскурсия. Спустились в подвалы по деревянным, но не скрипучим лестницам. «Дубовые, – пояснил сопровождающий, – как и бочки для многолетней выдержки. Будем находиться ниже уровня моря».

Экскурсию заинтересованно воспринимали армяне, грузины, молдаване, украинцы. Но для меня, а я видел, что и для наставника тоже, это была пытка. Вот представьте: подходим к очередной пробе очередного сорта вина, так сказать перебродившего сока солнечной виноградной лозы, постепенно дошедшего до названия нового сорта вина или его разновидности, учёный рассказывает, шо цэ такэ е. Мелькание слов: солнечный склон южный, а лучше бывает и восточный, благоприятная погода, затяжная весна, дождливое лето, раннее, позднее созревание, букет, выдержка, участие в конкурсах, получение тогда-то там-то вот этой медали (рисунок). Потом тебе дают десять капель этого вина. Надо не сразу выпить, а подержать его во рту, языком повозить в нём, ощутить и нёбом и гортанью. Потом проглотить, или – вариант – выплюнуть. Рот прополоскать минеральной водой, снова выплюнуть в ручеёк, текущий вдоль демонстрационного стола. Потом обсуждение, потом дальше.

Нет, это была пытка. Изысканная, комфортная, но пытка. Я уже подумывал, как бы смыться, да взять на набережной кружку пива, да посидеть, глядя на волнистое море. Но куда там: протокол, программа. Оказанная честь. Надо ценить. Но Владимир Фёдорович чувствовал то же самое, что и я. И на одном из переходов из зала в зал сказал экскурсоводу:

– Слушай, ты нам с Володей дай по бутылке и веди их дальше.

И бутылка, не одна, а две каждому в плотных бумажных пакетах, были нам подарены его помощниками. И мы, хотя явно не англичане, но ушли по-английски. Так сказать, десантировались.

Марганцовка

После подвального холода отогревались на скамье прибрежного бульвара.

– Ну что, – произнёс учитель, – наши организмы перенесли такое издевательство, надо их утешить. Вон автоматы газировочные. Там стаканы. Нет, не дёргайся, тебя засекут, а на меня не подумают. – Он встал, пошёл к автоматам и вскоре вернулся с чисто вымытым стаканом.

С тех пор я не видел такого вина, «Чёрный доктор». А тогда отличился перед учителем. Пальцем проткнул пробку. Владимир Фёдорович изумился:

– Он у тебя металлический?

– В кузнице работал, – отшутился. – Должен же я хоть что-то уметь.

И мы, не спеша, ничем специально не заедая, чтобы не портить впечатление от такого вина, приняли в себя для здоровья тела и радости душевной напиток этого крымского доктора. Никто нам не мешал. Только подошла девочка лет четырёх и задала интересный вопрос:

– Дяденьки, а почему вы марганцовку пьёте?

Не успели придумать ответ, как её отозвала то ли мама, то ли нянька.

Как же было отрадно глядеть в синюю даль на корабли, на облака над ними. И спешить никуда не хотелось.

– Скоро добыю, – сказал Владимир Фёдорович. Он говорил о повести. – Дам тебе прочитать. Если получилось, можно в книгу включить. Её у меня «Новый мир» берёт. Или «Дружба народов». Серёжка должен скоро приехать, Баруздин, редактор. Всё просит. Может, и ему. У него журнал хорошо идёт по республикам. А «Новый мир» и за границей востребован. Твардовский, у нас дачи рядом, каждый раз напоминает. Ну что, тёзка вятский, беря в расуждение малую градусность вина, но прекрасный его вкус, созданный из

винограда, выросшего на, кто его знает, каком склоне, и непонятно, в какое лето, и не нам знать, когда там солнце соизволило участвовать в созревании лозы или когда дожди сие дело тормозили, о, как изысканна моя преамбула к самому простому действию: пора понять, что вторая бутылка по нам тоже соскучилась. Как считаешь? Надо и ей башку свернуть. А ещё одну возьмём себе, а ещё одну с Наташей употребим.

– Нет, нет, – торопливо сказал я, – обе вам.

– Хорошо, – согласился Владимир Фёдорович, другой отказывался бы гораздо дольше. Он засмеялся вдруг: – Эта девочка-то как, а? марганцовка. Смешно. И вставить куда-то можно. Вставь, дарю. Взрослые дяди спёрли стакан, пьют марганцовку. Мы бы и сами могли купить, да нет такого вина в продаже, вот канальство. Всё у нас не для нас! Ансамбль «Берёзка» везде, только не в России, басы у нас какие! В Болгарии Борис Христов говорил о Шаляпинской школе. Доримедонт Михайлов! А Ведерников-то тоже наш, вятский, как и Шаляпин. Гордишься?

– Ещё бы! – воскликнул я.

– Наливай! Посмотрим, чем на громкой читке будет угощать южный генерал. Меня он ещё после тебя потом душил разговорами: учимся, говорит, у русских говорить правду. Знает наших лучше нас с тобой. Всё читает. Например, читал ты Гранина, Чивилихина?

– Да.

– Можно не читать. Это большеформатные очерки. Обслуживание тезисов, продиктованных верхами.

– У Чивилихина «Кедроград» и о Байкале, это же нужно, – защитил я. – Он именно Распутин поддержал.

– Это да. Распутин на смену идёт. От Белова я многого жду. Его Александр Яшин вырастил. Но ведь у самого Яшина «Вологодская свадьба» тоже не литература. Это опять же очерк. Нет широты. Мальцев, Троепольский. Как и Феди Абрамова «Письмо землякам». Зауженные местные проблемы. Астафьев, – Владимир Фёдорович сделал паузу, – совсем неуспокоенный. А вот я не могу писать о войне. И не хочу. Хоть и заработал право. – Он показал кисть руки, искалеченную осколком. Юра Бондарев пишет, молодец, Василь Быков, Сеня Шуртаков. А Володя Солоухин не воевал, в Кремлёвском полку служил. Но свою нишу занял. Грибы, цветы. Также надо. Только бы лапти не воспевал. Чёрные доски эти.

– Но он же их сохраняет.

– Зачем? А что без них и Лувра нет, Русского музея, Дрезденской галереи?

– Мне очень его «Владимирские просёлки» понравились, – сказал я. – Ещё в десятом классе был, в Роман-газете читал.

– Так ведь тоже только очерк. Путевые записки. Интересно, конечно. А потом что? Эти «Чёрные доски» собирал, в религию ударился. Я ему: «Володя, это отжившее: вперёд идём, а не назад». Он упёрся: «Нет, ВОЛОДЯ, – окает всю жизнь, – надО долГ Отдать». Прямо как отец Онуфрий, обходя оврагом общественный огород около огромного огурца озрел оголённую Олю. Ты как к церкви?

– Я ещё в школе думал: если Бога нет, так как бороться с тем, чего нет?

– А ты Его спроси, Бога, что ж Он никак нам не помогает? Такой бардак развели.

– Мы же не просим.

– Надо же, – развёл руки Владимир Фёдорович, – ещё и просить. Зачем Он тогда Всеведущий и Всемогущий? А? Нечего сказать?

Владимир Фёдорович встал, потянулся.

– Чего-то я разлеился. Статью никак не допишу. О бригадном подряде, аккордной оплате. Да, надо тебе Тейяра де Шардена прочесть: сознание встряхивает. Эволюционер. Эво! Не революция, эволюция! Католик, но они прогрессивней наших, они идут на союз с наукой. А наши консерваторы. Упёрлись в обряды, язык у них, как был, так и остался. В космос летаем, а там всё: не лепо ли ны бьшеть старыми словесы.

– Ярославна плачет в Путивле на городской стене: ветер-ветрило, прилепей моего ладу, отру кровавые раны на его теле, – то ли поддержал я учителя, то ли с ним не согласился.

– Поутру плачет, – показал он мне моё плохое знание «Слова о полку Игореве», – не просто так написано. Поутру. С утра плачет. Умели писать.

По дороге к Дому я всё-таки осмелился сказать:

– Владимир Фёдорович, до того мне не хочется думать, что люди от обезьяны произошли. Мне понравилось, я слышал шутку: не люди от обезьяны произошли, а обезьяны – это бывшие люди, которые оскотинились.

– Очень похоже, – засмеялся Владимир Фёдорович. – Жизнь произошла от первичного бульона Вселенной, от живой клетки.

– А живая клетка откуда?

– Всегда была. Читай у Вернадского о единстве живой клетки в космосе.

– Так был или нет день Творения?

– Ну да, был – взрыв во Вселенной, – хладнокровно ответил Владимир Фёдорович. – До сих пор Единое ядро разлетается во все стороны в виде Галактик, они как осколки.

Наставник мой не знал сомнений. И мой вопрос: а взрыв-то кто устроил, оказался непроизнесённым.

Старшая официантка

На обеденном столе обычно лежали листочки, на которых мы помечали галочкой название тех блюд, которые желали бы употребить в следующий день. А тут их не оказалось. Я вызвался сходить за ними.

Подошёл к дежурной, которая, склонив голову в белом платке, что-то писала.

– Простите, можно вас попросить, – начал я. Она подняла голову. Я сразу понял, что это она, Соня, которая вернулась из отпуска. Мы встретились взглядами. Что-то неуловимое, будто она меня вспомнила, мелькнуло в её глазах. Да, хороша была эта Соня: тёмно-русая, глаза большие, карие, вся в северную породу русских красавиц.

– Мне листочки, три, для заказов.

Она взяла листочки из папки на столе, легко встала, такая стройная, и протянула их мне. А зачем было вставать? Как она походила на далёкую, ещё доармейскую девушку, с которой мы были дружны, но которая меня из армии не дождалась. И хотя на Соне был платок, закрывавший волосы, я был уверен, что у неё прямой пробор и обязательно косы. Про косы чуть не спросил. Даже качнулся вперёд, но спохватился и виновато улыбнулся. И она улыбнулась:

– Что-то ещё нужно?

– Нет, нет. Я знаю, вы Соня. А как по отчеству?

– Не надо. Надеюсь, ещё до отчества не дожила. Или уже пора?
 – Ну что вы.
 Вернулся за стол. Наталия Григорьевна что-то заметила.
 – Ах, хороша, да? Понравилась? Вижу, вижу, смутились.
 – Какой там – смутился? Что за блажь? – недовольно спросил Владимир Фёдорович. – Он работать приехал. Встал в борозду и паши. Смущаться будешь, когда плохо напишешь.
 – Тут столько классиков, что... – я махнул рукой. Сел и стал смотреть предлагаемые кушанья на завтра. И блеснул знанием, заодно уводя от начатой темы: – Слово меню адмирал Шишков предлагал назвать: разблюдаж. Та-ак, завтрак, обед, полдник. Ставим галочки. С такой едой можно и не писать.

В этот день вечером был фильм «Генералы песчаных карьеров» или, в другом переводе, «Капитаны песка». Я почему-то знал, что Соня придёт.

Пришла. Сидела впереди. Да, тёмно-русская, да с прямым пробором. И не косы, а одна широкая короткая коса. И фильм очень неплохой, и песня пронзительная. Хотя и немного безотрадная: «Судьба решила всё давно за нас».

Чтобы подойти к Соне, мысли не было. Нет, вру, была. Но скрепился: как мне провожанья, работать приехал. Заставил себя уйти до окончания сеанса. Да и брюки в смоле, и ботинки не чищены. И сам не брит.

А ночью меня пронзила ожившая боль разлуки с той, моей девушкой Валей, с которой дружил до армии. На которую похожа Соня. И мысль овладела: вот о чём надо написать. Уходит парень в армию, а мы уходили, самое малое, на три года, уходит, провожает его любимая, обещают они ждать друг друга, быть верными. Да это и обещать не надо, это ясно. Он уходит в новую жизнь, а она-то остаётся в прежней. У него всё переворачивается: это же армия! Взросление, возмужание, новые привычки, стремления, друзья. Он становится другим за три года, а она не изменилась. И любит по-прежнему. А он уже другой. Тут трагедия. И он любит, он был верен ей, другой у него нет. Но уже что-то изменилось. Тут мучение. Она сердцем понимает, что у него уже нет той силы любви к ней. Что он, страшно сказать, стал чужой. А он говорит о свадьбе, он честный человек. И не врёт, и готов жениться. Но она, жалея его, отказывает ему. Может даже солгать во спасение, что полюбила другого.

Вот маленькая повесть. Вот её и пиши.

Во все следующие встречи с Соней, а они трижды в день при посещении ресторана Дома творчества были неизбежны, просто раскланивался. Она была как всегда приветлива. Чтобы не встречаться с нею взглядом, сел спиной к её столику.

– Не поможет, – засмеялась всё понимающая Наталия Григорьевна.

Почему-то не мог о ней не думать. Но сказал себе так: это от того, что она своей похожестью на Валю моей юности вызвала к жизни замысел повести. Спасибо ей за это, и до свиданья.

Кукарачка

В один из дней она отчудила: привела перед обедом в корпус дочку свою, да ещё и ко мне, в мой карцер постучались. Мороженое принесли. Была в белой кофте-распашонке, вышитой красными узорами. Голова не покрыта, волосы распущены по плечам. Девочка лет четырёх, в платье-пелеринке, белый бант на голове, прямо ангел, сказала:

– Я Оля, а вы?
 – А я папа девочки Катечки. Такой, как ты. Такая же принцесса, модница.
 – Модница ещё та, – подтвердила Соня и спросила: – Вы же смотрели кино «Генералы песчаных карьеров»? Да? Я в конце вся обрыдалась. Прямо настроение подиспортилось.

– Да, грустный финал.

Сели. Неловко помолчали. Оля потихоньку деревянной щепочкой доставала мороженое из вафельного стаканчика. Соня и я к мороженому не пригнулись.

– Я хотела спросить, – заговорила Соня, – вот о чём. Тут, кто бы ни приехал, все всё всегда: дама с собачкой, дама с собачкой. А я прочла, и что? И это любовь? Она же от мужа уехала, а он от жены. И загуляли тут. Это как?

– Это не ко мне вопрос, к Чехову.

– Его уже за хвост не поймать. А вы как считаете?

– В общем-то я тоже от жены уехал. Хотя бы отдохнёт от меня.

– А вот скажите, – спросила Соня, – почему это жёны писателей, все только и жалуются, что им тяжело жить.

– Вообще, конечно, тяжело.

– Почему?

– Женщинам надо, чтоб им постоянно уделяли внимание, а его работа забирает целиком и полностью. Он же непрерывно в работе. Идёт с женой рядом, а сам не с ней.

– Как это?

– Думает над тем, о чём в это время пишет. Вот коротко: рассказ. Не мой. О писателе. Он возвращается домой, видит в прихожей чемодан, думает, как это интересно изменяет пространство прихожей. Жена ему говорит: я от тебя ухожу, жить с тобой невозможно. – Почему, зачем? – Невозможно. Ты эгоист, ты занят только работой, и так далее. Я всегда одна, ты мне всю душу вымотал, в общем, все женские слова.

– Да, это мы можем, – засмеялась Соня.

– Он, этот писатель, слушает и думает: да, да она права, ей невозможно жить со мной. И был бы, думает он, хороший такой рассказ, как жена писателя от него уходит. Хорошая, красивая, но несчастная. Он весь в своей работе, он ей не принадлежит. Да, надо запомнить, как от волнения её лицо хорошеет, какие неожиданные, ранее от неё не слышанные слова вспыхивают в её монологах. Воспоминания о юности их любви начинают его терзать, какие-то обрывки фраз из задуманного рассказа мелькают а голове. Он думает: я же всё не запомню, надо записать. Хлопает по карманам – нет записной книжки. – Ты не видела мою записную книжку? – Какая тебе записная книжка? Я от тебя ухожу. – Да уходи, уходи, только записную книжку вначале найди. Она садится на чемодан и понимает, что с ним бесполезно говорить: другим он не будет.

– То есть не уйдёт? Не ушла? – спросила Соня заинтересованно.

– Будем надеяться. Она же его не переделает. Ей самой надо подстраиваться. Но это всё-таки о, надеюсь, верной жене. Каких, кстати говоря, немало в жизни. А в литературе все они изменщицы, чем и интересны. В красивом слове адюльтер. Вот эта дама с собачкой, а рангом повыше мадам Бовари, Анна Каренина, – эти бабёнки мужьям рога наставили, и в героини вышли. А Кармен? Из-за неё судьбы ломаются – ей хоть бы что. «Меня не любишь, ну так что же, так берегись любви моей!» Добилась своего и отшвырнула. Или этот деспотизм: «Если я тебя таким придумала, стань таким, как я хочу!»

– Вот разошлись, вот разошлись, – весело одобрила Соня мой речитатив и арию. – Не все же такие. Что же тогда, не читать о них?

– Читать, да не подражать. А писатели – самые трудные для женщин мужья. Может, Чехов и не женился от того, что понимал: мужа из него не получится. Не выходите за писателя, Соня.

– А за кого? Тут только они.

– Собачку заведите и гуляйте с ней по набережной.

– Мне только ещё собачки не хватает. Скажете тоже. Оля, не дёргай за кофту, сейчас пойдём. – Кажется, она приняла всерьёз мою шутку. – Я-то никого не обманываю: я разведёнка... Ой, у вас даже окна нет.

– Да, моря не видно. Приходится с утра к нему бегать.

– А я знаю. Я даже утром вас издали видела.

– Надо же, – только это и смог сказать. Чтобы скрыть смущение, обратился к Оле: – А это не ты нас о марганцовке спрашивала? На бульваре у моря?

– О какой марганцовке? – спросила Соня.

Рассказал о походе в винные подвалы. О вине «Чёрный доктор», о девочке, спросившей нас, не марганцовку ли мы пьём.

– Счастливые вы, в Магарач простые смертные без доступа. А вино это я могу достать. У меня связи – ого-го. Принести?

– Что вы! Я же работать приехал.

– Оля, пойдём, – тут же встала она, – пойдём, не будем дяде мешать.

– А как же песенка? – спросила Оля. – Ты говорила: дяде надо спеть.

– Вот предательница, – засмеялась Соня. – Петь не обязательно.

– Даже очень обязательно, – попросил я. И повинулся: – Видите, какой я плохой. Даже и угостить вас нечем.

– Ну что вы, сейчас обед.

– А как же песня?

– Мама, можно? – спросила Оля. Встала и очень умиленно, помогая жестами ручек, спела песенку, которая была так проста, что я её запомнил с первого раза. Вот она:

В одной маленькой избушке жили-были две старушки.

И была у них собачка по названью Кукарачка.

Раз поехали на дачку, захватили Кукарачку.

А в дороге неудачка: заболела Кукарачка.

Повезли её в больничку, стали делать оперичку.

С оперичкой неудачка – сдохла наша Кукарачка.

И финал:

В одной маленькой избушке плачут, плачут две старушки:

Ведь была у них собачка по прозвищу Кукарачка.

– Душераздирающая история, – сказал я. – Целая повесть. Всё есть, и события и герои: старушки, собачка, доктор, шофёр, кто-то же их вёз на дачу?

– Они в автобусе ехали, – поправила Оля.

– Ещё интересней. Завязка – поехали на дачку, кульминация – болезнь, оперичка и горький финал. Плачу и рыдаю. Гости приходят, тоже рыдают?

– У нас гостей нет, – заметила Соня.

– Мы её в садике поём, – сказала Оля. – Вам понравилось?

– Замечательно! Стыдно, подарить даже нечего. Я песню запомнил, я её дочке по телефону продиктую.

– Вы, правда, запомнили?

– Ещё бы: такая история! В одной маленькой избушке и так далее.

– А как вы память тренируете? – спросила Оля.

– Сама тренируется. Вот твоя песенка: такой день, красивая девочка...

– И мама, – добавила Оля. – Она вновь взялась за мороженое.

– Ещё бы! Ну вот, и как не запомнить?

Я как-то ищуще озирал своё убогое помещение.

– Ничего ей дарить не надо, зачем, что вы, – заметила Соня. – Вы так слушали, вот подарок. – И после паузы: – А вы давно начали писать?

– С детства. Стихи писал. Потом хватило ума понять, что уровень невысок. Сценарии строчил, пьесы. Да всё как у всех, обычно. Но пришёл к прозе. А проза самое трудное, кому хочешь хребет сломаешь.

– Надо же. А сейчас что-нибудь пишете?

– Пытаюсь. О юношеской любви.

– Как интересно.

– Больше грустно. Он в армию ушёл, а она...

– Не дождалась. Точно?

– Сложнее: он стал другим. Хотя никем не увлекался. Да и где там в армии.

– Ой, и что, что в армии. А вы служили?

– Конечно, как без этого?

– И что, там не было вариантов? Да мужики, где хочешь, найдут. Это мы, дуры, верим да ждём.

– Это у меня из своей жизни такой случай. Знаете, она похожа на вас. И задумка возникла благодаря вам, когда вас увидел.

– Надо же, – засмеялась она. – Вот куда попала. Покажете потом?

– Тут до показа семь вёрст до небес. Ещё начать да кончить.

Оля выскребла ложечкой вафельный стаканчик, отложила ложечку на край стола, Соня её тут же убрала, и стала, обхватив ладошками стаканчик, как белочка орех, его по кругу обкусывать. Заметила непорядок:

– Мама, у него телевизора нет и ванной нет.

– Ничего, Олечка, живу.

– А где вы умываетесь?

– К морю бегаю.

– Каждый раз?

– Извините за беспокойство. Мы пойдём, – сказала Соня. – Уже у порога, поправляя дочке белый бант, повернулась: – А вы до того похожи на него, это мой парень был, прямо один в один.

– Отец Оли?

– Нет. Хорошо бы!

– Оля! – воскликнул я, – умоляю, возьми мороженое. Я его не люблю.

– Ну, раз не любите. – Соня положила стаканчики обратно в пакет.

Ушли. Не удерживал. А чем бы я мог их занять, угостить? Да и сам такой небритый весь. На брюках след от древесной смолы. Рубаха какая-то рабоче-крестьянская. Ведь есть же запасная. Ну, что теперь.

Подошёл к зеркалу. И куда я рядом с ней, такой? И внезапно решил – не бриться до конца срока. И вообще пора носить бороду. Василий Белов с бородой, а моя Вятка с его Вологодой соседи. И дедушки у меня были бородатые ямщики и плотогоны.

Эх, не отпадёт голова – прирастёт борода. Да не отпадёт, сам не теряй.

Но наутро, когда мы прибежали к морю, а оно день ото дня становилось всё холоднее, зрителей приходило всё меньше, наши заплывы становились всё короче, так вот, мне казалось, что Соня где-то близко. И подсматривает за нами. В бинокль. А с ней собачка. Кукарачка. Стих про эту Кукарачку я дочке по телефону пересказал. В тот же день, как они приходили.

Да, Соня. Была в ней женственность, вот что. Это не объяснить, и это есть далеко не во всех женщинах. Женственности не достичь ничем: ни красотой, ни фигурой, ни спортом, ни диетой, это только состояние души. А женственная душа у женщин бывает только у целомудренных. Сказал же Сашок, что Соня ему его мать напомнила. А мне далёкую Валю. Ведь не похожестью лица, а именно этой женственностью.

Ну хоть стреляйся

С работой моей так заклинило, какой-то ступор случился. Не успевал начать давно задуманный рассказ, хотя собирался, когда ехал, сесть за повесть, но уже согласен был бы и на рассказ, лишь бы не простаивать, оправдать эту, с небес упавшую, возможность для работы, как тут же настигала мысль: а зачем писать, а кому это нужно? Даже и так было: бегу утром к морю вниз, бегу обратно вверх, в гору, непрестанно думаю о работе. Как учитель наставлял. Взглядываю на него: думает. Даже вроде того, что губами шевелит, что-то проговаривает. И думаю о своей работе, и мне всё ясно: сяду за стол и – поехали. Но не получается такой радости: записанная, вроде продуманная мысль не хочет жить на бумаге. Сохнет, как сорванный листок.

Поневоле бросишь авторучку. А уже видишь рассказ напечатанным, читающимся кем-то, видишь и этого кем-то, как он зевает, отодвигает книгу, как включает телевизор. А если и не отодвигает, если и дочитает, всё равно же закроет. И что в этого кем-то из твоего текста перейдёт? Зачем ему твоё самовыражение? Он утешения чаёт. Ах, меня бы кто утешил.

И, так как некому было поплакаться, кроме жены, звонил ей. Часто не бегал в город, а звонил из вестибюля. Там иногда бывало свободно. А вообще, ожидая очереди к телефону, легко можно было возненавидеть женскую породу. Невольно вспоминалась шутка: женщина говорит подруге: «Вчера мужу доказывала, что я умею молчать. Так доказывала, что голос потеряла». Из кабины в вестибюле долетали расспросы про котов Мусика и Пусика, да про собачек. Как они погуляли, хорошо ли едят?

Желание услышать родные голоса возникало именно в минуты близкого отчаяния во время работы. Я жене не жаловался на то, что у меня работа не идёт, вообще не говорил о работе, но всё равно от разговора с ней становилось легче.

Меня жена ревновала к дочке. И похожа, и делится не с ней, а со мной секретами. «Папа, мне в нашей группе Миша нравится». – «А в чём это выражается?» – «Нет, папа, он не выражается». – «Из чего ты вывела, что он такой самостоятельный?» – «Он воспитательницу не слушается». – «Да, это сильный признак мужского характера. А ты ему нравишься?» – «Вполне».

И жену услышал. Она взяла трубку.

– Что это у вас за кукарачка? Страшнее не было имени для собаки?

– О, да, запиши. Диктую: Катерине понравилось. – И продиктовал. И вздохнул, выходя из кабины.

И опять пошёл мучиться над безжалостным пространством белых листков.

«Человек я или тварь дрожащая?»

Такой Достоевский вопрос, который он поручил Раскольникову задать читателям, я гневно задавал себе, сидя на высоких ветвях своей сосны. Только вместо слова человек ставил слово писатель. И не старуху-процентщицу я собирался убивать, у меня дичь была покрупнее – повесть. Но, как сказала бы моя мама, как на пень наехал – работа не шла. Опять сбежал от стола, опять поднялся к своему месту. И на сосну залез.

Было над чем подумать: срок пребывания стремительно катился к завершению, а сделанного у меня в результате, в активе, в сухом остатке, на выходе, как ни назови, – всё ноль. Только и плодил черновики для растопки костерка.

Но и оправдывал себя: то, что хотел делать здесь, показалось неинтересным, мало значащим. Обилие собиравшихся в обеденном или зрительном зале пишущих людей угнетало. Ведь все думают, что пишут нетленки, иначе зачем же и писать? И где будут те, ещё неизданные их книги? А книги обязательно будут. Тут же все члены Союза писателей. И я скоро вступлю. Так, по крайней мере, мне предсказывали рецензенты и издатели. Тот же Тендряков. Разве бы он, при его требовательности, написал бы предисловие к слабой рукописи? Ну, стану одним из этих многочисленных, дадут мне номер с окнами, с верандой, с видом на море и на горы. И что?

А уже с самого детства я не писать не мог. Всю жизнь меня постоянно тянуло сесть за стол. С другой стороны, когда, как писали раньше, вошёл в меру возраста, стала мучить убийственная мысль: ну напишу, ну и что? Но другое-то как, размышлял я? Вот бы мне такое самомнение, как у критика Вени. Да нет, это слишком. Но и комплексовать без передышки тоже глупо. Дана тебе способность слова в строки складывать, складывай. Но дано и умение эти строчки зачёркивать. Ну и зачёркивай, и опять складывай. Сизиф отдыхает.

И что дальше? Сказал же Владимир Фёдорович, предисловие написав: «Смотри, дальше будет труднее. Сказал “а”, говори и “бэ”, и весь алфавит. Первая книга окрыляет, но она и обязывает. Её надо скорее забыть». Ему легко говорить. Она у меня ещё и не выходила, а уже надо её забыть. Весело. А сейчас у меня вообще всё затёрло. Ни бэ, ни мэ, ни кукареку.

А всё Соня, сваливал я вину на неё. Сглазила. Сам виноват, зачем сказал ей о планах. Этого никогда не надо делать. Как у Суворова: «Если б моя шляпа знала мои планы, я бы бросил её в печь».

Не пишется и всё! И без толку бумагами шуршать. Хоть топись. И перед Владимиром Фёдоровичем стыдно. А что делать? Запить? Поехать на экскурсию в Горный Крым или к Бахчисарайскому фонтану? А взять да вообще по «юбке», как прозвали южный берег Крыма, ЮБК, прокатиться на остатки денег? Чего тут-то сидеть? Переживать за поражения Серёги в бильярде? Слушать нотации Вени-критика?

И мне, то казалось, что я зря приехал, то, что очень даже не зря. Какая-то работа свершалась во мне, что-то сдвигалось в сознании. Этому очень даже помогал

Мужской клуб

Время в Доме измерялось едой: трёхразовое питание. Плюс полдник, плюс кефир перед сном. В это время пространство между спальным и обеденным корпусами оживало. Завтрак, обед проходили обычно. Входили и выходили. А перед ужином передвижение застревало у крыльца ресторана. Тут в это время, так сказать, стоя заседал такой временный мужской клуб. Может, и от того он и формировался, что дамы шли на ужин причёсанные и в нарядах. Было на что посмотреть.

Но если утром мужской клуб был малочисленный по количеству и краткий по времени, то вечерний был и продолжительней, и понаселённей. Утренний был до еды, вечерний перед едой. Наравивали аппетит, упражнялись в остроумии. Много чего я тут наслушался. Было что послушать: цитаты, выражения, возражения, случаи из жизни сыпались изобильно. Писатели. Знай запоминай.

– Меня бы жена дома так кормила... – начинал один.

– Ты бы и писать перестал, – поддевал другой.

– Нет, – поправлял третий, – к бабам бы побежал.

Четвёртый тоже не отставал:

– Товарищи, хлебайте щи, а мясо съели слУжащи. – И добавлял на грани крамольного: – Пролетарии всех стран, соединяйтесь, ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь. А знаете, как лозунг этот на украинском?

– Знаем.

– Как?

– Голодранци усих краин, гоп до кучи!

Подходил ещё один обитатель Дома и вопрошал:

– Так зачем, скажи мне, Петя, если так живёт народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд?

– Ну, это, как всегда, взгляд и нечто, – парировал пародист Петя.

Подходил ещё один:

– А с Брежневым согласовали разговоры? Маршал Жуков докладывает Сталину план новой операции. Тот спрашивает: А полковник Брежнев утвердил?

– У нас начались новые традиции во власти, – солидно вступал предыдущий. – Вновь приходящий во власть гадит на предыдущего и так далее. Вновь пришедшему начинают создавать культ...

– Мы же и создаём. Писаки.

– Кто? Конкретно? Признавайтесь.

– Нет, ребята, – на писак всё не валите: они слушают мнение народное. Народ Лёне верит. Никиту при его жизни ни во что не ставили. Я делал обзор писем в «Сельской жизни», сейчас много писем в его поддержку. Стихи даже народ пишет: «Товарищ Брежнев, дорогой, позволь обнять тебя рукой».

Мужской клуб оживился. Говорящий продолжал:

– Тут не смех в зале, тут пища для раздумья. И ещё немного лирики. Кошка охотится за воробьём, «но он вспорхнул и улетел, остались пёрышки на ветке. Он тоже, тоже жить хотел под ясным солнцем пятилетки».

– Никиту вспомнили, – вскинулся седой мужчина. У него под рубашку была надета тельняшка. – Уж как только не надрывался, чтоб Сталина с дерьмом смешать, не получилось. Меня позвали...

– Как не получилось? Уже и битва Волгоградская. А в Париже площадь Сталинград. Европа нас умнее. А ты чего хотел сказать?

– На ужин пора, – голос из толпы.

– Твоё не съедят. Дай послушать. Пётр Николаевич, слушаем, продолжайте.

– Слушаюсь. Меня позвали выступать перед воинами. Обсуждение книги «Десант на Эльтигене». Тоже, кстати, Крым. Прошло хорошо. Потом, как водится, бешбармак. В офицерской столовой. Сидим. Взаимопонимание полное. Никиту ругаем: корабли на металлолом резали, офицеров во цвете лет гнал в запас. Тосты говорим.

– Не тосты, здравицы, – поправил кто-то.

– Да, лучше. По-русски. Я встал: «Отделением сержант командует, взводом лейтенант, ротой капитан, батальоном майор, полком полковник, соединением, дивизией генерал, фронтом маршал. Сделал паузу. Все ждут, чего скажу. А кто, говорю, маршалами командовал? Должен же быть Верховный командующий? Должен! Вы же военные люди. Предлагаю встать и выпить за Верховного! Сталина не назвал, но все поняли. Встали и выпили.

– Воякам лишь бы выпить, – находилось и такое мнение. Но его урезонивали:

– Не скажи.

Подходил опаздывающий. Петя-пародист приветствовал:

– Ты чего такой печальный? А, понимаю. Достоевский умер, Толстой умер и тебе что-то нездоровится. Правильно говорю? Тебя ещё Арий не измерял?

Про Ария мне потом Сергей объяснил. В Московском отделении Союза писателей, а это самое малое полторы тысячи членов, был специальный человек, которого главное дело было – заниматься похоронами. Ведь писатели тоже люди, и тоже умирают. Так вот этот Арий просто членам Союза ничего не обещал. То есть материальная помощь будет, и гроб помогут заказать, но остальное: венки, кладбище, прощание – дело наследников. А если вы уже член Правления, то гроб выставят в вестибюле, тут уже и вахта с траурными повязками у гроба, а если вы Секретарь Правления, то гроб будет стоять в Малом зале. С музыкой и речами. А если уже Секретарь Большого Союза, то есть всего СССР, тогда прощание в Большом зале. Тоже речи, тоже почётный караул. И процедура по времени подольше. И кладбища занимали по ранжиру. На Новодевичье могли претендовать Гертруды, но оно же не резиновое, да уже и Ваганьковское становилось проблематичным, ибо созревание и умирание знаменитостей не останавливалось. Престижные мемориалы становились перегруженными, но пришло на подмогу Ново-Ново-Девичье, названное так Кунцевское. Этот Арий забавлял пишущий народ: подходил к писателю и начинал его измерять, начиная с головы, растопыренными пальцами, объясняя при этом, что надо заранее снять мерку для заказа гроба, что у него мера – расстояние от среднего до большого пальца – точная – двадцать сантиметров.

Также прочитанная свежая Литгазета вызывала прения своим разделом о награждениях, премиях, званиях. Члены клуба имели на всё своё мнение: кому-то звание дали рановато, кому-то запоздали, кого-то вообще обошли, а кого-то вообще ни за что завалили и металлом и премиями. Особенно не щадили пишущих женщин. Все их награды и успехи объясняли однозначно:

– Переспала, вот и весь секрет.

– Кто как может. Вон, у Кожина исследование о «нобелевке». Читайте: там поэтесса, забыл фамилию, да и знать не надо: со всеми почти членами Комитета поамурничала и – пожалуйста. Всех значительных в 20-м веке обошли, может, Бунину только, да Шолохову – за дело.

– Бунин эмигрант политический, а Шолохову дать премию вынудили: уже наши ракеты на Кубе стояли, Громыко посодествовал. И диссидента Пастернака за диссидентство отметили. Толстому не дали...

– Он сам отказался.

– А Чингиз всех членов Комитета на отдых вывозил, надеялся, да что-то не выплясалось.

– А сколько эта премия? В долларах она?

– Какая тебе разница, тебе же не дадут.

– Интересно же.

– Ничуть. Вот премия была – братьев Гонкуров. Сколько её денежное содержание?

– Два франка, – находился знающий.

– Молодец! Возьми с полки пирожок. Два франка. А получить её было самой заветной мечтой всех пишущих и рифмующих.

– Французов. Анри Барбюс не хуже Ремарка о Первой мировой написал, дали по справедливости.

– Народ! Только что прочёл, что Диме Шутову дали на пятьдесят лет орден Трудового красного знамени, а хватило бы ему «весёлых ребят». Или даже знака «Трудовое отличие». То-то он всё последнее время на Воровского в Правление бегал.

– Ему даже знака «Победителю соцсоревнования», и то много.

– Вообще ничего не давать!

– Ну, старик, это жестоко: все штаны, в Большой дом бегаючи, изорвал, одни пиджаки остались, хоть их украсить.

– А я вам новость скажу – всех утешит. Сейчас же введён «Знак качества» на продукцию...

– Да этот знак везде шлёпают, только на капусту не ставят: расплывётся.

– Не перебивай, не капусту выращиваем. Такой Знак будут ставить на наших книгах. Знак качества и штамп: «Сделано в Ялте». Как такую книгу не купить?

– Отштампованную? Читателей не обманешь.

– Их уже двести лет обманывают.

– Какао не обманет, но стынет! – звучала в ответ шутка.

Шли на ужин.

«Весёлые ребята», так в просторечии назывался орден Знак Почёта.

Другие темы

В другой раз вспыхнула интересная тема: выразительные цитаты из классиков. Тут я тоже немного поучаствовал. Уже перестал стесняться тем, что я вроде как не по чину живу тут, ещё не член Союза. Но Сергей и Веня почти насильно втащили меня в круг общения. «Чего тебе стесняться: пишешь, в издательстве работаешь».

После своеобразного состязания в знаниях текстов одобрили несколько фраз. Из Набокова, из «Приглашения на казнь»: «Маятник отрубал головы секундам», из Булгакова, из «Дней Турбиных». Там выпивший Лариосик любит в застолье офицером: «Как это вы так ловко рюмку опрокидываете?» Тот отвечает: «Достигается упражнением». Я вступил в беседу, сказав, что слышал, как Астафьев, знающий наизусть «Конька-горбунка», очень восхищается строчкой «как, к числу других затей, спас он тридцать кораблей».

«К числу других затей» – здорово? Все одобрили. Осмелев, я ещё и Солоухина вспомнил. Он очень высоко ставил «Мастера и Маргариту», место, где бесенята Коровьев и Бегемот даром раздают женщинам модную одежду и обувь. Вот одна примеряет туфли и спрашивает: «А они не будут жать?» Даром достались, ещё и жать!

– О, а у Чехова, помните, пишущая баба пришла, её ещё Раневская сыграла. Она читает писателю свою пьесу, там вот эта ремарка меня восхищает: «В глубине сцены поселяне и поселанки носят пожитки в кабак». А? Сумеете?

– А вне конкуренции знаете, какие изречения? – спрашивал высокий седой мужчина. Теперь я уже знал, что он Пётр Николаевич. Но из-за тельняшки, которая была надета под рубашку, я стал про себя звать его мореманом: – Самые крепкие изречения – это народные. Пословицы, поговорки. Даже и частушки. Вот это народная или нашим братом сочинённая: «Подрастает год от году сила молодецкая. По всему земному шару будет власть советская»?

Решили, что всё-таки сочинённая. Про советскую власть в мировом масштабе большевики бредили, а после революции поостыли. Мореман продолжил:

– Но вот эта точно народная: «Спасибо партии родной за любовь и ласку: отобрали выходной, оскорбили Пасху». Не оскорбили, в подлиннике крепче.

– Да, в народе вспыхивает реакция мгновенная на события. В пятьдесят третьем летом шли с сенокоса, встретился мужчина, говорит: Берю арестовали. Как, что? Не верится. А он говорит: уже всю частушка пошла: «Что наделал Берия, вышел из доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков».

– Ну да, хлётко. А вот эта почище: на смерть Ворошилова. Полководец дутый, около Сталина и Будённого тёрся, Ворошиловский стрелок. Указы расстрельные подписывал на многие тысячи по спискам. Печатают о нём некролог, в народе тут же: «Умер Клим, да и хрен с ним. Он с Украины».

– Наконец-то о народе вспомнили, – ехидно вставил опять-таки кто-то.

– Да, точно: вышли мы все из народа, как нам вернуться в него?

– Именно так. Но мы-то имеем все шансы вернуться, а в начальстве кто? Не кагал, не клан, а шобла.

– Ну-ну, потише. Пить надо меньше.

– Друзья-товарищи, а что мы Александра Сергеевича, не Пушкина, но тоже великого, да-с, Грибоедова, не цитируем: «Петрушка, вечно ты с обновкой, с разорванным локтём». Видно всё сразу. Потом и сама Лиза: «Лишь я одна любви до смерти трушу. А как не полюбить буфетчика Петрушу?» Именно этого. А Лизу Молчалин лапал. Но ей Петруша милее. «Хоть Ивана вы хитрее, но Иван-то вас честнее». Опять конёк-горбунок вывозит.

За время срока, конечно, невольно многих запомнил: Серёга, критик Веня, другой критик, имя не запомнил, Петя-пародист, Яша-драмодел, писатель этот мореман, Пётр Николаевич. Ещё автор уголовных историй Елизар. Да Сашок, сантехник.

– А у Шмелёва, – напористо завоёвывал внимание Веня, – как это можно его не издавать? Возвращаю к теме цитат из классиков. У него Сидор на водокачке говорит лошади: «Вот так тыходишь,ходишь по кругу, а вся тебе награда: пойдёшь на живодёрку. Такая тебе планида судьбы». Планида судьбы. Умели классики.

– Да и мы умеем! – опять выставлялся коротенький лысый пародист Петя. За ним, кстати, бегали поэты, прося написать на них пародию. Этим тоже достигали известности. Ещё был в фаворе длинный пародист Иванов, но его в

этом заезде не было. Знакомством с ним – вот времена и нравы – хвалились. А коротенький, в отсутствии конкурента, выставлялся в мужском клубе новыми своими пародиями. На писателей, на, конечно, отсутствующих. Одну я запомнил: «Юный прозаик, по имени Петя, книгами сыпал, в классики метя. Музу ему подложили в кровать. Незачем больше Пете писать». Но это не о тебе, Петя, адресовался он к писателю из Воронежа, тут же стоящему. Это тот, – он показывал пальцем вверх, намекая на свою смелость.

Выслушав её, я тут же сам на себя сочинил самокритичную: «Юный прозаик, по имени Вова, пишет в последнее время хреново. И вообще перестал он писать. Незачем музу к нему посылать». Незачем или не за что, не всё ли равно.

Этот Петя-пародист до Иванова-пародиста не дотягивал, ревновал к нему и старался каждый раз себя показать.

– О Шиллере, о Гёте, о любви? Таких ты разговоров не зови. Друзья мои, ведь дело наше – швах: долдоним только о деньгах да тиражах.

Прав Петя: и тиражи обсуждали – одинарный или массовый. Первой книге обычно давали тираж тридцать тысяч. За авторский лист сто пятьдесят рублей. Полуторный тираж – пятьдесят тысяч, здесь авторский лист (двадцать четыре машинописных страницы) триста рублей, массовый, с двойной оплатой, начинался со ста тысяч, то есть шестьсот рублей за лист. Считайте сами – если книга листов двадцать, самое малое, то при массовом тираже автор получает двенадцать тысяч. Если учесть, что машина «Волга» стоила восемь, то жить писателям было очень даже можно.

В клубе были популярны пародии Михаила Дудина, например, о Мариэтте Шагинян: «Железная старуха – Маргоша Шагинян, искусственное ухо рабочих и крестьян».

Запомнилась ещё шутка: «Мы на переподготовке были после второго курса. Там майор был, вояка, гонял нас. Выстроит, кричит: Кто из вас за родину воевать будет? Пушкин? Убит! Лермонтов? Убит! Я? Отвоевался».

Ещё внезапно вспыхивал всегдашний спор новаторов и консерваторов.

– Прогресс двигают консерваторы!

– С чего ты вдруг?

– Да потому что достали эти выдрючивания, завихрения, всё же было сто раз: дыр-был-щур, вся эта экзерсестика-маньеристика-верлибристика.

– Чего ты? Если им интересно, пусть.

– Но зачем? Будто солнце иначе встаёт или человек форму тела изменил, или деревья вверх корнями растут. От Сотворения мира всё по-прежнему.

– Плюнь: повыщёлкиваются, повыкобениваются и перестанут.

– Кто и засидится. И жизнь у дурака зря пройдёт.

Но вообще, при всей разногласии, мужской клуб встряхивал, думать заставлял, даже смелеть. Хотя я всегда, это от мамы и отца, считал, что надо говорить правду. Какая же смелость, если ты говоришь правду? Это нормально.

Не критик Веня, а другой критик, а как другого зовут, не помню, неважно, вдруг завладевал вниманием:

– Ремесленники, рабы тщеславия! Слушайте сюда. Литература гибнет – это аксиома, не требующая доказательств. Как её спасти? Я коротко, концептивно, тезисно: надо убрать из писательской жизни три ПРЕ. Что такое ПРЕ? ПРЕпятствия. Вот они: убрать ПРЕдисловия, ПРЕзентации, ПРЕмии. Всё! Литература спасена! Предисловие оставить в виде авторского кредо к первой книге, с чем писатель входит в мир словесности, его взгляды на жизнь, его саморекомендация, а презентация – вообще позорное слово, есть же

русское – смотрины. Что презентовать, если ещё не прочитано? Пьянка одна. Вонзание штопора в упругость пробки? Премии – вообще гибель. Кому дали, кому не дали, всегда дали не тому. То лизоблюд, то хам, то угодил в тему. Но помощь писателям нужна, особенно старикам и молодым. Не премия – подачка, а помощь! Раньше были стипендиаты заводов, колхозов, фабрик. Сейчас надо тряхнуть банки и богатеньких Буратино. Есть предложение, нет возражений?

– Ну, ты хватанул! Романтики пера эт сетера, очнуться вам давно пора, – поддел пародист Петя. – У нас, подумай головой, кто в нашем деле рулевой?

Но не вышло у Пети перебить критика

– Именно рулевой, спасибо, подсуфлёрил. Евгений Носов – вот прозаик! Из Курска. И всё был неизвестен. А напечатала у него «Комсомолка» очерк «Жили у бабуси два весёлых гуся», и случайно прочёл лично наш дорогой Леонид Ильич, и похвалил – Боже мой, что началось! Как кинулись шестёрки журналоги, да и наш цех, литкритиков, прямо скажу, не отставал, целый хор раздался голосов с подголосками: велик и недосягаем курский соловей Евгений Носов! Не прозу его хвалили – очерк! Вдумайтесь в моральный облик тех, кто делает погоду на литрынке.

– У них морали нет! Тем более облика.

– Но что же мы скажем в ответ: таких среди нас здесь нет. – Это, конечно, Петя-пародист. Он знал, что запоминают не первых, не средних, а последних.

Крым не наш

Также проблема Крыма умы задевала. Совсем недавно Крым стал частью Украины. Громогласный мореман очень возмущался. Он говорил:

– С чего вдруг Никита раздобрился? Лёня бы не отдал. Где вы тут радянську мову слышите? Или суржик, или русский язык. А везде надписи по-украински. Какая зупинка? Чем плохо остановка? И эти женочи та человекчи чохи та панчохи. Одежда – одяг.

– Да им хоть как, лишь бы не по-москальски.

– Это не сейчас началось. Ещё при Алексее Михайловиче такая присказенька была: «Мамо, мамо, бис у хату лизе. – Нехай, дочка. Абы не москаль». То есть пусть хоть нечистая сила, лишь бы не москаль.

Тут и я отметил:

– Служил с украинцами. Парни службистые. Ещё на первом году надо мной посмеялись: Эх ты, москаль, не можешь слово паляныця сказать! А я думаю: надо же – всё вятский был, а тут уже москаль, в звании повысили.

– Вообще, у них жена – жинка – это неплохо, – одобрял неременный участник клуба Сергей. – Нежненько. А муж вообще: чоловік! А жена, знаете как? Это прямо крепость для мужа: жена у них – дружина.

– А у нас дубина, – сердито говорил романист детективного жанра Елизар. – Вот моя: делать ей совершенно нечего, как только за мной следить.

Все ему сочувствовали.

Скоро я понял, почему Сергей стал одобрять украинский язык. У него в эти дни происходили два текущих события: одно невеселое – драматург Яша его общёлкивал на бильярде, денежки вытягивал. А Сергей из самолюбия не хотел сдаваться. Но второе его воодушевляло: приехала сравнительно молодая поэтесса из Москвы. Очень сравнительно. Но москвичка. Бывшая киевлянка. Серёга за ней приударил. Докладывал:

– С квартирой. Дача. Муж в годах.
 – Но ты-то тут при чём?
 – Разведу. Я чувствую, у неё с ним нелады. Она неглубоко замужем. Какой-то, чувствую, чинуша. Ей понимающий нужен. А это я умею. Он, видимо, дуб-дубарём, она-то вполне. Она полквартиры отсудит, нам на первое время хватит. Я её третий день окучиваю. Уже на бульваре посидели, она даже мне и спела «Мисяц нызенько, вечир близэнько».

– Надейся, надейся, твоё сердэнько? – не удержался я поддеть. – Чоловиком станешь.

– Не надеюсь, а твёрдо уверен, – отвечал Сергей. – Хохлушки это не хохлы. Те упёртые как быки, а хохлушки – это, это... Я тебя познакомлю. Она рыжая, яркая шатенка, но не крашенная, такая и есть. – Он не смог найти определение для хохлушек. И поехал дальше. – И вот ещё что, только тебе: тебе нравится Ялта?

– Да уж больно она залитературена, да закиношена. А так, конечно. Море.
 – Море, да. Так вот. Ганна, она сейчас уже Жанна, от Ялты без ума. У неё и с мужем нестроение в этом. Она о доме в Ялте мечтает, а он ни в какую. А я за эту ниточку уцепился. Но тут деньга нужна серьёзная. Не прежнее время. Чехов пишет жене: «Дорогая, боялся, что не на что ехать к морю, но Суворин взял два рассказа, и лето обеспечено». На твой гонорар с рассказа хватит только на раз с парнями посидеть. Да и то не ресторан, а пивная. Это ещё что! Живёт он в Ялте, здесь ему нравится. Но неохота на съёмной жить. Пишет жене: давай купим. На следующий день, это всё в одном письме, пишет: купил. В том же письме к вечеру, пишет: после обеда я подумал, что купленный дом далековато от моря, и купил ещё один, поближе. А дальше, слушай, дальше следующий день. В том же письме: дорогая, я окончательно решил, что дом надо строить свой. Поэтому сегодня я купил участок земли. Всё это я у Залыгина прочитал, он хорошо о Чехове написал. Где нам такие гонорары взять?

– Премию дадут.

– Дадут. Догонят, да ещё поддадут. Премии, дружок, без нас делят.

Громкая читка близится

Дежурная в корпусе сказала, что меня искали.

– Владимир Фёдорович?

– Нет, от Ионы Марковича.

И в самом деле, вскоре постучался молодой человек, очень приличный, вида референта при большом начальнике. Даже в костюме, даже при галстуке. Представился секретарём Ионы Марковича.

– Вы знаете, что вы приглашены к нему?

– Да, он звал.

– Встречу переносили по независящим от него причинам.

– Да, в винные подвалы ходили.

– Встреча, он просил напомнить, будет завтра. В семнадцать ноль-ноль. Ужин будет в номере Ионы Марковича.

Ещё меня навестил Сашок. Он пришёл с бутылкой. Он ко мне и без меня заходил, я номер не закрывал. Часто его сумка с инструментами ночевала у меня. Он пришёл, спросил разрешения присесть. Тем более я и не за столом сидел, а лежал на диване.

– Плесни и мне, – неожиданно даже для себя, сказал я. – Три капли. Тши кропли, как гуторят паны поляки.

– Ого! – обрадовался Сашок. – Броня крепка и танки наши быстры!

Я подвинулся к столу, взял стакан:

– И наши люди мужеством полны. Саш, скажи честно, только не привирай: ты тогда про Соню выдумал?

– Что именно?

– Что она такая вся из себя: в ресторане с кем-то сидит, и так далее? Только не врать! А то очную ставку устрою.

Сашок смущённо хмыкнул, покрутил стакан, раскрутил водку в стакане, и заглотив её. Объяснил:

– Так она легче идёт. Эх! Один татарин в два шеренга становись!

– Ты про Соню, про Соню. Закуси.

– Хорошо, признаюсь. Конечно, не такая. Это я тебе как мужик мужику говорю, не такая. Я же тебе уже и говорил: она на все сто. Ни в какие рестораны не ходит. Честно скажу: вначале хотел с ней время провести, думал, всё получится. Здоровается, улыбается. Вообще-то я парень селянский, скромный. Но тут, в этом доме, на них нагляделся. А-а. Думаю, значит, и мне можно. А Соня такая манкая...

– Какая, какая?

– Заманчивая. Как взглянет! Пошутил два-три раза. То, сё. У меня же тут все условия. Выбрал момент, кран у них на кухне менял. Она там. Тонко намекаю ей на толстые обстоятельства. Приобнял так игриво. А она: я тебе сейчас по морде надаю. Да так сказала, я понял: надаёт. Да так взглянула! Ну, брат. И вся любовь. Мне так обидно стало: за мужика не считает. Вот с обиды тебе и сказал. Ерунду наговорил, никуда она не ходит. А ты чего сидишь, как красная девица, подымай. За тех, кто в горе. – Он, так и не закусив, снова взял бутылку за горло. – А честно сказать, она и права. Мы ведь как о них думаем: Идут двое, впереди идёт женщина. – Ты с ней спал? – Нет. А ты? – И я нет. – Вот потаскуха! Вот как. Чего не пьёшь? Жена у меня никакая, любви у нас не было. Откуда взялся: по пьянке женили. В постель как на каторгу шёл. Так мне и надо. А ты чего спрашиваешь, на Соню запал? Понравилась? Займись.

– У меня жена со мной венчанная. Работать приехал. А работа не идёт.

– Пойдёт, – уверил Сашок. – Сегодня в подвале сочленение в системе отопления менял. Вмёртвую всё заржавело, слезится, подтекает. Надо было шесть огромных гаек, им лет по пятьдесят, метрическая резьба, свинтить. Думал, не смогу. Полдня карячился. Свинтил. И ты свинтишь.

Он налил было ещё, но, подумав, слил водку обратно.

– Соня. За такую Соню я и помереть был бы рад. Мгновенно бы от всех других отскочил, только бы с ней! Ох, она так на мою маму похожа.

– Ну и объяснись. Так и так скажи: прости, по дурости руки протянул. Да, с ней и речи нет о лёгких отношениях. Только семья!

– По-оздно, – протянул Сашок. – Да и слава обо мне не первого сорта. Иной раз притворюсь, что что-то на кухне или в зале надо, зайду, чтоб только на неё взглянуть. Стыдно же! Она ничего, здороваётся. Но как со всеми. Как со всеми, понял?

– Понял. А тебе надо, чтоб именно с тобой?

– Именно!

Что я ему мог посоветовать? Тут к нам забрёл критик Веня. Он тоже со мной особо не церемонился, заходил и раньше. Опекал меня. Взял, то есть, шефство.

Учил жить. Говорил обычно: «Старичок, врубись! Идёт борьба! Становись в строй! Нужны активные штыки!». Я протянул ему свой стакан. Он не чинился.

– Завтра к Ионе Марковичу? К небожителем? Я тоже.

– Но ты-то ему нужен: воспоёшь его шедевр. А меня он из-за Тендрякова позвал. Рядом стояли. Мне и идти-то неохота.

– Ну как же, даже из спортивного интереса: такой ареопаг собирается. Секретари СП СССР, сплошь лауреатство. Олимп! Повелители умов! Плесни ещё, Сашка!

– Мы идём слушать новое произведение, – объяснил я Саше.

– А которому жена пить не даёт, пойдёт? – спросил Сашок. – Про милицию пишет.

– А, – понял Веня, – уверен, что зван. Знаменитость. У него и фильмы и одномники. Это же элементарная литература, детективщина, чтиво. Он на Петровке свой человек. Его снабжают делами из архива. Выбирает, что поинтереснее, и переводит в роман. Фамилии меняет. А как не даёт пить?

– Да он здесь каждую осень, это у нас все знают, – объяснил Сашок. – Если не напишет, пить не получит. Она его запирает и уходит. Он потом отчитывается. Она выдаёт бутылку. Он вроде того, что Ерофей Иванович или Елизар какой. Можно у дежурной посмотреть.

– У меня спросите. Елизар Ипполитович. Точно так с выпивкой было у Мамина-Сибиряка, – поделился Веня знанием истории русской литературы. – Читал, Сашка, «Зимовье на Студёной»?

– Ещё в школе.

– Молодец! Не пропал для вечности, – похвалил его Веня. – Ну ты, – это уже ко мне, – осваиваешься? Наладил связи? Ты издатель, тебе легче. Не ты должен просить кого-то о чём-то, а тебя. Чего ты боком ходишь? Зачем тогда в Дом творчества ездить?

– Веня, я так не умею. Я тут многих вообще не знаю. Только которые мелькают по журналам и книгам, по фотографиям. Да и зачем знать? – рассудил я. – Это как наш знаменитый Егор Исаев: «Я могу кого-то не знать, но знаю, что меня знают». А мне ещё легче: и я не знаю, и меня не знают.

– Обожди, пока не забыл, про Елизара, – перебил Веня, – тут уже я, как радатель русской словесности, имею мнение, – Веня снова глотнул. – Елизар единственно чем молодец, в чём его поддерживаю, я даже с ним вчера тайком от его жены выпил, в чём одобряю: он у детективщиков хлеб отбирает. Несть им числа, заполнили все книжные полки. Прямо братство Вайнеров. Мусор создают, мусор сеют в головах, губят время, понижают вкус. У Елизара, по крайней мере, очистка страны от мусора.

– Милиционеров мусорАми называют, – вспомнил Сашок.

– А что ты Егора вспомнил, – повернулся ко мне Веня, – это точное падание: Егор – орёл. Он – наш человек: за молодых буром прёт. Я его высказывание люблю: «В литературе, милый мой, чем дальше, тем ближе». Непонятно, но здорово.

– Тогда получается: чем ближе, тем дальше? – спросил Сашок.

– У Твардовского «За далью даль», – напомнил я.

– Конъюнктурная поэма, – сурово отрезал критик Веня.

– А посещение лагерей?

– После двадцатого съезда разрешённая тема.

Веня на всё имел критические замечания. Был в прелестной уверенности, что руководит литпроцессом. «Критики – топливо для писателя». Я же

считал, что топливо для писателя – внимание читателей. Зачем и критики, когда оно есть? А критики только тем и занимаются, что сводят счёты друг с другом. Правильнее сказать: враг с врагом.

Опять читку перенесли

Самое смешное, что секретарь южного классика опять постучался. Весь такой чёткий, рафинированный, в моём карцере очень живописно смотрелся. Видимо, его удивляло, как это его всеильный шеф зовёт в высокое собрание человека из номера, в котором нет окна. Даже не присел.

– Вынужден огорчить. Иона Маркович извиняется, что переносим. Но мы, простите, не учли, что это будет седьмое ноября. Тогда на восьмое. Пожалуйста, пометьте в календаре.

– Так запомню, – обещал я.

Утром на другой день на берегу Владимир Фёдорович высказался:

– Тянет, важности нагоняет. Чего было тогда не прочесть?

– Владимир Фёдорович, а хорошо бы и вам прочесть хотя бы отрывок.

– Да я-то бы прочёл, да Наташа не разрешит.

– Ничего себе. Почему?

– А где мы приготовим на такую ораву вина и закуски. Это, брат ты мой, южный классик. Они в республиках всё в кулаке держат. Там перед ними ихние Минкульты на цырлах. Он же и депутат, и вообще многочлен. Эту повесть ещё и не видел никто, а я уже знаю, что её напечатают. И там на двух языках, и в Москве в журнале, потом и в Роман-газете, потом в отдельной книге, потом будет театральная постановка, потом сценарий для фильма и сам фильм. Нам с ними не тягаться. Ты кого-нибудь переводил?

– Начинаю, – признался я, – Борис Укачин с Алтая.

– Но хоть хороший?

– Очень! – искренне сказал я. – Подстрочник он сам делал. Я начитался их эпосом, чтобы войти в обычай, в ритмику языка. Это о детстве его. Голод у них какой был, сусликов ели. Всё, как у нас, кроме сусликов. Картошку прошлогоднюю ходили сразу после снега искать. Оладьи из неё пекли. Конечно, взялся я за перевод, честно говоря, из-за денег.

– Ещё бы даром. Но ты же не будешь славить достижения партии и правительств. А то сплошь спекуляции, славословия путям, указанным дорогой партией. А этот Ваня уже своего переводчика и редактора сюда высвистнул.

– Такой, в галстук?

– Он. Ну что, двинулись!

Семь-сорок в честь революции

Накатило седьмое ноября. Годовщина Октябрьской революции.

– Почему не ноябрьской? – вопрошали пытливые умы мужского клуба. – Ведь «сегодня рано, послезавтра поздно» провозглашено по старому стилю. А старый стиль большевики похерили, должны были и переворот назвать ноябрьским.

– А тебе не всё равно, когда выпить? – поддевали остряки.

– Может, и всё равно, но когда подкладка теории, то оно как-то спокойней.

Никакого торжественного собрания или митинга в Доме творчества не было. Но красные флаги были вывешены и на главном корпусе, и на обеденном.

Ходившие в город говорили, что там была демонстрация. Мы поняли: услышали пальбу и увидели россыпи салюта на фоне моря.

Сидеть над бумагами было бесполезно. Звонил домой. Жаловался, что работа не идёт. Жена задала совершенно логичный вопрос: «А зачем поехал?» Сказала, что звонили из издательства: можно получить деньги за рецензии. Так что хоть это как-то оправдывало моё пребывание. Ведь я написал их в первые три дня, послал. Кажется, как всё это было давно. И этот Дом, и десятки раз топтанная по утрам дорога к морю, и само море. Но море не только не надоело, оно всё время тянуло. От утреннего погружения, каждый раз с невольным содроганием, до вечерней прогулки. На которую старался пойти один. Да в общем-то особо никто и не стремился гулять: холодно.

На громкую читку совсем не хотелось. Никакого интереса к знаменитостям я не испытывал. Всегда сторонился знаменитых, а также денежных. Почему, не знаю. Со знаменитостями будешь в их службе, с денежными, будут думать – пристаёшь из-за денег.

Торжественный ужин был начат раньше на час. Потому что приехали заказанные Литфондом артисты, и прибыл оркестр.

Ужины здесь и без праздников всегда были приличные, а тут на столы выставлялось такое обилие блюд, что все дивились. И приехавшее начальство, и местные были довольны. Меж столов порхали официантки в белых передничках, и гуляла их старшая. Любезно улыбалась. И к нам подошла. Не надо ли что-то ещё? Мы благодарили: спасибо, всё лучше, чем надо.

– Наш стол, Соня, конечно, у тебя самый любимый, – сказала Наталия Григорьевна.

– Ещё бы!

Пели и плясали артисты изрядно, а отпев и отплясав, сели угощаться. Их сменил оркестр для танцев, который наяривал зело борзо. Танцевали в просторном вестибюле. Вдоль стен на столах сверкали напитки и пестрели закуски.

Я вжался в простенок меж окон и смотрел. Конечно, не танцевал. Никакого танго, никакого вальса не было, только быстрые. Но не украинский гопак, не матросское Яблочко, не лезгинку грузинскую, не молдавский жок, не белорусскую бульбу, даже не фокстрот. Ещё быстрее. Самое медленное было часто тогда звучавшее «Бэсамэ мучо». Вспомнил знакомую старуху, которая об этом танце говорила: «Бес вас замучит». Да ещё двигались под звуки «Домино». Опять же вспоминал его переделку: «Домино, домино, денег нету, а выпить охота». Тут, в праздник годовщины Октябрьской революции ритмы были боевые, победные. Гремели с лихорадочной скоростью звуки «Бони-М», тряслись под них. И под свою «Летку-енку» танцевать вытаскивали всех. Я уцелел. Потом ударили «Эге-гей, хали-гали, эге-гей, самогон. Эге-гей, сами гоним, э ге-гей, сами пьём!». То есть это были знаменитые «буги-вуги». И новые ритмы услышал я и увидел, как под них двигаются. Тогда впервые познакомился с классикой еврейских танцев: «Хава нагила» и «Семь-сорок». Это было нечто. Это можно было сравнить с ритуальной пляской победителей. Музыка была так энергична, ритмична, заразительна, что только заношенные, замученные ходьбой по асфальту ботинки удержали от участия в торжестве празднования Октябрьского переворота. «Хава нагила» – в переводе «Давайте радоваться», танец ликования. Это мне драмодел Яша объяснил. И меня пытался в круг поставить. Нет, я бы так не смог. Тут нужна была тренировка. Круги были: один, побольше, вращался по часовой стрелке, другой,

внутренний, против часовой. И всё время с согласным приплясом в едином ритме.

А уж когда грянул пляс «Семь-сорок», тут пошли и пары, и кадрилиные кресты из четырёх человек и отчаянные одиночки. Всё содрогалось и кипело. Не одни же тут были евреи, но плясали все.

Меня увидела Соня. Она и тут столами командовала. Весело спросила:

– А вы что стоите?

– А вы что не танцуете?

– Мне нельзя, я на работе.

– Я так не умею.

– Тут и уметь нечего, топчись да дёргайся.

– Честно говоря, я уже уходить собрался.

– Можно, я вас немного провожу?

Мы вышли в прохладу позднего вечера.

– Знаете, почему я напросилась проводить? Мне надо сказать, чтобы вы ничего не подумали. Что я тогда с Олей пришла. Может, подумали, что навязываюсь?

– С чего это вдруг, что вы?

– Спасибо. А я почему пришла: я вас в первый день, как из отпуска вышла, заметила, я вам говорила, ваше сходство с ним, с парнем, с которым любовь была. В регистратуре у меня знакомые, сказали, что у вас в паспорте Кировская область, это же рядом с моей родиной, архангельской. И я, – тут она как-то смущённо засмеялась. – В общем, вы мне понравились. И я, я же дура ещё вдобавок, размечталась: вот я ему понравлюсь, он меня на Север увезёт. И чтобы в открытую, без обмана, пошла к вам с дочкой. Но сразу поняла, как вы про свою дочку сказали, что вы жену любите.

– То есть вы архангелогородская? Я это сразу понял: такая красота только у северянок.

– Да ну вас, не вгоняйте в краску.

– А как вы здесь оказались, это можно спросить?

– А чего нельзя? Крымские у нас шабашничали. Я не из самого Архангельска, рядом. Плотничали. На танцы приходили. И вот, нашелся орёлик, окрутил. Вы поняли? Отец Оли. И увёз сюда. А здесь загулял. Пустой человек. Сразу надо было понять. Да я сорвалась больше из-за отчима, у меня папа рано умер, на зимней ловле сильно простыл, в больницу не захотел. Заработать хотел. О семье думал. А отчим, всё же отчим. Я на маму сердилась: папу быстро забыла. А потом сама ляжку потянула, её оправдываю: дети же. Ещё после меня двое. Да и отчим стал на меня поглядывать. Ого, думаю. Лучше уехать от греха подальше.

– То есть маму вы не послушались?

– Точно! Она моего Витьку сразу просекла – пустышка. А чем взял? Он среди шабашников всё-таки покультурней был. Но как? Наскрёб хохмочек с кабачка тринадцать стульев, на это дурости хватило. Шутил, смешил. Привёз к себе сюда. Весело с ним недолго было. Скоро я сама его выгнала, от них ушла. Хотя свекровь, его мать, рыдала: Соня, спаси Витю, Соня, не уводи Олю. Внучку без ума любит. Приходит к нам. А Витька опять где-то порхает. Привезёт Оле куклу и – по бабам. – Она оглянулась на окна, из которых неслись звуки энергичных песен ливерпульской четвёрки, битлов – жуков. – Надо идти.

– А как вы в Доме творчества оказались?

– Закончила в Ялте уже кулинарное училище, искала работу. Вот и всё. Меня тянули в рестораны, но это уж нет, спасибо и до свиданья. Пришла сюда, спросила, взяли. Вначале на кухне, потом в простых официантках, потом старшей сделали.

– Мужички говорят комплименты?

– О, этого выше крыши. Это ж писатели! Не подумайте на себя. Но это такие мастера! Стихи дарят. Но я, если что, могу только по-серьёзному. Только так. Конечно, мечтаю о муже. Что в этом плохого? Но чтобы по рукам пойти? Тут только начни. Тут только дай слабину – сразу вразнос, а у меня дочь. Братика просит. О, если бы уехать на север! Лучше всего! На север! Да? Вы поддерживаете меня?

– Очень!

– Это другим не понять, но вы-то свой. Белые ночи! Боже мой! Северное сияние! Пойду!

Она пригорюнилась, как-то вопросительно посмотрела:

– А можно вас поцеловать? В щёчку.

– Да я ж такой небритый. Решил бороду отращивать.

– Ещё лучше!

Поцеловала и засмеялась:

– Меня первый раз поцеловали именно в белую ночь. И тоже только в щёчку.

Ещё раз поцеловала и убежала. И вдруг вернулась:

– У вас есть сменные брюки? Сложите эти в пакет и соберите рубашки тоже.

И опять, ещё с большей скоростью, унеслась. Уже без поцелуя.

Даже и ночью музыка этого вечера билась в памяти слуха, не давая спать. Конечно, наутро было не до работы.

Не выспался потому что.

Итак – Громкая читка

Громкая читка у Ионы Марковича была на очень просторной веранде его номера. Совершенно открыточный вид на море, на горы, на небо. Сама веранда представляла как бы уличное кафе: гастрономическое обилие поражало с первого взгляда. Не успели мы отойти от вчерашней, грубо говоря, обжираловки, как на просторах секретарского номера нас ожидало застолье олимпийское. Кресла для сидений на веранде были расставлены в изысканном беспорядке, но каждое имело соседство со столиком. А столики были загружены яствами так, что у них подгибались фигурные ножки.

Иона Маркович был весел, благодарил за то, что удостоили посещением, говоря однако при этом, что очень волнуется.

– Надо же, – вполголоса насмешливо сказал Владимир Фёдорович, мы сидели рядом, – волноваться умеет. Сколько всего тут, попробуй, покритикуй.

Елизар, любимец Петровки 38, был уже выпивший. Он рядом с нами сидел с другой стороны и доверился:

– Сегодня я – царь и бог. Ваня молодец, бабье не позвал. Моя сегодня не посмеет меня тормознуть. Давай дёрнем. Чего ждать? Это ж не банкет, обсуждение.

Столики и сидящих за ними зорко оглядывал редактор Ионы Марковича, уже мне знакомый, следил за сменой опустошаемых ёмкостей. Мгновенно заменяя их на полные.

Явились и расселись властители дум, небожители. Пришёл и опоздавший мореман Пётр Николаевич. Увидев такое обилие на столах, такое представительство властителей дум за столами, воскликнул:

– За хлеб, за воду и за свободу спасибо нашему советскому народу.

Сел на свободный стул рядом с критиком Веней, закинул ногу на ногу. Веня выложил на стол предметы для раскуривания трубки: кисет, коробок спичек, плоскую загнутую на конце палочку, начерпал трубкой табаку из кисета и стал утаптывать его этой палочкой, видимо, для этого специальной. Очень всё значительно проделывал.

Всем нам было очень неплохо. Куда лучше: дышали целебным воздухом, спустившимся с гор и растворённом поднимающимся навстречу воздухом морских просторов, что говорить! А обзоры какие! Смотришь на море, не насмотришься. Прямо жмуришься от его сияния, а всё равно хочется смотреть. Птицы для нас концерт устроили. Как бы аккомпанируя человеческим голосам.

Читка началась. Она мне очень напоминала описанное Чеховым в рассказе «Ионыч», такое же чтение написанного матерью героини произведения. Там слышно было, как «стучат на кухне ножи», готовится угощение, гости томатся ожиданием. У нас ножи не стучали, угощение давно было привезено и приготовлено, и своё произведение читала не барыня, которая сочиняла от скуки, а настоящий писатель. И, как бы я не иронизировал, писатель хороший.

«В тот, первый послевоенный год, мы жили очень трудно. И родители решили отправить меня в деревню к бабушке и дедушке. Они тоже еле-еле сводили концы с концами. У них оставалось два мешка кукурузных початков, бутылка растительного масла, мешочек изюма, немного сушеного мяса и копчёное сало».

В этом месте Владимир Фёдорович пнул меня ногой под столом. Я отлично понял смысл этого пинка. С таким количеством продуктов, которые тут были перечислены, по нашим вятским понятиям, можно было зимовать.

Слушать было интересно. Городской мальчишка в деревне, познающий труды на земле, впервые встретившийся с лопатой, мотыгой, с кормлением козы и поросёнка, провожавший гусей и уток к пруду и обратно, – всё было описано со знанием дела. Иногда и с юмором. Знакомая мне ситуация, когда курице подложили утиные яйца, и она вместе с цыплятами вывела на прогулку утят, и когда они оказались у воды, то утята поплюхались в воду. Бедная мама-курица чуть с куриного ума не сошла. Или, как козлёнок наподдал мальчишке под коленки. Как прилетели скворцы. Как с дедушкой ходили в погреб за салом. Это вообще замечательно, когда авторы отдают поклон детству и отрочеству.

Я слушал и всё ожидал, когда же автор будет резать правду-матку о тяжёлой жизни. Может быть, вот это: приход председателя колхоза, который просил деда выйти на работу, и приезд в село секретаря райкома на общее собрание. На работу дед не смог выйти: болен, занят с внуком, а на собрание пришлось пойти. Пошёл с ним и внук, бабушка осталась готовить ужин. На собрании агитировали подписаться на государственный заём восстановления народного хозяйства. Но так как недавно уже подписывали, как говорится, добровольно-принудительно, то подписка шла со скрипом. Мальчик запомнил, как рассерженный на колхозников секретарь закричал на того, кто отказывался подписаться: «На Гитлера работаешь!» – «Так он же ж в же не живый», – сказал кто-то. А другой сельчанин выразился покрепче: «Хрен с ём, подпишусь на заём!»

Читку, в самом начале её, оживил романист Елизар. Он был знаком с писателем, были они на ты, и он, по праву дружбы, во-первых, а, во-вторых, желая совмещать приятное с желаемым, возгласил:

– Ваня, а вот это всё, что на столах, это только для посмотреть?

Иона Маркович даже привскочил:

– Что вы, что вы, что вы! Григорий Петрович, что такое происходит, ты что стоишь, не угощаешь? Давайте, давайте! За встречу!

– Не волнуйтесь, уважаемый автор, – солидно произнёс большой писательский начальник. – Григорий дело туго знает.

– Извините, спиной сижу, – оправдался, но с какой-то поддёвкой Елизар. – Ну, он сказал: поехали. Чтоб нам всю жизнь работать и ни разу не вспотеть!

– Перерыв на аперитив! – услышалось от дверей. Это Яша-драмодел подал реплику. И он пришёл. Без Серёги.

То есть Елизар дал отмашку, слушать прозу хозяина стало легче, слушать стало веселее. Гриша свершал круги по веранде, ловко подливая в бокалы из кувшинов. Этот Гриша так и не присел.

Владимир Фёдорович, пригубив вино, заметил, что оно очень даже тянет и на «Чёрного доктора». Я же, ничего в винах не понимающий, просто его пил. Очень мне понравились три сорта сыра: мягкий, твёрдый и ноздреватый, домашняя колбаса, тоже нескольких видов, уже упомянутое сало (может, из той же деревни от дедушки) и домашней выпечки пшеничный хлеб, чудом сохранившийся благоухающую свежесть, а фруктов было – лучше не перечислять.

Высокое собрание не чинилось. Критик Веня перестал демонстрировать раскуривание трубки, глотанул вина, и возгласил: «Вдова Клико!» Елизар придвинул к себе кувшин и часто заставлял его кланяться своему стакану, но и нашим бокалам его кувшин не забывал отдавать поклон. Один из небожителей вскоре вновь показал Грише пальцем на опустошённый кувшин, на смену которому тут же явился другой, полнёхонький. Пётр Николаевич, попробовав вино, сморщился, подозвал Гришу, чего-то шепнул, и Гриша слетал за бутылкой коньяка.

Чтение продолжилось. Читал автор хорошо, с лёгким акцентом, иногда делая паузу и взглядывая на собравшихся. К вечеру приятно свежело, море приглушило сияние, отдав его небесам, птицы тоже чирикали потише, тоже вслушиваясь в описание нелёгкой жизни. Закончилось чтение часа через два. В финале повести герой её осмеливается заговорить с соседской девочкой, на которую до этого только издали глядел.

– Вань, ты сам-то выпей, – сказал Елизар.

– Да, конечно, – согласился Иона Маркович. И в самом деле, выпил. И обвёл всех вопрошающим взглядом.

Воцарилось молчание. Но очень краткое. И я буду не прав, если скажу, что хвалили повесть из-за того, что автор её так щедро угощал. Нет, повесть очень даже понравилась. Тем более критиковать шероховатости текста было вряд ли уместно, это же был авторский подстрочник.

Но как может не понравиться описание детства? Да у бабушки-дедушки, да в деревне! Повесть напоминала и «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, и повесть Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», а там, где мальчик вытаскивает из речки брошенного кем-то щеночка, мелькнуло в памяти «Детство Тёмы» Гарина-Михайловского. Такие работы – благодарный поклон детству, заре жизни – каждый писатель просто обязан написать.

Но никто, конечно, поперёд батек не совался. Ждали первое слово от писательского начальства. И оно прозвучало от вставшего с фужером минеральной воды в руках:

– Иона Маркович, поздравляю!

Аплодисменты освободили начальника от необходимости словесно обосновать своё поздравление. Дружно заговорили. Гриша вновь совершал круги, теперь уже не с кувшинами, а с микрофоном, как бы собирая дань за угощение. Но не могло же быть только славословие, ведь в повести были затронуты и сложные темы, например, непосильное налогообложение, та же подписка на заём, упомянутые вскользь дезертиры. Да и начальник, не мог же он совсем без замечаний обойтись, выразил своё несогласие с одним из эпизодов:

– Мальчик ночью слышит, как бабушка молится. Он слышит, и мне это напоминает «Детство» Максима Горького. Там тоже бабушка молится, тоже своими словами, тут параллель. Но время, описываемое вами, Иона Маркович, другое. Вы освещаете время, в которое исполнилось тридцать лет советской власти. Так что рекомендую над этим эпизодом подумать. Литература идёт вперёд.

Тут Пётр Николаевич встал во весь свой рост и, он тоже был с хозяином на ты, спросил:

– А вот мне интересно: бабушка, увидя в окно секретаря, прячет икону. Это я понимаю и бабушке твоей, икону спасающей, могу салютовать. Не хватает духа открыто сопротивляться, так хоть икону спасти. Конечно, пример внуку подаёт далеко не лучший.

– У нас атеистическое государство, – подал реплику второй начальник, тоже из секретарей Правления.

Но не того стал учить. Пётр Николаевич фыркнул на него:

– Вы ещё скажите, что воинствующего атеизма.

– Да, скажу, – упёрся начальник.

– А в окопе под навесным и трёхслойным, перекрёстным и миномётным, и под бомбами много атеистов? И Сталин был ребёнок малый, что церкви открывал?

– Тут политика, тут заигрывания с союзниками. Помощь от них по ленд-лизу усилилась. Студебеккеры, не вам говорить, это не наши полуторки.

– Сейчас я не о том, – сурово сказал Пётр Николаевич и покосился на Гришу. Тот понял, подскочил и наполнил осиротевший было бокал. – Студебеккерами от Бога не откупишься. Хорошо, поговорим потом. Закончу свою мысль.

– Да, конечно, простите, перебил.

– Но бабушка не заменяет икону портретом вождя. Уже спасибо. Пора уже и писать, как бывало у западэнцев, про их двухиконность, двухпортретность. «Кум, яка ныне влада?» И портреты на стене, а то и в Красном углу, то Сталина, то Петлюры. В зависимости от переменылады.

– Да нет, друже, нет. Чего нет, того нет, – заверял Иона Маркович.

– Но бывало же?

– То не у нас.

– Добре. То есть «Над всей Испанией безоблачное небо»? Поняли? – Он уже ко всем сидящим обращался. – Это сигнал к началу действий, кто не понял, войны в Испании... А теперь транслируем это на СССР. Я спрашиваю: был 20-й съезд? Был?

– Пётр Николаевич, конечно, был, – урезонил его большой начальник. – Мы повесть обсуждаем, повесть. При чём тут Испания? Он хотел вернуть застолье в рамки литературного собрания. Но не получилось.

– А раз был, то что мы всё в намёках пребываем? Всё по-прежнему: спасибо партии родной, у нас сегодня выходной. Так? Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это? Хоть за это спасибо. И поэтому всё у нас пойдёт по новой. От одного культа до другого шагаем. То батька усатый, то Никита-курузник. Широко шагаем, штаны как бы не порвать. – И Пётр Николаевич, сделав жест рукой, означающий примерно: а что вы мне на это ответите, присел дохлёбывать светло-коричневую жидкость. За его спиной вновь возник Гриша, а в его руках возникла очередная бутылка.

– Силён Пётр, – восхищённо сказал Владимир Фёдорович.

Встал критик Веня. Вновь помахивая трубкой, что выглядело очень солидно, он тезисно изрекал:

– Острые моменты текста присущи возрождению советской литературы. Однако застарелые формы руководства литпроцессом, засилие Главлита, несомненно, сковывают инициативу творческой личности. Но это не значит, что этого надо бояться. Я бы посоветовал автору пойти по пути итальянского неореализма. Да, да. Феллини или Антониони, сейчас это неважно, снимая фильм, включал в него заведомо непроходимые эпизоды. Не надо думать, что на Западе свобода волеизъявления. Например: снимает остросоциальную ленту и – в самом напряжённом месте включает вид собаки, бегущей по отмени. Опять острый эпизод, опять собака. Комиссия недоумевает: почему собака? Он говорит: я так вижу, для меня это очень важно и так далее. Потом упирается для виду, потом вырезает собаку, говоря, что наступают на горло его песне, комиссия довольна, и кино идёт к зрителю. Таких собак я бы посоветовал разметать по тексту. Вдобавок это было и амбивалентностью. Вы, Иона Маркович, несмотря на возраст аксакала, легко владеете тем приёмом современной литературы, который некоторые критики называют постмодернизмом, а я бы назвал новаторством традиции. Да, такой термин возник в моём сознании, когда я слушал ваше чтение. Новаторство традиции! – Довольный собою, Веня чокнулся с мореманом.

– Ваня, – проникновенно сказал размякший от радости отсутствия строгой супруги и от угощения Елизар, – вот что важно, Ваня. Ты Иона, а зовём тебя Ваня. Имя твоё объединяет Советский Союз. Вспомним армейскую песню-марш «У нас в подразделении хороший есть солдат, он о родной Армении рассказывать нам рад. Парень хороший, парень хороший, как тебя зовут? – По-армянски Ованес, а по-русски Ваня». – Дальше в каждом куплете новая национальность. По-молдавски Иванэ, а по-русски Ваня. По-грузински Ваню, по-литовски-эстонски-латышски ещё как-то, но всё равно Ваня. И ты Иона – Иван, и ты нас объединяешь. И повесть твоя стопроцентна.

– Спасибо, спасибо, Елизар, – растроганно говорил Иона Маркович.

– А имя Иван, Иоанн восходит к древнееврейскому, – с гордостью вставил Яша-драматург.

– Без интернационала нам никак нельзя, – сказал довольный начальник.

– Иоанны у них были, но Вани у них всё-таки не было. Я так думаю, – заметил Елизар.

Обсуждение повести, пропитанное застольем, плавно шло к идеальному финалу. Но вновь выступил мореман. Вновь он стоял с бокалом коньяка в левой руке, а правую поднял, будто голосовал или слова просил:

– На эту песню есть пародия: «У нас в подразделении хороший есть солдат, пошёл он в увольнение и пропил автомат». А пародия показывает фальшь того, что пародирует. Какая дружба народов, что людей смешить? – Сделав

небольшую паузу и качнувшись на ногах, продолжил: – Внутри одного народа ещё есть какая-то солидарность, своих тянут, а к чужим любовь только у русских. Своих пожирают, других привечают. В Сибири вся нефть, весь Газпром хохлы захватили. А в Кремле, уж я-то бывал в ЦК на Старой площади, ходил по этажам, читал таблички – сплошь украинизация. Кой-где грузинская фамилия мелькнёт да прибалтийская.

– Нормально, – одобрил Владимир Фёдорович, издали приветствуя оратора приподнятым стаканом. А мне заметил: – Молодец Петька. У него же и «За отвагу» и солдатская «Слава».

– А почему это нам Африка дороже своих областей и волостей? – продолжал Пётр Николаевич. – А? И Раймонда Дьен, которая на рельсах лежит, про неё уже опера, и Патрис Лумумба Африку освобождает, и Манолис Глезос в Греции флаг срывает, и Поль Робсон для всех поёт. Всех мы любим. Этот мальчишка в Италии, Робертини Лоретти, только его и слушали. Своих не было? Он голос потерял, мутация, так у меня внучка чуть с ума не сошла: «Дедушка, дай пять рублей, мы деньги для него собираем». А у него уже бензоколонка. Все нам дороги, все хороши, всех спасаем. Кроме своих, кроме парня Вани, правильно Елизар начал про Ваню говорить. Русский Ваня, который всех их талантливее. Но пропадёт в безвестии, ему не на что выехать из нищей деревни, его из колхоза не выпустят, надо город кормить. У Вани паспорта нет. Это вот сейчас КПСС, а давно ли было ВКП, в скобках бэ. Вэкапэбэ. Как расшифровывали? Второе крепостное право большевиков.

– Есть уже, есть паспорта, – испуганно успокаивал мореман большой начальник.

– Спыхватились, – надменно сказал мореман. – Почему парни рвались в армию? Паспорт давали. А на целину? То же самое. Вот об этом кто-нибудь напишет? Или так всё и будем колебаться вместе с линией партии? Одну официальщину гоним. Да все мы, писатели – шестёрки при нынешней власти. А писатель обязан быть в оппозиции! Иначе тишь да гладь, ведущая в болото.

– Пётр Николаевич, успокойтесь, уже всё налажено, – говорил начальник. – Ну что, товарищи, поблагодарим Иону Марковича?

Мы похлопали. Но, честно говоря, расхотелось не хотелось. Пётр Николаевич, завладев вниманием, упускать его не захотел. И заявил, отпив из бокала и не садясь:

– А Босфор и Дарданеллы надо было брать! Надо было. Ведь мы же собирались идти «до самого Ла-Манша». И мы бы владели миром. И нас поддержали бы евреи. Ведь мы вернули им государство.

– Да, это так! – воскликнул Яша-драматург. – Да! Это главный итог войны. Две тысячи лет скитаний закончены. Начало всесветного социализма. По Энгельсу социализм наступает тогда, когда кочевые народы становятся оседлыми. Евреи уже стали. Остались цыгане.

– О евреях можно не заботиться, они сами лучше всех это делают, – это вновь Пётр Николаевич.

– Мы столько перестрадали! – возопил драматург Яша.

– Разве я что говорю, Яша? Яша, я тебя жалею и от погромов укрою. Я о родимой партии. «Ваше поле каменисто, наше каменистее. Ваши девки коммунисты, наши коммунистее!» Вот русский язык, полный неологизмов и потаённого смысла.

– Пётр Николаевич, – разгневался главный начальник, – вы же член партии.

– Я вообще многочлен! – отвечал ему на это Пётр Николаевич. – Я между боями в неё вступал. Партбилет в санчасть принесли. Да, коммунист, не стыжусь! И в глаза всем скажу: не всё в порядке в Датском королевстве! Зажралась партократия! К Брежневу это не относится. Он вояка! Попробуйте на катерке политотдела два-три раза в день под обстрелом залив пересекать. Были в Новороссийске? У него есть биография! Что ему от Никиты досталось? Кукуруза? Униженный Сталинград? Гонения на церковь? Нет, Брежнев наш человек! И если с Фиделем на охоту съездит, что из того? Я о номенклатуре. Везде же уже по областям, а приедь в любую республику, и по республикам, у партократов поместья, охотничьи домики в два этажа, скоро в три будут. Иди, носи им горе народное. Донесёшь, да не попадёшь. Везде же охрана. Как поётся: «А за городом заборы, за заборами вожди».

– Спасибо, Иона Маркович! – Наши литературные вожди встали и покинули веранду.

– А вот ещё тема: инвалиды! – крикнул им вслед Пётр Николаевич. – Несмываемый позор на всю страну! Как убрали с улиц и площадей инвалидов, калек, слепых, безногих, безруких. Самовары! Прятали. Это что? Это непрощаемо! У меня был друг фронтовой. На протезах. Ему и коляску уже достали. Вдруг его увезли. Куда? Сказали: в дом инвалидов на Гособеспечение. А их сваливали в одну кучу на Валааме. Вот где победители. Где друг мой Алёшка? – Пётр Николаевич поднял взгляд к потолку веранды, покрытому вьющейся зеленью. Будто что услышал. – Да! Чего это, кто это с чего взял, что литература идёт вперёд? Вперёд, ребята, сзади немцы – так она идёт.

Владимир Фёдорович подошёл к нему, и они присели за отдельный столик. Я хотел было пойти на свой первый этаж, но был задержан Гришей.

Между тем смеркалось. На юге рано и резко темнеет.

Послесловие к читке

На веранде зажгётся свет. Это Гриша позаботился. Мы подходили к Ионе Марковичу, благодарили. А он не мог понять, за что мы его благодарим, за чтение или за угощение. Но мы дружно уверяли, что и за то, и за другое. Очень довольный Елизар, прихватив в дорогу баклажку, налитую Гришей, обнимал Иону Марковича:

– Ваня! От всего сердца, от души, от всей печёнки, от всей селезёнки! От мочевого пузыря! Да, Ваня, прошиб! Воскрешаешь творческие силы! Жить захотелось!

Ушёл. Ушёл и Пётр Николаевич. Владимир Фёдорович, проводив его, сказал:

– Ваня, я бы так тебе посоветовал с повестью поступить, да это и всем нам надо. Пусть полежит. Она сейчас горячая, надо остыть. Сейчас всё тебе в ней дорого. Ещё бы – дитя новорождённое. Отойди от неё, займись другим. А потом достань и читай как чужую. И сам увидишь, где убавить, где прибавить.

Виновник торжества выпивал и благодарил. И вскоре исчез.

– Отлично, отлично, – говорил критик Веня. – Как написал Саня Вампилов: «Побольше бы таких собраний, – говорили довольные трудящиеся». – Веня уже перешёл на фрукты.

Гриша, видно было, тоже был доволен. Персонально подскочил к Владимиру Фёдоровичу, спрашивая, не нужно ли ещё чего-нибудь.

– Нет, что ты, – мы же не в два пуза едим. Слушай, Гриша, а когда у вас первая зелень?

– Где-то к середине-концу марта.

– Ну что, – спросил я Гришу, – набралось на рецензию?

– Не только. Расшифрую записи, перегоню на машинку, разошлю по адресам для вычитки, для ещё дополнений, будем издавать книгу об Ионе Марковиче, всё вставим. – И предложил: – Может быть, и вы что-то скажете на магнитофон?

– Скажи, скажи, – подбодрил Владимир Фёдорович.

– Включаю.

– Скажу, что такие обращения к детству – это традиция русской, да и общемировой литературы. «История Тома Джонса, найдёныша», «Дети под-земелья» Короленко...

– Традиция, да! – поддержал тут же подскочивший Веня, – но Иона Маркович её новаторски осовременил. Что я и сказал в выступлении. Новаторство традиции! Есть предложение, нет возражений? Гриша, записывает?

– Грюндиг! – похвалился Гриша.

– Отметь особо: это новаторский прорыв старшего поколения, когда реализм изображаемого погружается в подсознание, когда в контексте ощущается мощь подтекста и – внимание – новая реальность современной прозы и критики – веяние надтекста. Понял? – победно спросил он меня.

– Как не понять, я счастлив, что живу с тобой в одно время.

– Именно! За нами будущее. Будем дружить! Да, Гриша, не выключай. Три-четыре! В новом произведении звучит такая лирическая ноточка, ниточка такая, которая превращается в лейтмотив звучания, нить эта – не нить Ариадны, вошедшая в бытовой фольклор, а блестяще найденная автором путеводная нить высокого искусства... Так, Гриша, я уже мысленно пишу предислужку к твоему сборнику.

Драмодел Яша делился своей проблемой:

– Запиши, Гриша: У нас всё Москва и Москва, везде Москва. Шагу без неё не ступи. С этой московской зависимостью литература и кино в СССР тормозятся.

– Как это? – не выдержал я, в данном случае представитель московского издательства.

– Но всё же, каждую позицию приходится утверждать: в издании книг шагу не ступишь без Комитета по печати, отдела координации, а кино? У меня на студиях страны идут фильмы. И все их, все! – взвизнул он, – надо визировать в Госкино. А там ещё те зубры сидят. «Почему это у него сразу несколько лент?» Да потому, – пафосно произнёс Яша, – потому, что они нужны, актуальны, сверхархиважны, как сказал бы Ленин, сказавший, что из всех искусств для нас, писатели не обижайтесь, из всех искусств важнейшим является кино. А в Госкино, уж где-где, казалось бы, идёт глушение инициативы снизу. А, уже сразу скажу, театр! Тут вообще безпредел – опять же утверждение, сдача каждой постановки начальству.

– И правильно, – утвердил всезнающий Веня. – Нужна не такая цензура, но нравственная! Издевательство над классикой постоянно. Ни кино, ни театр, ни телеящик без написанного писателем шагу не ступят. Всегда в начале слово, в основе всего. Это даже и в Библии есть, почитайте. Но это слово в театре интерпретируется. Вдумайтесь, какое слово: интерпретация.

– Интертрепация. – Это я вставил.

– Да, – Веня или притворился глухим, или в самом деле не заметил сарказма. – А вот есть явление, появился на Южном Урале драматург Скворцов. Константин. Дивное дело – пишет в традициях и народной и античной драмы. Его ставят. И люди смотрят. В Челябинске пьеса о Златоустинских мастерах «Отечество мы не меняем». Замечательно! Я видел на декаде культуры. А ставить извращённую классику – дело неумное. Вот Таганка, Любимов, Высоцкий. Вот Пугачёв, Хлопуша, крик, надрыв, где тут Есенин? Тут Любимов. А с другой стороны Гельман, Мишарин, тринадцатый председатель, проблемы производства в свете морального кодекса. Авторы есть – театра нет.

– А чего ты про Скворцова?

– Текст его перевернуть нельзя. Попробуйте Софокла «Антигону» или «Ифигению в Авлиде» прочесть, выдёргивая куски, собьёте со смысла.

– Наливаю! – воскликнул Гриша.

Мы, немногие оставшиеся, дружно выпили и отвальную, и стремянную, и закурганную. Но одержать победу над винно-коньячными запасами Ионы Марковича и закусками при них мы оказались не в силах.

И, как пишут журналисты о свершениях тружеников народного хозяйства, усталые, но довольные, мы возвращались.

– Давай продышимся, – сказал Владимир Фёдорович. Мы пошли вокруг Дома творчества. – Знаешь, почему у них не будет литературы? Обратил внимание в начале, сколько всего, когда он приехал в деревню, оставалось еды у дедушки и бабушки?

– Ещё бы!

– Вот, ты сразу понял. Я Гришу спросил неспроста. Если появилась после зимы зелень, если до неё дожили, значит, выжили. Пестики, сивериха на ёлках, свечечки на соснах, там дикий лук, кисленка-щавель, это же всё съедобно, тебе ли объяснять? Они того, что мы испытывали, не испытали. Не пережили. Два мешка кукурузы! Мешок муки! Бутылка масла! Может, они Никите и посоветовали кукурузу сажать. О, Русь, себя не кукурузь! Кто это написал, не знаешь? Неплохо, да? Кукурузу – в Сиракузы, кукуруза – нам обуза. – Мы уже завершали круг. Уже поднялись на крыльцо. Он взялся за дверную ручку. – У нас за четыре мешка сорной пшеницы посадили. Да, подлинный случай. – Он засмеялся вдруг: – Ну, Петя, орёл! Фантомас разбушевался. А ему уже терять нечего. Его и генералитет поэтому не прерывал.

– Почему?

– Ты не знаешь?

– Что именно?

– Рак. Неоперабельный.

– Нет, – растерянно сказал я. – Не знал.

– Да-а. – Он помолчал. – А у тебя как, идёт дело? Только честно.

– Честно: никак.

Мне даже стало легче, что я признался. А куда денешься, он же мне помог приехать в Дом творчества. А творчества никакого. Не оправдал доверия. Жену туфель лишил.

От дальнейшего объяснения меня избавила парочка, выходящая из корпуса на вечерний моцион: Серёга и Ганна-Жанна. Рыже-огненная, она прямо вестибюль осветила. Их пародист Петя прозвал Пара-цвай. Владимир Фёдорович поспешно ушёл. Серёга меня представил.

– Ты с обсуждения? И как там? Всё гениально? – И не давая ответить, продолжал: – Я тоже хотел пойти, а потом спрашиваю Жанну: тебя позвали?

Она: нет. Ну, друзья мои, я не азиат, без дамы не пойду. А идти просить? Ну, такое не для нас, друзья мои. Это не апломб, а, если хотите, этикет. Да, Жанночка? – Жанна неопределённо хмыкнула. – Жанна, ты ему, – это он обо мне, – потом расскажи о том, как всё было с Рубцовым. – И уже для меня добавил: – Жанна с ними была знакома. И с этой, Дербиной, которая задушила, и с Колей. С Колей-то мы корешили, я тебе рассказывал. Так я и с Володей Фирсовым, с Геной Серебряковым, с Володей Цыбиным заединчики, на страже родины. Они не этот Евтух, который всегда на баррикадах. То в одну сторону постреляет, то в другую.

– Ты и с Пушкиным на дружеской ноге, – насмешливо сказала Жанна.

То есть использовал меня Серёжа, чтобы перед Жанной-Ганной выхвалиться. Никто его на читку не звал и с Рубцовым вряд ли он корешил. Сейчас у Рубцова столько друзей развелось. А при жизни часто и переночевать было негде.

У меня в номере был мне подарок: на полу спал Сашок. На столе записка, закрывающая налитый до половины стакан: «Употребить».

Надо и мне собираться

Утром записка осталась, но прикрывала она уже не половину, а четверть стакана. То есть, как ни рано я встал, Сашок встал ещё раньше, отхлебнул, опохмелился и двинул на свои труды. Или, скорее, стеснялся за своё вторжение.

И опять мы бежали к морю. Уже сверху рубашек пришлось надеть свитера. На берегу торопились свершить обряд погружения, скорее одеться и обратно. Зрителей не было. Быстро одевались.

– Борода моя, бородка, до чего ты довела, – шутил Владимир Фёдорович о моей небритости, – говорили раньше: щётка, говорят теперь: метла. Правильно делаешь, от неё теплее. Скоро зима. А летом прохладнее.

– Дедушки же с бородами были. Потом на время прервалось, отец брился. А мне надо семейную традицию возрождать. Да и говорят же: мужчина без бороды всё равно, что женщина с бородой. Или ещё: поцелуй без бороды, что яйцо без соли.

– Без карломарксовой? – засмеялся Владимир Фёдорович. – У ленинской бородки всех бы женщин увёл. – И обратился к прибою: – Эх море-моряшко: завтра у меня последний разочек. – Раньше тебя приехали, раньше уедем. Без меня побежишь?

– Но, когда меня не было, вы же бегали сюда?

– А как же. Но с тобой повеселее было. Побежишь в одиночку?

– Как прикажете.

– Беги! И за меня тоже искупнись.

Назавтра мы его провожали. Вывалил весь корпус. Соизволило и начальство. Пётр Николаевич вышел, Веня отметился, конечно, Серёга и Жанна, пара-цвай, вышли на крыльцо. С ними уже часто и драматург Яша гулял, был тут же. Владимир Фёдорович отвёл меня в сторону.

– Всё-таки я доцарапал повесть. Назвал «Ночь после выпуска», нормально? Выкинули молодняк в жизнь, а жизни не научили. Хотел вам с Наташей вслух прочитать, не получилось. Теперь, без паузы, сажусь за следующую. «Четыре мешка сорной пшеницы» назову. Нормально? Ты не переживай, что мало сделал.

– Да вроде уже пошло, – доложил я.

– Никуда оно не денется, – подбодрил наставник. – Ты тут, по крайней мере, увидел цеховое содружество. Увидел? Понял, что его нет? И не надо. Каждый за себя, а все вместе за литературу.

– А литература за народ?

– Хорошо бы! Да, видишь, пока не получается. А как получится, если за поэзию считают рифмованную борьбу за мир, да всякие параболы, а за прозу разоблачение культа личности. Смелые! Оказывается, сказать элементарную правду – это смелость. А критики смелые от того, что требуют от писателей смелости.

Наталии Григорьевне принесли цветы.

Подошла литфондовая машина. Они погрузились и уехали. И мне очень захотелось уехать. Прямо сейчас: опустел для меня Дом творчества, осиротела тропа к морю. Но подошёл, взял под руку меня Пётр Николаевич:

– Мне Володя велел тебя опекать. Пойдём выпьем.

– А можно нет? Но я могу рядом постоять.

– На нет и суда нет. Можно. Проверку на вшивость ты прошёл. Иди, садись, трудись. Ничего нам, брат ты мой, не остаётся. Давай пройдемся. Я ведь нынче последний раз приехал, прощаться приехал. С Ялтой. Мы каждый год приезжали с Настей, а нынче, братишечка, я впервые один. И везде хожу и везде слёзы лью. Тут были с Настей, тут посидели, тут я её огорчил, эту лавочку она любила, вязала тут мне каждую осень носки шерстяные, вот я и хожу от её заботы, хотя ноги стреляные. Везде Настя. На меня, как её похоронил, ещё на поминках нашествие началось. Много же вдов, знакомых её много, все по новой стали невесты. «Мы будем приходить, составим график» – это подруги её. А одну, ещё совсем удалая, особенно наваливают. Ну, уж нет, они все вместе взятые, мизинца её не стоят. Вот, – он достал из нагрудного кармана фотографию. – А глаза, видишь, какие глаза: чувствовала. Эх, милая! Как бы я тебе после этого отчитался при встрече? Что на твою кухню другую допустил? Чтоб мне рубахи не ты стирала? – Он убрал фотографию. – Мне бы тяжелей было, если б я первый отстрелялся, её опечалил. А так, всё по-Божески.

Мы прошли по аллее до конца, вернулись. Ещё раз прошли.

– Так и мы гуляли. «Петя, – она говорит, – какой воздух». Вот и я приехал в память о ней подышать.

Мы присели на «Настину скамью».

– Русские у нас везде ущемлены, – сказал он. – Шолохов Брежневу написал о засилии космополитов в кино и литературе, о псевдонимистах, от фамилий отцов ради выгоды отказавшихся. Об издевательствах в кино над русской историей. И что? И тот умудрился написать резолюцию: «Разъясните товарищу Шолохову, что в СССР нет опасности для русского искусства». Вот хвалю Брежнева: Лёня-Лёня, а в главном он оказался близоруким. Что удивляться: всегда в России: царь-батюшка хорош, бояре плохи. И пошли тут всякие Солженицыны, сам-то он очень Никите угодил, тот Сталину мстил, да расплодились рифмачи, которым, кому ни служить, лишь бы честь и поклонение да валюта. Давно ли прошло столетие Ленина, уж сколько на эту тему было анекдотов. И никакого ему в них народного почтения. Выпустили юбилейный рубль-монету, тут же: Скинемся по лысому? Или, алкаш достаёт монету, Ильичу говорит: «У меня не мавзолей, не залежишься». А наши строчкогоны везде наварят. У Вознесенского такой прямо надрыв: ах, уберите Ленина с

денег: он для сердца, он для знамён. А про школу Лонжюмо, где готовили террористов, учили убивать, сочинил полную дикость: что русская эмиграция – это Россия, а в самой России среди «великодержавных харь проезжает глава эмиграции – царь». А дальше слушай: «России сердце само билось в городе с дальним именем – Лонжюмо». Вообще – полный кощунник: «Чайка – плавки Бога». Это уже такая мерзость. Рождественский шаг к мавзолю считал, тоже на поэму насчитал. Коротич, и этот поэму настрогал про дополнительный том собрания сочинений. Срам! Сулейменов тоже отметился, но он Ленина сделал тюрком, своим угодил. Все на премии рассчитывали. Иначе-то бы чего ради надрывались? И выскребли. Могут. Евтушенко вообще, без передышки молотил всякие «Братские ГЭС», где египетская пирамида говорит с плотиной электростанции, да «Казанский университет», где Володя Ульянов занятия срывал. Противно всё это. А они в фаворе. И молодёжь смотрит: вот на кого надо равняться, вот они где, успешные. А это всё ширпотреб. Есть же Горбовский, Костров, Куняев, Передреев, Старшинов, Кузнецов. Лёша Решетов в Перми. Поэты! И поэты в прозе сильные: Юра Казаков, Юра Куранов, Женя Носов, Лихоносос, Потанин. Дай Бог, и молодёжь подопрёт. Только бы Россию любили до боли сердечной!

Пётр Николаевич опёрся о скамью и встал:

– Вишь, какую тебе лекцию закатил. Люблю поэзию. Сам в молодости грешил. Но понял, что пишу хуже классиков. Хватило ума. – Развернул грудь. Вдохнул и выдохнул. – Пословицу знаешь?

– Какую?

– Перед смертью не надышишься.

К любимой сосне

Очень тяжело было пожимать его руку. Но он так бодро и сильно стиснул мою ладонь, так крепко хлопнул по плечу, что я постарался не унывать. Договорились, что сядем на обеде за одним столом. То есть он сядет на место Владимира Фёдоровича.

Я пошёл было в номер, но понял, что, хотя и пошла наконец-то моя работа, сразу сейчас, после отъезда Владимира Фёдоровича сесть за неё не смогу.

И пошагал я в гору к своей любимой сосне.

И пришагал.

И закарабкался повыше. Утвердился в развилке сучьев, как в кресле, расселся в нём и озираю свои владения как полновластный хозяин. Вот там были в винных подвалах, там сидели, пили «марганцовку», там, за зеленью прибрежного парка, берег, на который прибегали каждое утро. Там кафе «Ореанда», там причал, туда дом Чехова, а туда, я обратил взгляд на горы, к северу, семья моя, Москва, а восточнее родина – Вятка. Только её воздухом можно надышаться. Хотя и в Ялте он неплох.

Так бы и уснул в этом кресле-качалке, да ведь не обезьяна, свалиться можно.

На обеде ко мне посадили не только Петра Николаевича, но и Серёгу с Жанной. Об этом просила меня Соня. Пожурила, что не принёс ей вещи для стирки. Мы говорили легко, как брат и сестра. Заметила, что я сейчас гораздо лучше выгляжу, чем при заезде. Сказала, что сейчас, у неё на работе, Оля и что Оля сделала для меня маленький подарочек. Я проводил её к её столу. – Соня, извините меня, я слово одно замолвлю за Сашу. Я к нему пригляделся,

он очень порядочный. Мелочи не в счёт. Буду говорить напрямик. Он вас любит. Да-да, не перебивайте. Знаю, что вам вернуться на север одной, с дочерью, трудно. А с хорошим мужем очень даже прилично.

Соня смущённо засмеялась:

– Ничего себе, поворотик сюжетики. Я и не говорю ничего, что Саша плохой. Тут его избаловали.

– Соня, он может быть верным. Если мужчину любят искренне, он на сторону не пойдёт.

Олечка подбежала и не дала закончить разговор. Я только и успел сказать:

– Олечка вся в него.

Соня даже вспыхнула. Оля мне подарила шишку, превращённую в симпатичного ёжика. Подарила и сказала, чтобы я отвёз его своей Катечке.

Но самое-самое главное: работа моя пошла, вот что. Это было так освежающе, и так успокоилась душа, что я писал с огромной скоростью, только и боясь, чтоб что-то не помешало. Бежал на обед пораньше, быстро поглощал еду, не понимая, что ем, быстро убегал, обегая стороной мужской клуб. Даже раз столкнулся с Соней и не сразу узнал: был занят мыслями о работе. Да, дождался, заработал счастье работы страданиями. И тут, скажи мне даже, что меня зовёт к себе Шамаханская царица, я бы и от царицы отмахнулся. Ни одной странички ни на какую царицу не променяю. Так вот. А как бы вы хотели?

Да, но времени уже не оставалось. Прибежал утром к морю – холодища! Непокойно синее море. Окунулся за себя, проплыл. Выскочил. Но надо же и за учителя. А за него побольше надо. Заплыл, выплыл, трясусь. Простыл.

И резко затемпературил. И в последнее утро прощального погружения исполнить не смог. На завтрак не пошёл. Конечно, сразу пришла Соня, потом медсестра, врач. Оставляли, продляли срок, но я не поддался на уговоры.

И на завтра уехал в Симферополь. А там на поезд. Билет на него, на это число, у меня был куплен заранее.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.

Живёт в Москве.

«К истокам истин подобраться...»

***

Когда приходит в мир беда,
Мы, проклиная горький фатум,
Ползём неведомо куда,
Как черви в дождик по асфальтам...
Но, чем активней кутерьма,
Тем всё тревожней опасенья,
Что знаний, воли и ума
Навряд ли хватит для спасенья
Творцам, которые смогли
К истокам истин подобраться
И силой перьев приподняться
Над горемычностью Земли.

Стихи

Хоть день и ночь ходи в веригах
И за распятие держись,
Но отраженье жизни в книгах
Не может быть важней, чем жизнь.

Пускай в стихах твоя отрада,
Они ещё и тяжкий крест:
Талант поэта – не награда,
Он, как пожизненный арест.

И сплавы знаний нами льются,
Как тугоплавкая руда,
А хлеб и зрелища – даются
Итогом скорбного труда.

Дорога к Божьему порогу
Укрыта в таинстве строки:
Кратчайший путь навстречу Богу –
Любовь, молитва... и стихи.

Коллегам

О чём нам спорить, добрый брат,
И что делить, кума-сестрица,
Когда за столь веков подряд
Мы не смогли определиться?!

Когда в отрыве от Небес,
Противовесом умным фразам,
За ширмой праведных словес
Скрывает рожки куцый разум.

Когда премудрый «словопад»,
Где дум раздольное фриволье,
Не источает аромат
Неизреченной Божьей воли.

Нарцисс

Не только перлами ума
И многомудрой скорби света
Набита нищая сума
В заплечье странника-поэта...

Когда, забыв святой потир,
Не помня мифа о Нарциссе,
Поэт рассматривает мир
Из облаков небесной выси,

Трещит под натиском стихий
Души высокая материя,
Где дух, диктующий стихи,
А рядом – бес высокомерия...

Но нет гаданья бесполезнее:
Куда душа Нарцисса рвётся,
Когда иссохшая поэзия
Воскресшим Эхом отзовется.

«Простолюдины»

Стоят за Отчизну горою,
Какие бы войны ни шли,
Обыденной жизни герои,
Опоры российской земли.
В народной молве и былинах,
В полях, на лугах и в лесу,
На русских холмах и равнинах
Они, как деревья, растут
Над нивой, рекой и лужайкой,
Чтоб стать для кого-то потом –
Кто посохом, кто балалайкой ...
...А кто и могильным крестом.

***

Когда удача на буксир
Берёт ловцов момента ловких,
Не стоит забывать, что сыр
Бесплатен только в мышеловках.

Удача – дама не для всех,
Но всё ж верней играют ставки
Тех, кто сумел сорвать успех
И увернуться от удавки.

Всё так, но трудно в этом плане,
Чтоб совесть душу не заела
При исполнении желаний,
Порой за гранью беспредела.

Подарки требуют отдачи:
Пускай не сразу, но когда-то
На свет улыбочивой удачи
Приходит хмурая расплата.

«Сверчок»

Весомых слов обкатанные камни
Срываются с крутого языка,
Чтоб никогда уже наверняка мне
Не снилась ни единая строка.

Но все надежды обращая к Богу,
Не глядя на нападки невпопад,
Иду искать короткую дорогу
Сквозь этот оголтелый камнепад.

В молчанье пропускаю мимо уха
Язвительно облыжный словоток,
И пламя языков Святого Духа
Незримо озаряет мой шесток.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Хасан ТУРКАЕВ

Россыпи жемчужин поэзии
Раисы Дидиговой на Мятлоам

Эта священная гора до основания насыщена мощной энергетикой, исходившей не от одного поколения ингушей: столетиями восходя на неё для жертвоприношения, они просили Бога избавить народ от мора и голода, просили здорового наследства и обильных урожаев, очищения их душ от скверны и зависти, вражды и ненависти. Стоя под Богом с воздетыми к небу руками, они произносили молитвы, и их души становились чистыми и непорочными, и исходившая от них при этом энергия мыслей и чувств никуда не исчезала, а обретала форму живительной и вдохновляющей генетической памяти народа. Она и сегодня витает над неповторимой красоты и мощи горами Ингушетии, таится в её великом башенном комплексе, растворена в её родниковой чистоты бурных и пенистых реках, и незримо и неизбынно насыщает умы и сердца всё новых и новых поколений ингушских поэтов. Так, в беспокойном сознании народа, сохранялась связующая нить с тем, что осталось у него в нерадостном былом. Эта нить зримо видна в

Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в Грозном.

кристально чистой и лёгкой как полёт птицы философской поэзии Джамалдина Яндиева, стихах-раздумьях Саида Чахкиева, гуманной лирике Гирихана Гагиева. Такой тональностью окрашено творчество ингушских поэтов и третьего поколения.

Но вот голос народа, столетиями эхом живущий в горах Ингушетии, в середине 70-х годов XX в. дошёл и до слуха Раисы Дидиговой, дошёл – и пробудил в ней талант яркий и самобытный, чувства сильные и глубокие. Не потому ли в её поэзии мощным и захватывающим аккордом звучит, прежде всего, тема судьбы народа и своего долга перед ним? В этом обширном цикле стихов постоянна историческая ретроспектива, зримо и чувствительно воссоздаётся шествие народа по трагическим ухабам истории.

«Розовый веер», «Печаль святой Марии», «Призыв», «Звёздная ночь», «Печальный фон», «Мрачная полоса», «Адский круг» – в этих и многих других стихотворениях Раисы Дидиговой воссозданы наиболее яркие черты характера народа, неизменно стремящегося к свету и добру, к дружбе и справедливости.

*Ночь застоялкую
Преодолели...
Родину малую
Сердцем взлелеем, –*

Вот решимость окрепших на пепелищах трагедий сердец. Нет, это не только удачно найденный поэтический образ: повседневная жизнь ингушского народа убеждает нас в этом.

Словно высокая плотина перегораживает поток большой и бурной реки, так и очередная трагедия народа конца 1992 г. для Раисы Дидиговой явилась поворотным моментом в её творческой биографии. Молодой поэтессе, перед которой до этой роковой черты простиралась лучезарная жизнь, обещавшая много счастья и любви, и она рождена была, чтобы воспеть её, заряжая жизнелюбием своих современников,

*Покоя светлого полна,
Такой прелестной жизнь казалась...*

Осенью 1992 г., когда на её народ опустился сумрак ночи чёрной, стала иной, с раненой душой, с мятущимся сознанием, холодной, но решительной.

*Где была радость – ныне боль,
Отягощает, словно камень;
И слёз невыплаканных соль
Рубцом вычерчивает грани...*

Какая главная мысль, какая главная заповедь вызрели в сознании лирической героини Раисы Дидиговой, находившейся в гуще той кровавой кутерьмы? Нет, не озлобление, не чувство мести. Отнюдь нет:

*О человеческой любви
Моя мольба и заклинанье.*

Такова природа искренне верящих в Бога людей.

Читая и перечитывая вновь цикл стихов Раисы Дидиговой начала 90-х годов XX века, убеждаюсь: правы учёные, доказавшие, что подлинная поэзия рождается на основе трагедии. В названных выше её произведениях много

поэтических образов, присущих только ей, много чувств и страсти, раскрыты многие грани характера народа. Да, всё это так, и можно уверенно говорить: как истинный поэт Р. Дидигова сформировалась в первой половине 90-х годов прошлого века. Но какой ценой пришлось нам заплатить за зрелость и глубину мысли этого поэта? Что мы при этом обрели и что мы при этом потеряли? Обрели мы поэта, настроенного на анализ трагических коллизий жизни, потеряли мы поэта, чьё творчество целиком могло бы состоять из прекрасной и тонкой лирики, поэта, в чьей женской душе самой природой генетически заложены традиции народной лирики, авторами которой являлись неизвестные ингушские женщины, в чьих поэтических образах запечатлены «души прекрасные порывы» своего народа.

И всё же в поэзии Р. Дидиговой второй половины 90-х годов XX – начала XXI века щемящая боль утрат как бы постепенно утихает, лирическая героиня вновь начинает радоваться возрождающейся жизни народа. Однако и в эти годы в её памяти угольками тлеют воспоминания о трагических днях начала 90-х годов («Неизбывная боль», «Цвети, республика!», «Моя Назрань», «Я – дочь своего народа», «Туманный путь», «Девять лет», «Чёрные деяния» и др.) и дают о себе знать в самые неожиданные моменты её душевного покоя и умиротворённости.

Даже тогда, когда лирическая героиня, чья душа натянута как тетива, усилием воли позволяет себе небольшую передышку от мучающих её мыслей, трагическое прошлое народа следует за ней как неотступная тень.

*Устав от нескончаемых проблем,
От повседневной нервной суеты,
Отправилась я в сказочный Чегем,
Местечко затаённой красоты.*

*Дорога вьётся, виражей полна;
Вот промелькнули горные селенья...
Балкарочка, изящна и нежна,
Взглянула и потупилась в смущенье.*

*А мысли вновь обращены к судьбе:
Подумалось о наших скорбных датах...
О высылке, потерях, женском дне...*

У поэтов каждой эпохи свой удел, своя отметина. Мысленно обзревая и творчество, и судьбы, например, русских поэтов XIX века, находишь, что они, «духовной жаждою томимые», не получали от своего времени должного или долгожданного ими вдохновляющего импульса для излияния своих душ от бурлящих в них мыслей, идей и образов. Или, скажем, о судьбе поэзии первого поколения поэтов чеченцев и ингушей. Почти все их стихи пронизаны болью личных утрат, несбывшихся желаний, душевными муками от бессилия помочь своему народу, карабкающемуся по ухабам и трясинам истории. Вспомним стихотворение «Кавказ» Джамалдина Яндиева:

*Омытый кровью сыновей не раз,
Перешагнувший через век печальный...
Ты столько пролил слёз!
Ты видел столько горя!*

*Но честно матери смотрел в глаза,
Судьбе наперекор борясь и споря...
Ты погибал – с одра тебя Россия
Израненного к жизни подняла.*

Или поэзию Коста Хетагурова начала XX в., в которой бьётся беспокойное сердце гуманиста:

*Как долга беспросветная ночь,
Как ещё далеко до восхода.
Но... и днём не могу я помочь
Безысходному горю народа.*

Это трагическая тональность горской поэзии, обусловленная, в общем-то, сходной историей северокавказских народов, передалась новым поколениям их поэтов. Но она насытилась и новыми цветовыми гаммами, являвшимися слепками трагических событий, произошедших в жизни в последующие десятилетия ушедшего века.

Поэзия Раисы Дидиговой в этом смысле является прекраснейшим образцом наследования традиций старшего поколения поэтами молодыми, но талантливими.

*Деяний чёрных длится полоса,
С собою разрушение неся –*

это образ нашего времени в восприятии лирической героиней. Потому

*И мечется в тисках душа,
То посещая свет, то – тени.*

Извечная тревога народа за свою судьбу и судьбу потомков непременно формировала беспокойное сознание у поэтов, которое, в свою очередь, обуславливало хрупкость и ранимость чувств у их лирического героя. И это состояние его души часто проявлялось во взаимоотношениях даже с любимым человеком.

*Всё изменилось, всё сгустилось,
Всё лучшее оборвалось...
Одна в водовороте слёз!
И непонятно, как случилось,
Что болью всё отозвалось...*

*Сочувственно звучит соната,
В своей печальной красоте;
Но... ощущения – не те...
Так значима моя утрата,
Что задыхалась в пустоте!*

*И разум – пламень! Оседают
Лишь сгустки чёрные золы;
Они ничтожны и малы...
Так, рассыпаясь, исчезает
Отторгнутая часть скалы.*

«Отторгнутая часть скалы...». Это ёмкая поэтическая метафора, очень сильный и яркий образ, впервые введённый, по-моему, Раисой Дидиговой в северокавказскую поэзию. В нём, несомненно, виден прообраз самой поэтессы, которая из-за резкой девальвации в обществе ценностных ориентиров чувствует себя «задыхающейся в пустоте». В процитированном стихотворении «Всё изменилось, всё сгустилось...» виден всё же цельный, волевой настрой поэтессы: «А я, как Феникс, мне... казалось, / Из пепла вновь восстать смогу...». Здесь она впервые в своём творчестве призналась: «Не притворюсь и не солгу». И эта исповедь поэтессы звучит постоянным рефреном почти в каждом из её стихотворений, в которых говорится о личном, возвышенном и святом. А таких откровений гражданского горения у Р. Дидиговой немало, и они завораживают читателя глубиной и искренностью неподдельных чувств («Нежданно боль сжимает сердце вновь...», «Желанный свет», «Новый год», «Ненужная суета», «Неспешным депрессивным шагом...», «Когда-нибудь меня поймут...», «Я разобраться не смогла...», «Хрупкая надежда», «Любите людей!», «Если бы души наизнанку...» и др.).

Лишь в немногих стихах, созерцая величественные таинства природы и становясь её неразрывной частицей, отдыхает душа лирической героини Раисы Дидиговой: в ней, в лирике, и безмятежность, и нежность, и грусть, и неповторимый изящный слог поэтессы:

*Вновь растворились звёзды все
В воздушном сером шёлке;
И млечный путь померк совсем,
Луны свеченье блёкло.*

*В туманном царстве всё грустит
И прячется укромно...
Листвою влажной шелестит
Деревьев старых крона...*

Небольшие по объёму лирические миниатюры, состоящие часто из трёх-четырёх строф, живо напоминают шедевры природной лирики русских классиков XIX в., но, вне всякого сомнения, в этих миниатюрах всплеск эмоций самой Р. Дидиговой, постоянно любующейся величественной природой родного края («Вновь на волне эфирной...», «Покрыт каштан велюром снежным...», «Уже спустилась синева...», «Какие были вечера...», «Благая мысль», «Летний рассвет», «Начинает рассветать...» и др.) и философски осмысливающей смысл жизни и деяний человека в ней («Когда уйду в небытие...», «Незабываемый полёт», «Розарий», «Иллюзорный мир», «Ночной эфир», «Мне жаль...», «Вечер»).

*Неволью в диалог вступаю
С пульсирующей звездой,
Но очень скоро понимаю:
Общаюсь со своей душой...*

Да, наша душа «пульсирующая звезда» – яркая и неповторимая, неразгаданная, и она ведёт нас в космос к далёким, но кажущимся такими близкими другим звёздам...

Раиса Дидигова – автор двух поэтических книг («Прикосновение», 2002; «Духовная память», 2008). Между ними пролегло время длиною в шесть лет.

Для скороспелых и нетерпеливых стихотворцев это слишком долго, ибо их самоутверждение в собственных глазах зависит от количества написанного ими: о качестве они не думают. Прошедшее после издания первой общепризнанной книги время Раиса Дидигова провела, углубляя свои раздумья о времени и о себе, устанавливая и осмысливая взаимодействия духовной памяти народов России, истари бок о бок живущих в этом общем для них доме. Нелёгкая это задача – языком поэзии, но не публицистики говорить о великих творцах культуры России («Памяти Марины Цветаевой», «Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачёва», «Памяти Анатолия Игнатъевича Приставкина», «Памяти Владимира Высоцкого», «Памяти Давида Кугультинова», «Памяти Коста Хетагурова» и др.). В книге имена и выдающихся деятелей ингушской культуры, общественной и политической жизни Ингушетии.

Раньше, в спокойные времена, анализируя литературный процесс, я снисходительно относился к авторам, в чьём творчестве встречались посвящения. Сейчас, когда в нашей общественной жизни ускоряются центробежные тенденции, я пришёл к выводу, что форма поэтического обобщения духовного единства народов России, найденная Р. Дидиговой, разом приобщает читателя к великому духовно-нравственному наследию, созданному путём самоотверженности выдающихся россиян.

...Алиева Фазу Гамзатовна, Зумакулова Танзиля Мустафаевна, Балкарова Фоусат Гузеровна, Ахматова Раиса Солтамурадовна – яркое созвездие поэтов Северного Кавказа второй половины XX века. Это благодаря их глубинному осмыслению своеобразия мыслей и чувств, страсти и воли, но легкоранимой души горской женщины мир узнал о красоте, богатстве и нежности её души. Теперь эту волшебную палочку у своих предшественниц взяла в свои талантливые руки Раиса Дидигова.

...На ночном небосклоне в горах звёзды такие крупные, висят так низко, что кажется – не поленись, дотянись до них, достань одну, полюбуйся ею. Но нет: при кажущейся близости – они так далеки от нас. Что ж, остаётся только, со вздохом от несостоявшегося таинства соприкосновения с ними, на расстоянии любоваться самой яркой из них...

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

«Слова, что принял по наследству...»

***

Как часто и даже тогда,
Когда по ландшафтам неблизким
Качали меня поезда,
В пути узнавал обелиски.

Фрагменты, фрагменты страны,
Родного пейзажа приметы
Скупым силуэтом войны
Белели на вёрстах победы.

И этой победы дневник –
Пехотные стансы о доме –
В окопе сложил фронтовик,
Доверив их ротной гармонии.

Чтоб после, за сменой дат,
Уже далеко за войной
Догнали нас песни солдат,
Которых мы ждали домой.

***

Прямоугольные консервы
Я жду в ленд-лизовском пайке,
Пока отец мотает нервы
В борьбе с бандитами в тайге.

Я жду картофельных оладий,
 Что мама бы ему пекла:
 «С нуждою как-нибудь поладим,
 Лишь весть бы от него была».

Я жду, как папин «студебеккер»
 Прижмётся к нашему крыльцу,
 И жмых, мне заменивший крекер,
 Как лакомство, отдам отцу.

***

Скелет автобуса – наследие войны.
 «Ты будешь за луну или за солнце?» –
 На пустыре играют пацаны.
 А всё же победили мы японца.
 И помнится ещё: зимой вагон
 «Москва – Хабаровск». Мне четыре года.
 На нижней полке караулю сон,
 Его мне видеть больно уж охота.
 А вижу наш фанерный чемодан,
 Не расстаётся с ним в командировках
 Мой папа – милицейский капитан.
 Ещё гляжу на дяденьку в наколках.
 С портретов, что он ловко рисовал,
 В военном кителе и маршальских погонах
 Генералиссимус нас тоже узнавал,
 Кочуя с нами по стране в вагонах.
 Торопится в Москву моя семья
 Так, что за ней не поспевают солнце.
 Мне хочется сказать вождю, что я
 Был за луну и победил японца.

***

Послевоенного подростка,
 Меня с авоськой требухи
 В Москве и далее Подольска
 Раскручивали на стихи
 Под перебранку с матюгами
 На городских колхозных рынках
 В очередях за потрохами
 Гражданки в ситцевых косынках.
 И те дожди на огородах,
 Когда мы, словно понарошку,
 В дырявых щеголяли ботах,
 Слоняясь в поисках картошки.

И голубятня, и приятель,
 Что знал шпану на чердаках,
 И фотоснимок о комбате
 И им спасённых облаках
 Строфы пернатой основой
 Меня манили к высоте,
 И высотой рождённым словом
 Земной молился красоте,
 И по законам королевства,
 Где обитала детвора,
 Играл в войну с друзьями детства
 Послевоенного двора.

***

Война.
 Моя ли это боль?
 Я с ней знаком по монументам,
 Я принимал последний бой
 По книжкам и по кинолентам.
 Война.
 Вот разве что салют
 Накрыл нас залпами Победы.
 Теперь о ней всё чаще врут
 Не очевидцы, а поэты.
 Война.
 Я полагал, в расход
 Её списали в сорок пятом.
 Как нужен нынче этот год
 Уставшим от войны ребятам.
 Война.
 Не мой ли это грех,
 Что с ней ещё не поквитался?
 Один за всё, один за всех,
 За всех, кто на войне остался.

***

Слова, что у меня в работе,
 Не зря настояны на поте,
 Как слово жатвы – слово хлеб,
 Когда в ладони острый серп.
 Как слово жеста – пантомима,
 Когда театр во власти мима.

Слова, что принял по наследству,
 Не зря в блокноте по соседству.
 Что знал бы я о нашей речи,
 Не будь она их местом встречи,
 Не молвь таких имён она,
 Как слово памяти – война.
 С войною рядом – обелиск,
 А с обелиском слово – Минск,
 Блокады слово – Ленинград
 И слово мужества – солдат.

**Его стихи читались,
 перечитывались, заучивались...**

Время не сохранило портрета этого человека. Ни живописного, ни литографического. А между тем его имя было широко известно в русской литературе первой половины XIX века. Речь – о поэте Василии Красове, которого именитый наш критик Виссарион Белинский поставил в один ряд с Михаилом Лермонтовым: «подле него (Лермонтова – Н.К.) блещит в могучей красоте самородный талант Кольцова, светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова».

Впрочем, откроем сборник стихов поэта и помчимся вместе с ним по зимней дороге, пробиваясь сквозь колючую метель:

*Поздно. Стужа. Кони мчатся
 Вьюги бешеной быстрей.
 Ах! когда бы нам добратсья
 До ночлега поскорей!
 У! как в поле тёмно, бледно.
 Что за страшная метель, –
 И далёк ночлег мой бедный,
 Одинокая постель!*

*Мчуся. Грустно. Злится вьюга
 По белеющим полям;
 И сердечного недуга
 Я постичь не в силах сам.
 То прошедшее ль с тоскою
 Смутным чувством говорит,
 Иль грядущее бедою
 Мне нежданною грозит?..*

Согласись, читатель, прекрасные строки! Даже нет необходимости их комментировать. Поэтому как больше, чем выразил сам автор, нельзя и сказать. Ни убавить, ни прибавить.

Но вернёмся к портрету Красова. Его словесный образ всё же удалось разыскать в пыльных закоулках былого. Что удивительно – в воспоминаниях... немецкого писателя и переводчика

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда творческих премий. Живёт в Москве.

Фридриха Боденштедта. Со свойственной немцу педантичностью и точностью он нарисовал облик человека, с которым его связывали дружеские отношения: *«Его (Красова – Н.К.) безыскусственная внешность представляла решительную противоположность с тем, что мы привыкли понимать под аристократической наружностью, в современном значении этого слова. Из этого, однако, не следует заключать, что его можно было бы назвать неряшливым: это была воплощённая чистоплотность; выбритый всегда тщательно, без малейшей пылинки на платье, но для него было безразлично как это платье на нём сидело; лишь бы он чувствовал себя в нём удобно. Среднего роста, коренастый и плотного сложения, он старался придать своим членам гибкость всевозможными телесными упражнениями, был превосходный пловец, смелый наездник и даже ловкий танцор, что, как известно, между поэтами встречается редко».*

И далее Боденштедт, «дорисовывая» портрет своего друга, отмечает, что по характеру *«Красов был мягкий, добрый, отзывчивый на чужую беду человек, совершенно беспомощный в житейских делах, неприхотливый в быту и абсолютно равнодушный к условиям своего материального существования. В своих рассказах, выливавшихся постоянно в форме отдельных сценок и эпизодов, он умел передать чрезвычайно метко разговор людей разного типа, но вышедших из народа, начиная с простого мужика и кончая священником и мелкопоместным дворянином старого закала, причём он передавал неподражаемо верно все особенности их речи и самое выражение их лица, но положительно не мог представить мало-мальски сносно лиц высшего круга, враставшихся в тех салонах, где разговор вёлся не иначе, как на французском языке; там, где в его рассказах выступали подобные личности, из них выходили всегда карикатуры».*

...Василий Иванович Красов родился 5 декабря 1810 года в небольшом уездном городке Кадникове Вологодской губернии, в семье сельского священника. Детство будущего поэта прошло в селе Флоровском, где его отец служил соборным иереем в местной церкви.

В возрасте одиннадцати лет родители определили мальчика в Вологодское духовное училище, где уже учились его старшие братья. В этом учебном заведении Василий проявил себя учеником «примерно доброго» поведения, «способностей отличных, прилежания ревностного, успехов превосходных».

В 1825 году его переводят в Вологодскую духовную семинарию, где он вновь показал себя по прилежанию и успеваемости в «первом разряде». Здесь же, в семинарии, Красов получил хорошую подготовку по греческому и латинскому языкам. Однако богословские науки особо не привлекали способного юношу. Уже в тот период он начал писать стихи, мечтал о литературе и университетском образовании. *«Любить изящные науки и упражняться в оных, – вспоминал впоследствии Красов, – было издавна требованием и утехою души моей».*

Через несколько лет, осенью 1829 года, будучи учеником среднего отделения семинарии, Василий самовольно её покинул и ушёл домой. Попытки правления Вологодской семинарии вернуть «дезертира» обратно оказались безрезультатными. К тому же у Красова обнаружился серьёзный недуг, свидетельствующий о том, что он «одержим припадками грудной болезни». Вскорости Красов был исключён из семинарии по причине «малоуспешности, порождённые продолжительной болезнью». Приказ об его исключении датирован летом 1830 года. Болел ли наш герой в действительности – сейчас,

через вёрсты времени, сей факт трудно установить. Зато известно, что в апреле того же года Красов подал прошение в Московский университет, написав в нём: «образовать себя под сению сего высокого заведения в словесных науках». А в сентябре, после успешной сдачи экзаменов, был зачислен студентом университета.

Надо сказать, в тот год, да и в последующие на Моховой, где находился университет, собралась, без всякого преувеличения, большая колония умных, даровитых, талантливых юношей разных званий и сословий из ближних и дальних уголков России. И среди этих, ещё не прославившихся юношей, – Василий Красов. Каждое утро он вместе со всеми торопится в университет, как к источнику за водой, запастись знаниями. Красов, как и в семинарии, вновь в числе лучших и прилежных студентов.

Сокурсник Красова П.Ф. Вистенгоф, впоследствии писатель, вспоминал: *«Выделялись между нами и люди, горячо принявшие за науку: Станкевич, Строев, Красов, Ефремов, Лермонтов».*

Общительный, открытый, Красов быстро приобрёл в стенах университета новых друзей и знакомых. Но особенно близко он сошёлся с Николаем Станкевичем, будущим главой знаменитого литературно-философского кружка. У Станкевича на роду было написано притягивать к себе, словно магнитом, людей. Их с первых дней связала крепкая дружба, верность которой оба сохранили на всю жизнь. Красов импонировал Станкевичу безукоризненной чистотой своего нравственного облика, абсолютной отрешённостью от прозаической обыденности, благородной мечтательностью своей натуры.

Станкевич, по словам известного литературоведа П.В. Анненкова, никогда не забывал о своём Красове, любил его искренне, как «любят существо, живущее по своим особенным, почти исключительным законам». Кроме того, он считал, что жизнь «не полна без Красова».

Красов, как уже сказано, являлся одним из лучших студентов. Он помогал Станкевичу в изучении латыни и греческого языка. Вместе они также «учили Кистера», то есть немецкий язык (в те годы студенты Московского университета обозначали предмет фамилией преподавателя), зачитывались немецкими поэтами, обсуждали стихи популярного поэта-романтика Ивана Козлова. И, разумеется, читали друг другу свои собственные стихи. Главной темой Красова была героика прошлого. В своих стихах, которые охотно печатали журнал «Телескоп» и газета «Молва», он описывал подвиги предков в борьбе с татаро-монгольскими, польскими и шведскими захватчиками.

Одно из своих патриотических стихотворений «Куликово поле» Красов посвятил Станкевичу:

*И он вскипел, вскипел упорный бой;
Сразились тиранство и свобода;
И ты, любовь российского народа,
Носился здесь, воинственный Донской!
Ты здесь летал, виновник ополченья,
Для милой родины, при зареве сраженья!
Для родины! Прекрасен твой удел,
Благословен твой подвиг незабвенный
Для родины несчастной, угнетенной!
Хвала тебе! Прекрасен твой удел!*

В этом стихотворении Красов прославляет героические подвиги русского народа в борьбе с неумолимой и жестокой татарской ордой. Он восхищён гением и мужеством своих предков, их славной борьбой во имя «родины несчастной, угнетенной», борьбой с тиранством за народную свободу. Молодой поэт обращается к временам национально-освободительного движения, рисует образы Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, вспоминает о польской интервенции, о битве со шведами, полный сознания величия этой борьбы. Дедовский меч напоминает ему о воинской славе русского народа. «России мститель роковой», заветный булат «погулял в полях Полтавы для русской чести, русской славы», он «выручал и честь Отчизны, и честь великого Петра». Теперь же меч русской славы покрылся ржавчиной и напоминает лишь «живой рассказ о старине». Полный «возвышенных желаний», поэт готов отточить заветный дедовский меч, войти вместе с друзьями в зарево сраженья «за честь родного края». Красов призывает познать подвиги славян, испить старинную отцовскую чашу, которая, быть может, помнит «злодея Мамаю и тяжкое иго жестоких татар». Поэту «радостно за честь родного края и действовать и славно умереть», он готов отдать весь жар своего сердца, все свои юные силы служению Родине.

Обращается Красов к своему другу и в стихотворениях «Булат», «Стансы к Станкевичу». Стихи эти отличаются непосредственностью чувства, задушевностью, искренностью интонации, простотой формы.

*О! Сколько дум, воспоминаний,
Какие жаркие мечты!
И сколько в грудь младую ты
Вдохнул возвышенных желаний!
Греми, труба, уж я точу
Булат, подъятый из забвенья!
Дай руку, К<оля>, я лечу
С тобой на зарево сраженья!*

Примечательно, Василий Красов – одно из самых часто упоминаемых имён в «Переписке» Станкевича. Василию он поверяет свои тайны, он его судья и советчик. «Общество, в котором я беседую ещё о старых предметах, согревающих душу, – пишет Станкевич Неверову, – ограничивается Красовым и Белинским: эти люди способны вспыхнуть, прослезиться от всякой прекрасной мысли, от всякого благодарного подвига!» В другом письме – к Михаилу Бакунину – Станкевич говорит: «Поверишь ли? Я не могу видеть ровно никого из самых близких друзей, кроме Красова, который живёт со мною и делит мою жизнь...».

Красноречивым примером их бескорыстной дружбы может служить такой эпизод. Однажды Станкевича вызвали в университет по какому-то срочному делу. А он в это время находился дома и занимался с Красовым. Станкевич, ничего не говоря ему, быстро оделся и отправился на Моховую. На полпути он слышит, что кто-то его догоняет. Обернувшись, Станкевич увидел Красова, который был при полном параде – в студенческом мундире и со шпагой.

– Ты куда бежишь? – спросил его Станкевич.

– За тобой, за тобой, – запыхавшимся голосом и со слезами на глазах ответил ему Красов. – Я буду защищать тебя до последней капли крови.

Станкевич с трудом успокоил друга, убедив его в том, что он вызван в университет по пустяковому делу и сражаться ему ни с кем не требуется.

Вообще, Красов во всём готов был видеть необычное. Однажды, вспомнил один из их студенческих друзей, Станкевич, перед тем как идти в Благородное собрание встречать новый 1834 год, стал жаловаться, что давно не получал писем от Неверова, и в утешение от кого-то услышал, что это значит, что друг его в дороге; он этому не поверил, однако мысль запала в голову, и он стал искать Неверова в собрании. Красов, способный, по словам Станкевича, верить всему чудесному, немедленно ухватился за эту мысль, развил её ещё больше и под конец был твёрдо уверен, что Станкевич из собрания привезёт Неверова чай пить...

Выйдя из университета, Красов не стал ни знаменитым профессором, ни известным поэтом. Тем не менее, как сказано выше, он оставил свой след в истории литературы. Ещё при жизни Красова его лирическая поэзия имела успех у современников. Стихи поэта «Известие», «Мелодии», «Недаром же резвых подруг...» и другие ходили в списках, заучивались наизусть, перепечатывались в хрестоматиях. В этом ряду стихотворение «Стансы К***»:

*Ты помнишь ли последнее свиданье?
В аллею лип велела ты прийти...
Дала одно безмолвное лобзанье
И безотрадное «прости».*

*Твой смутный взор, поблекшие ланиты,
Твой слабый стон мне душу растерзал,
Как я, двойным отчаяньем убитый,
В последний раз тебя лобзал.*

*Несчастный друг, увы! во мраке ночи
Я и теперь с слезами помню вновь
Твой дальний край, потупленные очи,
Твою безмолвную любовь.*

*Аллею лип с шумящими ветвями,
Где мы навек расстались с тобой,
И твой вуаль над чёрными кудрями,
И как вдали махнула мне рукой...*

Много стихов поэт посвятил родной природе, которую он искренне любил («Октябрьский день», «Взгляни на тучу! Слышишь гром!», «Вечер»).

Особой популярностью пользовались романсы на его слова «Я трепетно глядел в агат её очей», «Свой век я грустно доживаю». К примеру, романс «Опять пред тобой я стою очарован» исполняется и в наши дни. Издаются сегодня и его стихи.

Давая оценку творчеству Красова, П. Штейн, издатель его посмертного сборника стихотворений, сказал, «что его стихи в тридцатых и сороковых годах печатались в лучших журналах... наряду со стихотворениями Лермонтова, Огарёва и Кольцова; многие из них с увлечением читались, перечитывались, заучивались наизусть просвещёнейшими современниками...». Конечно, это вовсе не значит, что талант Красова можно сравнивать в какой-то мере с талантом Лермонтова, но настроения той эпохи, когда люди даже в

«минуту восторга не забывали тоски», нашли в стихотворениях Красова искреннее и ясное выражение.

Что касается «профессорской» карьеры Красова, то она сложилась менее удачно, чем литературная. Некоторое время он учительствовал в Черниговской гимназии в Малороссии, то есть на нынешней Украине. По сохранившимся письмам Красова можно сделать вывод о том, что жизнь в этом городе, работа, коллеги не приносили ему удовлетворения.

«Начну с Чернигова, – писал он М.А. Бакунину. – Бедный городишко, в котором половина жителей – жида, в котором нет никакой торговли, никакой деятельности – лень, сплетни, невежество в высшей степени; но городок, весь потонувший в садах, – местоположение самое живописное, и на лучшем месте стоит гимназия. Возле неё на горе была когда-то крепость, где до сих пор лежат три пушки, но где теперь роются свиньи, которым здесь нет числа».

Ещё более нелестно Красов отзывается о своих коллегах, описывая облик каждого: *«Вот портрет инспектора. Человек, или вернее – двуногая скотина, рыжий с проседью, с лицом, на котором уже нет лица – какая-то маска из Шельменки – интриган самый низкий, отец семейства и пошлый развратник, – взятошник и живым и мёртвым, – так что пахнет по всей гимназии... Теперь Мангрос, учитель истории, – человек, вот его портрет <...>, человек двадцать три года в службе, но три года, как женился, – до тех пор пил горькую, – которого беспрестанно находили под мостом, который вечно с такой же женщиной, каков он сам, шатался по рынку и ел груши... Теперь Вешеневский поляк, который лежит у меня на сердце, которого что-то сбесило. До сих пор я был о поляках лучшего мнения – на этой твари выразилась вся дурная сторона Польши...».*

После работы в Чернигове Красов был переведён в Киевский университет, где занял должность адъюнкта (помощника профессора – Н.К.) по кафедре русской словесности. Находясь в Киеве, Красов свои силы посвятил написанию докторской диссертации, в которой он решил раскрыть основные направления в развитии английской и немецкой литературы восемнадцатого века и влияние их «на нашу отечественную поэзию». Однако университет отказал Красову в получении докторской степени, посчитав, что при защите его ответы были неудовлетворительны.

Правда, сам Красов несколько иначе оценивал причины отказа ему в докторской степени. *«Я держал на степень доктора словесных наук, – сообщал он Станкевичу, – написал диссертацию, долго, чёрт возьми, с нею возился; но наши университетские киевские клячи не дали мне степени по диспуту, хотя признали диссертацию вполне достойную степени. Они, мерзавцы, не дали потому, что сами были все только магистры, и когда просили у министра, чтоб им, то есть ординарным профессорам (здесь я разумею Максимова, Новицкого – профессоров нашего факультета), позволено было без всякого экзамена – только написав диссертацию – искать докторской степени, им министр отказал наотрез. Они торжественно дали слово не сделать и нас докторами – так и сделали».*

Как свидетельствовал современник, сразу после той публичной защиты Красов в сердцах заявил ректору:

– Ноги моей с нового года не будет в вашем скверном университете!

И слово своё сдержал. Вскоре Красов оставил «учёную службу» и уехал в Москву, где занимался литературой, а в последние годы жизни целиком посвятил

себя педагогической деятельности. Он преподавал русский язык в I Московском кадетском корпусе, а потом в Александровском сиротском военном корпусе. Будущие офицеры и генералы очень любили и уважали своего учителя.

Один из воспитанников Красова, П. Збруев, вспоминал: *«Это было в 1854 году, в конце мая. Я, в то время десятилетний мальчик-кадет, с нетерпением ждал окончания экзаменов, после которых все кадетские корпуса на летние месяцы выступали обыкновенно в лагерь в с. Коломенское. Все мы с таким волнением ждали этого счастливого времени, так надоела нам и эта духота городская, и это десятимесячное как бы заключение в каменных стенах корпусного здания! Все так и рвались в Коломенское, только и мечтали, как боевым порядком, под музыку, точно настоящие солдаты, выступим мы в этот первый 12-вёрстный поход наш».*

Наконец настал и последний день экзаменов. Как теперь помню, из русского. Экзамен – самый лёгкий, да и учитель такой славный, добрый. Этим славным и добрым учителем моим был Василий Иванович Красов, весьма известный в своё время поэт, скончавшийся в Москве в пятидесятых годах. Любили мы покойного Василия Ивановича, все любили его, очень любили. Главное же, нам особенно лестно и дорого было в нём то, что он всегда звал нас своими «друзьями». Когда экзамен кончился, и кончился, конечно, хорошо, помню, мы все ребяташки окружили Василия Ивановича, благодарили его, прощались с ним, и прощались, как после оказалось – совсем, потому что в следующем классе он уже не был у нас учителем, а потом вскоре и умер. Помню, мы спрашивали Василия Ивановича, где он будет жить летом, просили жить в Коломенском, с нами.

– До свидания, Василий Иванович! Скажите нам на прощанье какие-нибудь свои стихи! Пожалуйста, милый Василий Иванович, скажите! Умоляем вас! окружив плотно со всех сторон, упрашивали мы доброго Василия Ивановича.

Эти детские ласки, видимо, тронули поэта, он как-то нервно заморгал глазами, ближе стоявших к нему, помню, так любовно гладил по головкам и отрывистыми фразами, с улыбкой, отвечал нам:

– Стихи не скажу... никаких не знаю... нет, нет. Прощайте.

– Скажите, Василий Иванович, пожалуйста, скажите! опять весело зашумел весь класс.

Василий Иванович всё время шума, глядя на нас, крикунов, как-то сосредоточенно улыбался сначала, а потом, сделав знак рукой, чтобы мы замолчали, сказал нам: «тихо» – и отошёл к кафедре.

Увидав, что он хочет говорить, я вырвал из своей тетрадки чистую страницу, наскоро схватил где-то карандаш и успел-таки записать стихи Василия Ивановича, которые экспромтом он сказал нам. Стихи эти ни где ещё не были напечатаны. Стихи эти следующие:

Нескучное наскучило,
Новинское старо,
На Пресне пруд заплесневел,
А в Парке никого.
В Сокольниках не соколы,
Вороны лишь живут,
Там жители московские
Не птиц, баклуши бьют.

Нет, несколько подалее
Я от Москвы хочу,
В Коломенское, в лагери,
К кадетам укачу.
Там дерево любимое
Великого Петра,
Там юные друзья мои,
Туда пора, пора!

От этих стихов, адресованных к нам, все мы, конечно, пришли в восторг неописанный: благодарили Василия Ивановича, а потом, всею гурьбой окружив его, проводили до швейцарской».

...В последние годы Василий Красов тяжело болел. Чахотка, от которой тогда не было избавления, медленно, словно ржавчина, разъедала его организм. Эта болезнь отправила на тот свет Станкевича, Кольцова, Белинского... Не пощадила она и Красова. Он скончался 27 сентября 1854 года в одной из московских больниц. В связи со смертью поэта журнал «Московитянин» написал в некрологе: «Он жил своими трудами и не оставил детям ничего, кроме доброго имени и благословения».

ПОЭЗИЯ

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – член МГО СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, «Литературный Олимп».

Живёт в Москве.

«На лазоревой нашей Руси...»

***

Возле дома, на скамейке
Притулился выпивоха.
Вид потрёпанный и старый,
Отдыхать он здесь привык.
Как у нищего одежда,
Может, выглядит он плохо,
Я-то знаю, он не старый,
Просто стал он, как старик.

Я учился с ним когда-то.
Время то почти забылось.
Был он весел и удачлив
И не думал наперёд.
Но не всё-то в нашей воле,
Видно что-то с ним случилось,
Мутным взором смотрит пьяно
И меня не узнаёт.

Не осудим – не судимы.
В жизни всяко может статья.
Что нас ждёт в дали туманной
На грядущей из дорог?
И достанет ли нам силы
В час нелёгкий не сломаться,
Если что-то или кто-то
Выбьет почву из-под ног.

***

Здесь всегда было царство покоя,
А теперь слышу праздничный звон.
Что за чудо? – Село за рекою,
Словно Китеж из давних времён.

Всюду старого быта приметы,
А на улице праздничный люд.
По-старинному люди одеты,
К литургии на службу идут.

В этих землях селений и весей
«Царство чьё?» – я молодку спросил.
«С нами батюшка царь наш Алексий
На лазоревой нашей Руси».

Что случилось и что за причина?
Это словно другая страна.
Век семнадцатый здесь, середина,
Допетровские здесь времена.

Всё в покое, святая обитель.
Полной грудью вздохну, оглянусь,
Ведь сынок ещё здесь не копытил,
И не рушил общинную Русь.

Здесь обычаи предков лелея,
Свято чтут старину и пока
Здесь не ведомы пьянь-ассамблеи,
И не знают ещё табака.

А достигнув поры молодецкой,
Сей сынок не захочет простить.
Не помилует жизни стрелецкой
Будет головы лихо рубить.

Где-то нами утрачена сила,
Что-то «наше» – забыли давно,
И подумаешь, нужно ли было
Нам такое в Европу окно?

Звон малиновый всё разносился,
Старой Русью дышалось легко,
Ведь наследник пока не родился,
Это время ещё далеко.

По мосточку вернулся обратно,
Оглянулся – селения нет.
Сон, видение? – Всё непонятно,
Шорох трав в невозвратности лет.

***

На кусочке общего катка
Кружит, кружит пожилая пара.
Только он совсем ещё не старый
И она в движениях легка.

В тишине чуть слышно лёд скрипит.
Музыкальных нет сопровождений,
Но видать по пластике движений,
Что в душе мелодия звучит.

Как легка связующая нить,
Возникают давние виденья,
И давно забытые мгновенья
В танце снова можно пережить.

Не согнулась под годами стать.
Отцвело, но главное осталось –
Жизнь прошла в любви – совсем не малость,
Потому и грусти не видать.

***

По пути колодец – как награда,
Если жарким солнцем перегрет.
Гляну вниз – блаженная прохлада,
И струится сумеречный свет.

А внизу – ни звука, ни движенья,
Старый сруб чуть виден в темноте.
В глубине маячит отраженье,
Мой портрет в колодезной воде.

Я смотрю – и будто бы похоже,
И «портрет» сей можно и узнать.
Только он на тридцать лет моложе,
Ни одной морщинки не видать.

Много ли от той поры осталось?
Лишь надежды маленький букет.
Много ли сбылось, о чём мечталось?
Я вздохну и улыбнусь в ответ.

К вечности с землёю пролетая,
От мечты ли иль от маяты,
В памяти бывшее обретая.
.....
Но пора мне зачерпнуть воды.

***

В сельский старенький автобус
Набралось народу много.
Из Ростова до деревни
Трудовой народ спешит.
Впереди старушка с сыном,
Хоть недолгая дорога,
Нелегка она для сына,
Он «афганец», инвалид.

От контузии лечился,
Только без толку, похоже.
И беспомощно старушка
Теребит свой белый плат.
Говорит он раздражённо,
Успокоиться не может,
Только люди понимают
И сочувственно молчат.

Есть особая душевность
В этой сельской жизни тихой,
И в общности старинной
Наша будущность легка.
От того, что сами люди
В этой жизни знали лихо,
От того им боль чужая
И понятна и близка.

***

В этой тихой родной стороне
Даже небо прозрачней и шире.
И всегда-то здесь думалось мне,
Что не всё изменяется в мире.

Незабудками пруд голубел,
Зеленели луга за рекою.
И холмы были словно предел
От вселенской волны непокоя.

Но всё ближе встревоженный мир,
Грозовые небесные сферы.
Стрелы – молнии мечут в эфир
Запредельные аркебузьеры.

Вот и здесь тот небесный полёт
С грозовым и неведомым даром.
По реке над водою плывёт
Плазма – молния огненным шаром.

Валерий СУХОВ

«Чувство Родины» в лирике М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина

Я родину люблю...

М.Ю. Лермонтов

Я очень люблю родину...

С.А. Есенин

Раскрывая тему любви к Родине, Есенин в своей поэзии опирался, в первую очередь, на лермонтовские традиции. Патриотические заявления двух поэтов не оставляют сомнения в их искренности. Лермонтов ещё в раннем стихотворении «Я видел тень блаженства; но вполне» (1831), во многом определяя патриотический пафос своей лирики, писал: «...Я родину люблю / И больше многих: средь её полей / Есть место, где я горесть начал знать»¹. Есенин в «маленькой поэме» «Исповедь хулигана» (1920) вслед за Лермонтовым признавался: «Я люблю родину / Я очень люблю родину! / Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь»². Таким образом, Есенин вступал с Лермонтовым в своеобразный творческий диалог через время, осознавая, что чувство патриотизма является определяющим и в его поэтическом мироощущении. При этом Есенин не скрывал того, что «чувство родины» неотделимо от «горести» и «грусти». С.Н. Пяткин обратил внимание на сходство романтического мировосприятия лермонтовского и есенинского лирических героев, которое проявилось в самом по-русски исповедальном характере стихотворения «Исповедь» и есенинской «Исповеди хулигана»: «Знание тайн своего сердца лирическим героем Есенина <...> вполне очевидно соотносится, к примеру, с основными романтическими словесно-образными темами лирической

Валерий Алексеевич Сухов – родился в 1959 г. в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил ПГПИ им. В.Г. Белинского и аспирантуру при МПУ. Кандидат филологических наук, член Правления пензенского отделения Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор семи сборников стихов, лауреат Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» за 2010 г. Лауреат премии имени М.Ю. Лермонтова за 2009 и 2020 гг.

Живёт в Пензе.

«Исповеди»»¹. Обращаясь к характерному для романтизма мотиву непримиримого конфликта поэта и окружающей его толпы, Есенин в «Исповеди хулигана» творчески развивает тему отверженного лермонтовского пророка, побиваемого камнями. Поэт с вызовом заявляет:

*Мне нравится, когда камень брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы.
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь. [II, 85]*

Спасением для гонимого поэта становится осознание того, что у него есть родина. Это сближает Есенина с Лермонтовым, лирический герой которого в стихотворении «Как часто, пёстрой толпою окружён...» (1840), не скрывая презрения к светскому обществу, отраду находит лишь в своих детских воспоминаниях:

*И вижу я себя ребёнком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей. [I, 424].*

Лирический герой Есенина, оказавшись в чужом для него городе, также признаётся, что ему дорога прежде всего малая родина:

*Я нежно болен воспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сыррь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клён перед костром зари. [II, 87]*

Малая родина у поэтов ассоциируется с «потерянным раем» детства и покоем, который символизирует старый пруд. Сравним: у Лермонтова – «зелёной сетью подёрнут спящий пруд» [I, 424], у Есенина – «Так хорошо тогда мне вспоминать / Заросший пруд и хриплый звон ольхи» [II, 85]. Хронотоп, связанный с лирическим мотивом детских воспоминаний, у поэтов поразительным образом совпадает вплоть до знаковых деталей родного пейзажа, которые помогают создать неповторимый и трогательный образ малой родины. Именно это осознание подлинных ценностей жизни на фоне враждебной «пёстрой толпы» заставляет Лермонтова стать обличителем представителей «высшего света»:

*И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!.. [I, 425]*

Есенин в «Исповеди хулигана» вслед за Лермонтовым создаёт образы, построенные на приёме антитезы. Обращаясь к тем городским снобам, которые обрушивают на его голову «камень брани», он вспоминает своё родное село, где живут родители. В них лирический герой видит нравственную опору и духовную защиту, заявляя:

*Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня. [II, 86]*

Ощущение своего кровного родства с Россией предопределило появление патриотической лирики Лермонтова и Есенина, создать которую могли лишь поэты с обострённым чувством национального самосознания, что проявляется

¹ См.: Розанов И. Воспоминания о Есенине // Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. М., 1995. С. 301.

¹ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4 т. Л., 1979-1981. Т.1. С. 208. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в квадратных скобках тома и страниц.

² Есенин С.А. Полн. собр. соч. в 7 т. М., 1995-2001. Т.1. С. 86. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в квадратных скобках тома и страниц.

М.Ю. Лермонтов (1814–1941).
Гравюра по стали Ф.А. Брокгауза
в Лейпциге, 1865 год.
По фотографии А.С. Муренко
с оригинала Ф.О. Будкина, 1834 г.

С.А. Есенин (1895–1925)

в ряде ключевых образов, несущих особую эмоциональную и смысловую нагрузку. В 1924 году, после возвращения из заграничной поездки по Европе и США, С. Есенин писал в «Автобиографии»: «...Если сегодня держат курс на Америку, то я готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного выросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом по ветру тощая лошаде́нка. Это не небоскрёбы, которые дали пока только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.» [VII, 17]. Не случайно среди русских писателей и поэтов Есенин выделил именно тех, в чьём творчестве особенно ярко проявляется национальное самосознание. Оно формируется под влиянием определённой среды, пейзажа, традиций. Есенин называл это «чувством родины», подчёркивая, что именно оно является «основным» в его творчестве. Одним из первых в русской литературе это чувство выразил Лермонтов в стихотворении «Родина», написав: «Люблю отчизну я, но странною любовью! / Не победит её рассудок мой...» [I, 460]. В творчестве Лермонтова и Есенина встречается ряд ключевых образов, которые несут на себе особую эмоциональную и смысловую нагрузку. Одним из них является образ степи. В лермонтовской лирике образ степи ассоциируется

с широкими просторами России. Не случайно в своём программном стихотворении «Родина» поэт «странную любовь» к отчизне объясняет неодолимой притягательностью среднерусского пейзажа, в котором он в первую очередь выделяет именно степное раздолье: «Но я люблю – за что, не знаю сам – / Её степей холодное молчанье, / Её лесов безбрежных колыханье, / Разливы рек её, подобные морям» [I, 460].

Отметим в этом перечислении дорогих сердцу лирического героя примет родного края своеобразный параллелизм образов, близких по смысловой нагрузке. Бескрайние степи, леса и разлившиеся реки выражают стремление автора особым образом подчеркнуть широту русской души, которая формировалась под влиянием определённого рода пейзажа. Но в этой триаде – степь, лес и реки – особое значение поэт придаёт именно образу степи. Он одушевляет его с помощью эпитета «холодное молчанье». Лермонтов изображает реалистичный пейзаж с конкретными деталями, которые обретают архетипический подтекст:

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Четы белющих берёз. [I, 460]

Именно такие земные образы были особенно близки по духу Есенину, подчёркивающему своё крестьянское происхождение в стихотворении со знакомым для поэта началом: «Мелколесье. Степь и дали» (1925): «У меня отец крестьянин, / Ну а я крестьянский сын» [I, 291].

Глубинный архетипический смысл обретает образ степи в стихотворении «Родина», если его воспринимать в контексте других произведений Лермонтова, в которых он также является одним из ключевых.

Так, например, в одном из самых глубоких по идейному замыслу стихотворений Лермонтова раннего периода творчества «1831-го июня 11 дня» возникает аналогия между мыслями лирического героя и степным пейзажем: «И мысль о вечности, как великан, / Ум человека поражает вдруг, / Когда степей безбрежный океан / Синее пред глазами...» [I, 171]. Созданное в юношеском возрасте стихотворение Лермонтова отразило увлечение романтизмом с его стремлением к исключительным чувствам, которые рождаются на фоне исключительных обстоятельств. Характерная для поэтики романтизма антитеза построена на противопоставлении гор и степи: «Что на земле прекрасней пирамид / Природы, этих гордых снежных гор?» «Печален степи вид, где без препон, / Волнуя лишь серебряный ковыль, / Скитаются летучий аквилон / И пред собой свободно гонит пыль» [I, 172]. В этом стихотворении Лермонтов создаёт романтический прообраз реалистического образа, ставшего одним из символов Родины. Сравним: «И где кругом, как зорко ни смотри, / Встречает взгляд берёзы две иль три, / Которые под синеватой мглой / Чернеют вечером в дали пустой» [I, 172].

Для Лермонтова степь – один из обобщённых символов родного края. Например, в стихотворении «Прекрасны вы, поля земли родной» (1831) он с особым чувством подчёркивает, что степной простор олицетворяет для него свободу: «И степь раскинулась лиловой пеленой, / И так она свежа, и так родня с душой, / Как будто создана лишь для свободы» [I, 199]. Степь дорога поэту ещё и потому, что в ней ярко проявляется материнское начало, как и в другом фольклорном образе матери сырой земли. Не случайно в стихотворении «Воля» (1831), созданном в духе народных песен, возникают такие образы: «А моя мать – степь широкая, / А мой отец – небо далёкое... / Несушь ли я на коне, – / Степь отвечает мне» [I, 196].

Интересно отметить, как эта параллель небо-земля меняется своими местами в стихотворении «Тучи» (1840): «Тучки небесные, вечные странники! / Степью лазурною, цепью жемчужною / Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники / С милого севера в сторону южную» [I, 450]. Метафорическое уподобление небесных просторов «степи лазурной» помогает Лермонтову создать своеобразную метафору – антипод образу степи в стихотворении «Родина». Для туч в отличие от лирического героя Лермонтова нет изгнания, им чуждо «чувство родины», им «наскучили нивы бесплодные» [I, 450].

Образ степи постепенно трансформировался у Лермонтова, обретая библейский подтекст. И начало этому можно найти в философской лирике поэта. Так, например, в стихотворении «Три пальмы» (1839) поэт проводит прямую аналогию между степью и пустыней: «В песчаных степях аравийской

земли / Три гордые пальмы высоко росли... / И стали три пальмы на Бога роптать: / "На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? / Без пользы в пустыне росли и цвели мы, / Колеблемы вихрем и зноем палимы" [I, 413]. В стихотворениях «Выхожу один я на дорогу» (1841) и «Пророк» (1841) особую смысловую роль играет образ пустыни, который вполне соотносим с образом степи. Именно на фоне степного пейзажа Лермонтов размышляет о вечности, жизни и смерти: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит. / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу. / И звезда с звездою говорит» [I, 488].

Поэт здесь предстаёт перед нами в образе путника посреди пустыни жизни. Его одиночество подчёркивает бескрайний степной простор, он ассоциируется с библейской пустыней, которая «внемлет Богу». Одиночество Лермонтова соотносимо с трагическим одиночеством пророка, непонятого людьми. Вспомним строки из его стихотворения «Пророк»: «Посыпал пеплом я главу, / Из городов бежал я нищий, / И вот в пустыне я живу...» [I, 488].

Если внимательно вчитаться в лермонтовский текст и проследить за эволюцией его образа степи, можно отметить усиление его философской смысловой нагрузки. От топонимической характеристики пейзажа поэт шёл к углублению библейского подтекста данного образа, что придавало его лирике особый сакральный смысл.

Образ степи является одним из ключевых и в лирике Есенина. При этом нельзя не отметить, что для него, как и для Лермонтова, образ России был неотделим от образа степи. Степной простор для есенинского лирического героя – одно из самых святых мест. Именно поэтому в стихотворении «Запели тёсаные дороги» (1916), которое во многом созвучно по чувству и настроению лермонтовскому лирическому шедевру – «Родине», образ степи ассоциируется со словами молитвы: «Когда звенят родные степи / Молитвословным ковылём» [I, 84]. Библейский подтекст образ степи обретает у Есенина в «маленьких поэмах», созданных как отклик на революционные события 1917 года. Так, например, в поэме «Октоих» (август 1917) поэт создаёт своеобразную триаду образов, с которыми в его представлении ассоциируется Родина: «О Русь, о степь и ветры, / И ты, мой отчий дом» [I, 42].

В период есенинского имажинистского бунтарства, ставшего своеобразной формой проявления протеста против «умерщвления личности как живого», степь становится у поэта одним из неотъемлемых топонимических образов – символов Руси. Например, в стихотворении «Хулиган» (1919) Есенин так характеризует себя: «Только сам я разбойник и хам / И по крови степной конокрад» и выражает такое желание: «Мне бы в ночь в голубой степи / Где-нибудь с кистенём стоять» [I, 155]. Отметим смысловый эпитет «голубой», который неотделим у Есенина от образа «голубой Руси» («Я покинул родимый дом», 1918). Особенно ярко символика образа степи проявляется в маленькой поэме «Сорокоуст» (1920). Здесь степь становится частью развёрнутого образа крестьянской Руси, вырастающего в смысловую антитезу апокалиптической метафоре железного чудовища поезда: «Видели ли вы / Как бежит по степям, / В туманах озёрных края, / Железной ноздрей храпя, / На лапах чугунных поезд? / А за ним / По большой траве, / Как на празднике отчаянных гонок, / Тонкие ноги закидывая к голове, / Скачет красногривый жеребёнок» [II, 83]. Не случайно поединок двух противоположных начал происходит именно в степи, которая ассоциируется с необозримыми просторами России, вставшей перед выбором: или путь индустриализации,

который, по убеждению поэта, духовно чужд «соломой пропахшему мужику», или следование вековым традициям гармоничного сосуществования человека и природы.

Лермонтов подчёркивал: именно бескрайние степные раздолья сформировали широкий русский характер, который раскрывается во время праздничного веселья:

*И в праздник вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.* [I, 460]

Есенинский «Сорокоуст» в отличие от лермонтовской «Родины» завершается на трагической ноте. Есенин здесь вступает в полемический диалог с Лермонтовым, ему явно не по душе снисходительное изображение «пьяных мужичков»:

*Оттого-то выросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.* [II, 84]

В «пропащем мужике» мы узнаём лирического героя, «последнего поэта деревни». Обратившись в 1924 году к пушкинским и лермонтовским традициям, Есенин вновь использует один из ключевых своих образов, который помогает ему подчеркнуть самобытный характер его творчества. Развивая свою метафору «когда звенят родные степи молитвословным ковылём», поэт так заканчивает стихотворение «Пушкину» (1924): «Но обреченный на гоненье, / Ещё я долго буду петь... / Чтоб и моё степное пенье / Сумело бронзой прозвенеть» [I, 204]. В связи с этим есенинское «И говорю в ответ тебе» – можно считать отражением творческого диалога не только с А.С. Пушкиным, но и с М.Ю. Лермонтовым.

В маленькой поэме «Мой путь» (1925), вспоминая самые яркие впечатления детства, Есенин не случайно обращается к образу «степное пенье». Здесь эпитет «степное» подчёркивает особый народный характер творчества поэта, в судьбе которого бабушка сыграла такую важную роль: «И бабка что-то грустное, / Степное пела...» [II, 160]. Став знаменитым поэтом, Есенин вновь обращается к истокам своей поэзии, находя вдохновение среди степных просторов своей малой родины: «Хожу смотреть я / Скошенные степи / И слушать, / Как звенит ручей» [II, 165].

Образ степи неотделим от образа родины у Есенина, и это сближает его с Лермонтовым. Поэтов объединяет общий мотив дорожных странствий по необъятным просторам России, во время которых они воспринимают Родину как самое святое и дорогое для себя. Именно чувство патриотизма, «странной любви» к родине «роднит» лирику Лермонтова и Есенина. Хотя один был из старинного дворянского рода, а другой с гордостью заявлял: «У меня отец крестьянин, / Ну а я крестьянский сын» [I, 291]. Лермонтовская и есенинская степь – это образ одного смыслового ряда, который ассоциируется с просторами большой и малой Родины – России, пробуждая в душах двух поэтов-патриотов родственные чувства. С Лермонтовым Есенин объединяет особое, если использовать есенинский эпитет, «степное пенье» и общий для русской литературы мотив дороги по бескрайним просторам. Об этом с особым проникновенным чувством написано в есенинском стихотворении «Мелколесье».

«*Степь и дали*» (1925): «*Неприглядная дорога, / Да любимая навек, / По которой ездил много / Всякий русский человек*» [I, 291]. Несмотря на то, что интонация лермонтовского стихотворения «*Родина*» иная, чем у Есенина, и пейзаж не зимний, а осенний, но мотив дороги, пролегающей по степи, сближает двух поэтов. Мы убеждаемся в этом, сопоставив процитированное выше есенинское четверостишие с лермонтовскими строками из стихотворения «*Родина*»: «*Просёлочным путём люблю скакать в телеге. / И, взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень*» [I, 460]. Нельзя не отметить своеобразной переклички образов. Степь, дорога, берёзы, веселье «русских деревень». У Лермонтова бескрайние степные раздолья формируют «широкий» русский характер, который раскрывается во время праздничного веселья: «*И в праздник вечером росистым / Смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков*» [I, 460]. У Есенина образ русского веселья также неотделим от лихой езды на тройке с песнями под «тальянку» по степным зимним дорогам мимо русских деревень: «*Как же мне не прослезиться, / Если с венкой в стын и звень / Будет рядом веселиться / Юность русских деревень*» [I, 291]. Нельзя не отметить и того, что одно из последних есенинских стихотворений, в котором он пророчески предсказал свою скорую гибель, связано с образом степной равнины: «*Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона. / И берёзы в белом плачут по лесам. / Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?*» [IV, 231]. Лесостепной пейзаж – покрытая снегом степная равнина – этот образ можно сопоставить с образом пустыни из последних стихотворений Лермонтова. Не случайно, а вполне закономерно, мотив дороги по степным пустынным местам у двух русских поэтов связан с предсказанием своей близкой смерти. Поэты мысленным взором окидывают необъятные просторы своей родины и прощаются с ними. В отличие от Лермонтова у Есенина образ степи не перерастает в столь глубокий сакральный символ, а остаётся земным, но и он соотносится с мотивом ухода из жизни. Это сближает двух гениальных русских поэтов.

Лермонтовские мотивы, аллюзии и реминисценции можно найти в «маленьких поэмах» С. Есенина «*Русь советская*», «*Русь неприютная*» и «*Русь уходящая*». В них Есенин по-философски глубоко осмысляет сущность тех перемен, которые произошли в стране после революции и гражданской войны. Поэт в это время мучительно размышлял о том, по какому пути пойдёт «коммуной вздыбленная Русь» и как сложатся его взаимоотношения с Родиной. В статье «*Чувство дома*» Т. Голованова, определяя перспективы исследования преемственности определённых мотивов в творчестве двух поэтов, писала: «Между Лермонтовым и Есениным сходство начинается там, где оба поэта скажут о себе главное и прежде всего о высоком чувстве национального самосознания»¹. На самом деле, именно лермонтовское понимание сущности подлинного патриотизма было особенно близко в эти годы С. Есенину. Д. Максимовым была отмечена такая характерная особенность стихотворения «*Родина*»: «В отличие от лириков предыдущей эпохи, в патриотизме которых было немало стихийного, безотчётного, Лермонтов анализирует своё отношение к России. Можно сказать, что любовь к родине у Лермонтова <...>

впервые в русской литературе становится основной темой, превращается в проблему, которую Лермонтов по-своему ставит, рассматривает и, исходя из приобретённого им опыта, по-своему решает».

В «маленьких поэмах» Есенина, созданных в 1924 году, ярко проявляется лермонтовский аналитический подход к осмыслению чувства любви к родине в связи с произошедшими историческими переменами. Возвратившись в родные края, лирический герой не узнаёт «родимых мест».

Лермонтовский мотив «странной любви к Родине» находит своё развитие в маленькой поэме «*Русь советская*», где лирический герой так говорит об отношении к себе бывших односельчан: «*И в голове моей проходят роем думы: / Что родина? / Ужели это сны? / Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый / Бог вест с какой далёкой стороны*» [II, 95]. В поэме Байрона «*Паломничество Чайльд Гарольда*» главный герой так же сравнивается с пилигримом. Обращение к Байрону у Есенина связано с развитием лермонтовского мотива, соединённого с осознанием того, что у поэта «русская душа», поэтому он не может быть безродным отщепенцем. Судьба Чайльд Гарольда не приемлема для лирического героя Есенина. Это заставляет читателя задуматься над глубоким подтекстом поэмы, подводное течение которой вновь выводит на лермонтовские строки, написанные поэтом ещё в юности: «*Нет, я не Байрон, я другой, / Ещё неведомый избранник, / Как он гонимый миром странник, / Но только с русской душой*» [I, 321]. Именно это ощущение своего кровного родства с Россией предопределило появление патриотической лирики Лермонтова, создать которую мог лишь поэт с обострённым чувством национального самосознания. Лирический герой Есенина смиряет свою «бунтующую душу», потому что он не может жить без родины в отличие от безродных романтических бунтарей Байрона. Это сближает Есенина с Лермонтовым. Лермонтовский подтекст имеет и заключительная строфа маленькой поэмы «*Русь советская*». Подобно автору стихотворения «*Родина*», Есенин подчёркивает то, что противостоит его «странному» патриотическому чувству: «*Но и тогда, / Когда на всей планете / Пройдёт вражда племён, / Исчезнет ложь и грусть, – / Я буду воспевать / Всем существом в поэте / Шестую часть земли / С названьем кратким “Русь”*» [II, 97]. Особый смысл здесь обретает противительный союз «но», заставляющий вспомнить лермонтовские строки «*Но я люблю, за что не знаю сам*». «*Ложь*», как сущность новой идеологии, и «*грусть*» поэта, как следствие разочарования в ней, сродни лермонтовским. Есенин отделяет в «маленьких поэмах» приметы той действительности, которые он не принимает, противопоставляя им вечную, исконную Русь. Поэт неслучайно подчёркивает в конце, что он будет воспевать не «Русь советскую», а родину с названьем кратким «Русь». Именно поэтому и у Есенина чувство любви к отчизне приобретает «странный» характер, т.к. его патриотизм противостоит идеям интернационализма, свойственным советской идеологии. О своеобразном «лермонтовском подтексте» есенинских размышлений свидетельствует ещё одна деталь. В поэме «*Русь уходящая*» Есенин характеризует разговор сельчан с помощью «лермонтовского» эпитета: «*Корявыми немтыми речами / Они свою обслуживают “жись”*» [II, 95]. Эпитет «немтыми» помогает вспомнить лермонтовские гневные строки: «*Прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна господ*» [I, 472]. Есенин, подобно Лермонтову, не скрывает критического отношения к рабской психологии. Этот мотив находит развитие в поэме «*Русь уходящая*», где поэт даёт возможность услышать мужицкую «немытую речь»: «*С Советской властью*

¹ Голованова Т. Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 63.

² Максимов Д. О двух стихотворениях Лермонтова // Русская классическая литература. М., 1969. С. 124.

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

жить нам по нутру... / Теперь бы ситу... Да гвоздей немного» [II, 105]. Лирический герой Есенина с горечью признаёт, как далеки реалии советской действительности от его романтических представлений о крестьянском рае на земле, которые он воплотил в поэме «Июния» (1918). В маленькой поэме «Русь уходящая» лирический герой Есенина осознаёт себя представителем «потерянного поколения». Подобно лирическому герою Лермонтова, который осуждал себя за бесплодно прожитые годы в стихотворении «Дума», поэт с горечью признаётся в том, что переживает тяжёлый кризис: «Я очутился в узком промежутке» [II, 105]. Положение лирического героя есенинских «маленьких поэм» можно сравнить с тем состоянием, в котором оказались современники Лермонтова. Автор «Думы» выразил трагедию поколения, затерянного на перепутьях истории. Передовой человек 30-х годов девятнадцатого века чувствовал себя «лишним» в своей стране и даже в целом мире. Сходную драму отразил и Есенин, почувствовав, что Родине не нужны ни его любовь, ни его творчество: «Вот так страна! / Какого ж я рожна / Орал в стихах, что я с народом дружен? / Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен» [II, 96]. В творчестве М.Ю. Лермонтова трагедия поэта подчёркивается его характерной романтической иронией. Горькой иронией наполнены и многие размышления Есенина. Сравнивая финальные строки «Думы» и «Руси уходящей», можно и здесь увидеть скрытый диалог. Лермонтов предрекает строгую оценку, которую дадут его поколению: «И прах наш, с строгостью судьи и гражданина, / Потомок оскорбит презрительным стихом, / Насмешкой горькою обманутого сына / Над промотавшимся отцом» [I, 401]. Есенин, предвидя подобное осуждение, предпринимает попытку пойти за молодым поколением, сознавая, что воспитанное на агитках «Бедного Демьяна», оно вряд ли его поймёт и примет. Именно поэтому заключительная строфа «Руси уходящей» насквозь пронизана горькой есенинской иронией: «Я знаю, грусть не утопить в вине, / Не вылечить души / Пустыней и отколом. / Знать, оттого так хочется и мне, / Задрать штаны, / Бежать за комсомолом» [II, 106].

Из приведённых примеров можно сделать вывод о том, что раскрывая тему Родины, Есенин вслед за Лермонтовым обращался к образу степи, который олицетворял просторы России и широту русской души. Во многом сходными по своей сути были глубокие лермонтовские и есенинские размышления о «странной» любви к родине. Не случайно в поэме «Русь бесприютная» (1924) Есенин упоминает Лермонтова среди наиболее близких ему по духу русских поэтов, драматизм детских впечатлений которых во многом predeterminedил их дальнейшую судьбу: «Я тоже рос / Несчастный и худой. / Средь жидких / Тягостных рассветов, / Но если б встали все / Мальчишки чередой / То были б тысячи / Прекраснейших поэтов. / В них Пушкин, / Лермонтов, Кольцов, / И наш Некрасов в них, / В них я...» [II, 100]. В связи со всем вышесказанным нельзя не согласиться с таким утверждением лермонтоведа Г.Е. Горланова: «Ключ к уяснению специфики дарований и у Лермонтова, и у Есенина один – это духовное понимание русской идеи, “почвенный” склад мышления, выразившиеся в искренних чувствах любви к Родине»¹. Лермонтовский подход к раскрытию темы Родины в своеобразной есенинской интерпретации ярко проявился в творческом диалоге поэтов.

¹ Горланов Г. «Люблю отчизну я...» // Пенза, 2012. С. 327.

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Мой магический кристалл...»

***

Берегите меня, береги,
У начала тяжёлого дня,
И каноэ мои, и ковчеги,
От беды уносите меня.
В этом бурном потоке напастей,
Меркантильности, мелких страстей,
Как надежда, как виза на счастье,
Обереги от чёрных мастей.

Аметист

Я в твоих лиловых гранях
Тайны жизни узнаю.
Ты посланец мирозданья,
Забери печаль мою.
И развей её по ветру,
Мой магический кристалл,
Камень мой, ты оберегом
Для души мятежной стал.

Орган

Под сводами древнего храма,
Под строгим надзором Христа
Волшебные звуки органа

Летели, сорвавшись с перста.
 Молились мятежные Мцыри,
 Им вторила fuga – минор,
 А звуки метались и плыли,
 Ведя меж собой разговор.
 И, в круг колдовство замыкая,
 Мелодия мощно лилась,
 Все души заполнив до края.
 Свобода. Надежда и Страсть.

Этюд

Море целует берег,
 А берег уходит в город.
 Город прячется в горы,
 И море так одиноко.
 Но вот опускается солнце,
 Солнце ласкает море
 И золотой дорогой
 Уходит в морские чертоги,
 Чтобы любить море.
 Видишь, как счастливо море...

Кусково

Зеленью мрамор печальный
 Строго одела листва.
 Птичий полёт изначальный,
 Звон колокольный венчальный,
 В пруд загляделась трава...
 Парк этот, с детства знакомый,
 Нянчил в коляске меня,
 Здесь родилась я и дома
 Памятью юности помню,
 Как его ветви шумят.
 Липы стоят вековые,
 Знают иные слова –
 Маялись здесь крепостные,
 Лихо кутили другие,
 Остро судила молва.
 Здесь Жемчугова Параша
 В блеске своих жемчугов
 День провожая вчерашний,
 Пела и плакала страшно

В клетке из барских оков.
 Милое сердцу Кусково
 В тайнах ушедших веков.
 Манит и радует снова
 Музыкой края родного,
 Новых младенческих снов.

***

Лирический поток
 Несётся между строк
 И надо бы успеть
 Понять. Пересмотреть.
 Подняться в полный рост,
 Стараясь не упасть
 И, укрывая рот,
 Перехитрить напасть.
 Теперь другая жизнь,
 Каков её закон?
 Сумеешь, удержишь.
 Минорен обертон.

***

От ворот – поворот.
 От души отворот.
 Как ждала письма,
 Не поймёшь сама.

А Он был – не был?
 Не поймёшь, чем жил.
 И любить хотел,
 Только не сумел.

Ох, лиха тоска,
 Не забыть никак.
 Виртуальна жизнь.
 Покачнёт – держись.

Конаково

Деревянных стен прохлада,
 Смоляной застывший сок.
 На полу рисует радость

Незаметный сквознячок.
Солнце полдень запрягает,
Высыхает ночи след,
В конаковском небе тает
Золотой кабриолет.

***

Здравствуй, мой маленький рай.
В солнечном мареве луг,
Душу мою принимай
В свой заколдованный круг.
Ты мой глоток тишины,
Пью твою ласковость, пью,
Ветви знакомой сосны
Тихую песню поют.
В пламени летней зари
Тает тоска-маята.
Всё наносное сгорит,
Стану пречисто-чиста.

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ

Морок

драматическая поэма

Действующие лица:

Василий – до войны студент (24 года).

Пётр – до войны бригадир в колхозе,
фронтовик, отец Василия, (50 лет).

Анна – до войны библиотекарь, мать Василия
(45 лет).

Алеся – соседка Василия, его невеста (22 года)

Матвей – до войны председатель колхоза,
партизан, отец Алеси (48 лет).

Зоя – до войны учительница, мать Алеси
(44 года).

Действие происходит в конце Великой Отече-
ственной войны в лесной деревне, на оккупиро-
ванной немцами территории

Первая картина

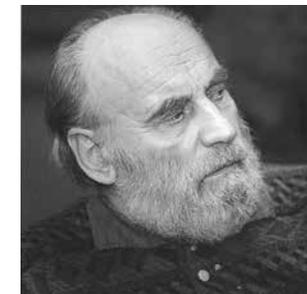
*(Просторная деревенская изба. Стол, скамьи,
в «красном углу» икона. Анна сидит, вяжет. Вре-
мя от времени слышен далёкий гул канонады...)*

Анна
(причитает)

Где мой Василь? Три года нет вестей:
Ни похоронки, ни письма оттуда...
Когда зарницы рвали небеса,
Сынок ушёл под страшный грохот грома!
Куда... Куда? Лишь ведаёт Господь
Всесильный и всевидящий... Печалью
Мне занавесил мокрые глаза...

(пауза, причитает, как по умершему)

Мозг полыхает: мысли, словно птицы,
От выстрелов взлетают в небеса
И мечутся, как раненые, в страхе
Над гнёздами, где малые птенцы,

Юрий Николае-
вич Богданов – родил-
ся в г. Горьком, окончил
музыкальное училище
им. М.И. Глинки (1964 г.),
Литературный инсти-
тут им. А.М. Горько-
го (1974 г.). Автор более
двадцати книг стихот-
ворений, в том числе «Га-
лактика души» (сонет-
ты), «Музыку небесную
я слышу», трёхтомного
собрания лирики («Солн-
цу хвала», «Всевышней
любовью», «Лунное зат-
мение»), «Капелью про-
клюнуты чувства», «По-
делись надеждой с врагом
своим», а также поэм –
«Ванька-встанька»,
«Пётр и Февронья», тра-
гедий «Джульетта», «Мо-
рок», «Из-под плитуса»,
«Проскурова лаж», «По-
следний круг» и других.
Секретарь Правления
Московской городской ор-
ганизации Союза писате-
лей России, Академик Пе-
тровской Академии наук
и искусств.

Живёт в Москве.

А смерть, как буря, носится над ними:
Вот-вот сметёт... Не в силах улететь...
И сердце разрывается на части...

(причитает, напевая)

По сегодняшней да тёмной ноченьке
Мне приснилось, бедной злосчастной,
Я со крутой горы будто спустилася,
Я ото сна скоро да пробудилася,
Зашло ко мне да красно солнышко,
Открываются да широки двери,
Во дверях вижу дитю сердечного,
Моё приехало да младо дитятко.
Я не помню тут, бедна злосчастливая,
Как вставала я да со постелюшки,
Как бросалася к нему да на белы руки,
Я не помню, как была радёхонька,
Я не помню, как была веселёхонька,
Сегодня светлее был всех да светлый денёчек,
Жарчей пекло да красно солнышко...

(входит соседка Зоя)

Зоя
(радостно)

Ты слышишь, Анна? Пятый день гремит:
Гроза идёт по всей, по всей округе,
Фашист бежит. И через день-другой,
Дай Бог, в селе встречать мы будем наших...

(возбуждённо ходит по избе)

Вчера под утро приходил Матвей –
Они готовят немчуре подарок
Такой, чтобы запомнили навек
Заветы наших непокорных предков!..
Ударят неожиданно им в тыл,
Чтоб не успели сжечь деревню нашу!
Ни тени страха нет у партизан:
Готовятся ребята, как на праздник!..
Всегда внушала я ученикам,
Что страх в борьбе с презренными врагами
Подобен смерти... Лучше пасть в бою,
Чем умирать мучительно от страха!

(подходит к окну, внимательно смотрит в ночную мглу, задумчиво)

Ну, что Василь? Нет вести от него?
Как в воду канул!? Ждёт его Алёся –
Выспрашивает... Будто знаю я
О нём такое, что она не знает...
Любовь слепа: перечить не могу –

Пусть женятся, когда войну закончим.
Но где же он? Матвей просил ребят,
При случае, узнать о нём хоть что-то...

Анна

Спасибо, Зоя, но пока... пока
Сама живу несбыточной надеждой:
И плачу, и страдаю день, и ночь,
Теряюсь в мыслях... Что могу я думать?

Зоя

(подходит к двери, собирается уходить)

Добьём фашистов – и конец войне:
Теперь уже недолго ждать осталось,
А там загадка Васиной судьбы
Развеется туманом над полями.
Крепись, не плачь, вернётся наш Василь:
Желания влюблённых не напрасны.

(Зоя выходит, Анна расстилает постель, гасит свечу; стук в дверь)

Анна
(в сторону)

Кого несёт нелёгкая ко мне
В полночный час и в эту непогоду?

(подходит к двери, взволнованно спрашивает)

Кто там?... Кто там?...

Мужской голос
(из-за двери)

Да это, мама, я...

Анна
(в полубморочном состоянии)

Васятка, сын! Сейчас, сейчас, открою!

(зажигает свечу, отодвигает засов, в комнату вваливается Василий в чёрной форме полиция, снимает фуражку и бросает её в угол, туда же ставит винтовку, с трудом проходит к столу, садится на скамью)

Василий
(с тяжёлым вздохом)

Ну, вот и всё... Захлопнулся капкан:
Голодным волком я блуждал по дебрям,
Чтобы от страха спрятаться в норе
И никогда не видеть в жизни солнца.

Анна
(возбуждённо)

О чём ты, мой сыночек, говоришь?
Ты – будто ворон в форме полица...
Зачем чужую шкуру нацепил?
Не убежишь: охотники подстрелят.

Василий
(неожиданно вскакивает, озирается по сторонам)

Смотрите, мама, ОН вошёл сюда,
Стоит у двери, душу поджидает,
И свастика клубком шипящих змей
По стенам брызжет смертоносным ядом!
Бежим, бежим, в лесу нас не найдёт...

(подбегает к Анне, хватая её за руку)

Анна
(успокаивая)

Да что ты, Вася, нет здесь никого:
Видать, твой мозг усталый воспалился...
Вот отдохнёшь с дороженьки чуток –
Закончатся болезненные страхи.
А завтра нас с тобой освободят:
Вот-вот войдут в село с победой наши!

Василий
(в отчаяньи)

Какие наши? Смерть моя войдёт!
Ой, мамочка, бежал я от огня,
Да в полымя попал по воле беса...

Анна
(усаживает Василия, успокаивает)

Всё расскажи: кручину не таи
В душе и сердце...
Что с тобой случилось?

Василий
(задумчиво, устало)

Мне в двух словах тебе не рассказать,
Как страх приходит и растёт под сердцем,
Потом, как льдом, заковывает мозг
И снегом запорашивает волю.
И ты никто!.. Ты просто белый лист:
Сомнут, сожгут и, что хотят, напишут.

Анна
(недовольно)

Сынок, уйми фантазии свои.
Поведай мне всё честно, без обмана.

Василий
(успокаиваясь)

Я ничего от вас не утаю:
Попали в окружение, а после
Всех командиров немец пострелял,
А рядовых загнал в смертельный лагерь.
Здесь в первый раз пришёл животный страх:
ОН поселился и в мозгу, и в теле...

Бежал... Догнали... Рвали на куски
Собачищи голодные, как волки...

(пауза, безвольно)

И снова лагерь!.. А потом... Потом...
Пришли они... Свободой поманили...
Чтоб выбрал: услуженье или смерть!
Тут СТРАХ восстал и взял меня за горло.
Как в преисподню, бросил с головой
В предательство...
Надеялся: с обманом
Я подружусь и к нашим убегу,
Но СТРАХ держал, как бешеного волка,
На выкованной немцами цепи...

Анна
(настороженно)

Но что потом?

Василий
(устало)

Пожары... И расстрелы
Всех неугодных...

Анна
(со страхом)

Васенька, проснись,
Твой жуткий сон меня саму пугает!
Стрелял и жёг детей и стариков?
Таких, как ты, судили партизаны:
Не пощадили бешеных собак:

Им – смерть за смерть...
И то, сыночек, мало.

Василий
(испуганно)

Смотрите, мама, ОН пришёл опять –
Сидит напротив, что-то тихо шепчет:

(вытягивает шею, прислушивается, слышит только Василий)

Голос Страха
(хриплый, насмешливый)

Беги, беги, Васятка, берегись;
Не убежишь – со мной тебя повесят!

(Василий, обращаясь к матери)

Ну, слышали, что Страх мне пропищал?

Анна
(подходит к Василию, обнимает его)

Тебе, сынок, не надо напрягаться,
Бери пожитки и пойдём в сарай
День переждёшь, а дальше будет видно.

(Василь надевает шинель, берёт винтовку, остальные пожитки, выходит вместе с Анной в сени, Анна возвращается, подходит к иконе, причиняет на грани плача)

О, Господи, проклятая война:
Смерть привела и отняла сыночка!
Как мне теперь смотреть в глаза людям,
Что делать, Боже, подскажи, помилуй!
Засудят Васю: смертную статью
Дадут ему... Не сможет оправдаться!
Прилипнет к нам позорное клеймо,
Которое не смоеся вовеки...

(осторожно входит Зоя)

Зоя

Что дверь открыта? Кто-то приходил?

Анна
(растерянно)

Да ты сама была совсем недавно...

Зоя
(поднимает в руке бумажный треугольник)

Танцуй, подруга, вот тебе письмо!

Анна
(остолбенела)

От Василя? Давай, давай, скорее.

Зоя
(протягивает конверт)

Нет, от Петра! Читай, Анюта, вслух:
Среди подруг не водятся секреты.
Из госпиталя в лагерь привезли...
Как фронт уйдёт, встречать ты будешь мужа...

Анна
(дрожащими руками разворачивает конверт, читает вслух)

«Анюта, здравствуй! В госпитале я:
Разбило грудь и ногу повредило,
Но не вчера, считай – уже давно.
Могу писать, хотя ещё коряво.
Родился я в рубашке – знаешь ты, –
Рассказывать о ранах я не буду:
Сама увидишь!
Значит, жив, здоров,
Всех обнимаю и до скорой встречи».

(Анна складывает письмо)

Спасибо, Зоя, весточка Петра
Мне, как лекарство, от тоски зелёной...
На место встанет квёлая душа,
Когда о Васе что-нибудь узнаю.

Зоя
(обнимает Анну)

Всё утрясётся... Мужнее плечо
Окажется надёжною опорой.
Потом, глядишь, придёт и мой зятёк
Жизнь потечёт по-новому, подруга...

(Зоя выходит, Анна опять собирается ложиться спать, вдруг входит Василий с толстой верёвкой в руках, озирается, говорит быстро, испуганно)

Василий

Опять, опять СТРАХ гонится за мной,
И день, и ночь следит за каждым шагом:

Соседкой обернулся – в дом ползёт,
И волком воет тёмными ночами...

(понемногу успокаивается, фантазирует)

Бежим отсюда. Там, в глуши лесной
Когда-то в детстве выкопал землянку,
Где прятался от вас и от людей,
И жил мечтами о такой свободе,
Которая не снилась никому!..
Друзьями были мне луна и солнце,
Зверьё, деревья, воздух, муравьи...
И до сих пор мне это счастье снится.

(нервно крутит в руках верёвку, машинально завязывает петлю, начинает всхлипывать)

Ты помнишь Зорьку? На продажу вёл
Её на этой, мамочка, верёвке...
И плакала корова, как дитя,
Текли слезинки по мохнатой морде.
Я сам рыдал, на шее тёплой вис
И развязать пытался эту петлю...

(Пауза, Василь тяжело вздыхает, проверяет верёвку на разрыв)

Верёвочка... Она ещё крепка:
В лесу и мне для дела пригодится...

Анна
(озабоченно)

Ты и сейчас живёшь, как в жутком сне,
Страх не даёт признаться в преступленьи
И голову повинную склонить!
Отбудешь срок...

Василий

А если расстреляют?

Анна

На Божий суд, сыночек, положишься!

Василий

Я не хочу! Будь, проклят этот мир!..
Бежим, бежим отсюда на край света!

(вскакивает, оглядывается по сторонам, убегает)

Вторая картина

(та же изба Анны и Петра, Анна хлопочет у печи, Пётр ходит, прихрамывая, по избе – видно, что нервничает)

Пётр
(возмущённо)

Три месяца скрывала от меня,
Что Васька жив!..

Анна
(с испугом)

Тебя, тебя, боялась:
Со злости можешь сына и убить!

Пётр
(зло)

Иначе как? Собаке – смерть собачья!
Своих людей, мерзавец, убивал...

Анна
(со стоном)

Да нет, Петро, служил Василь в охране!

Пётр
(резко)

Военнопленных наших охранял
Или бабулей с внуками в сарае,
Который хладнокровно поджигал?
Пускай суду расскажет эти сказки...
Как чёрный ворон, – слово «полицай»:
Такое же, как форма полицаев...

Анна
(покорно)
Я вижу, ты сыночка не простишь...
Убьёшь, предашь?

Пётр
(задумчиво)

Пока ещё не знаю!..
Не я, голубка, сына предаю,
А он, скотина, предал всё святое!..

(пауза)

Алеся знает?

Анна
(покорно)

Знает обо всём!

Пётр
(насмешливо)

На Колыму отправятся в обнимку?
(стук в дверь, входит Алеся)

Алеся
(учтиво, настороженно)

Вам, здравствуйте... Шла мимо и зашла!

Пётр
(ёрничая)

Ну что? Явилась и – не запылилась
Невестушка... Ответь, как там Василь?
Ночным зверьком всё мечется по лесу
Или от света прячется в норе?

(Алеся потрясена, пауза)

Анна

Не бойся, дочка, расскажи подробно,
Где видишься ты с нашим Васильком.

Алеся

Да, приношу харчи я на неделю,
Прошу его с повинною прийти:
Но страх живёт в его душе и теле.

Пётр

А что Матвей и Зоя говорят?

Алеся

Никто-никто о Васеньке не знает.

Пётр

Ну, хорошо ...
Как дальше поступать?

Алеся

Уговорить я Васеньку попытаюсь
Прийти с повинной...
Может быть, простят?!

Пётр
(насмешливо)

Попытка, дорогушенька, – не пытка!

Алеся

Но Вася никого не убивал!

Пётр
(уверенно)

Изменники клянутся всем от страха,
Что якобы стояли в стороне,
Когда фашисты жгли и убивали...
А что в то время делали они?
Над пеплом поднимались чёрной стаей?
Не видели, не слышали, как мать
Проклятья шлёт, прикрыв собой дитятко!?

Алеся
(с ужасом)

Нет-нет! Нет-нет!
Другие... Но не он!

Пётр

Да с этим нам придётся разбираться...
Петлял от смерти: к ней и прибежал!
Что скажет ей? И что она ответит?

Алеся

Надеюсь, я его уговорю!

Пётр

Тебе зачем? Не будет в жизни счастья!

Алеся
(подходит к двери, открывает её и почти кричит с порога)

Меня он любит! Я его люблю!

(Алеся выбегает, Пётр и Анна остаются вдвоём)

Анна
(причитая)

Ох, Петенька, сердечко не на месте:
Не удалось сыночка в дом вернуть...
Он смотрит сумасшедшими глазами
Куда-то вдаль! Что видит в темноте?!
Там призрак страха петлю надевает
Ему на шею: плачет, как дитя,
И ничего от слёз сказать не может...

Пётр
(строго)

Мать, успокойся, нашей нет вины
В том, что Василь сошёл с ума от страха!
Учтёт ли факт военный трибунал?
Дадут сынку заслуженную «вышку»...

(Анна всхлипывает, стук в дверь, входит Матвей)

Матвей

Ну, здравствуйте, соседи; почему
К нам не зайдёте в гости на часочек?..
Давно не говорили по душам,
А срочных дел в деревне накопилось!

(садится за стол, спрашивает, как бы, между прочим)

Что с Василём?

Анна
(со вздохом)

Покуда нет вестей.

Пётр
(переводит разговор на другую тему)

Ты расскажи нам, что вокруг творится?
Какую помощь можем оказать
Тебе и разорённому колхозу?

Матвей

Петро, сам знаешь: нету мужиков!
Кому поднять разбитую махину?
Таких, как мы, по пальцам сосчитать –
Ненужных фронту дохлых инвалидов.

Пётр

Да я готов в помощники идти.
Как до войны, работать будем вместе.

Матвей

Ну, а пока... И здесь идёт война!
Пришёл к тебе за дружеским советом,
Да и не только..
Немец отходил –
Отряд от них спасал деревню нашу...

(пауза)

... И вот тогда ударили им в тыл:
Что крысы разбежались по округе..
Мне кажется, не выловили всех:
Особо полицаев, что из местных!
Скитаться долго могут по лесам,
А родственнички их собой прикроют!..
Задача наша: выловить зверё
И наказать по строгости закона...

(пауза)

А ты, Петро, как старый фронтовик,
И, как пять пальцев знающий округу,
Возглавишь группу, дам тебе ребят,
Которые лес брюхом изучили!..

(подходит к двери, собирается уходить)

Из города приеду и начнём
От мрази на земле освобождаться.
Пусть знают, что сегодня наступил
Для прихвостней суровый час расплаты.

(Матвей уходит)

Пётр
(озабоченно)

Вот видишь, Аня, чёрная судьба
Ждёт Василя от рук отца родного!

Анна

Отца и мать послушает сынок:
Уговорим прийти к властям с повинной –
Пойдём вдвоём...

Пётр

Нет! Я пойду один

Поговорю с Васяткой по-мужицки!
А если что?.. На месте удавлю

(протягивает вперёд руки)

Гадёныша вот этими руками!

(уходит, сердито хлопая дверью, Анна остаётся)

Анна

(причитает, как по умершему)

Как я думаю-подумаю
Про своего да сына милого,
Покатится с плеч головушка,
Призамрёт да ретиво сердце.
Не привёл да мене Господи
Больше видеть сына милого.
Кончил жизнь да моё дитяtko.
Не придёт ко мне, горюхе матушке...

.....
Теперь знаю, да горька-бедная,
Мене ждать его не дожидатися,
Его кликать да не докликатися.
Не придёт да моё дитяtko,
Не придёт да моё милое,
Не расскажет моё дитяtko,
Как пришла да боль великая
К моему да сыну милому.
Ты прощай, да моё дитяtko,
Ты прощай, да моё милое,
Не видать тебя, не видывать,
Ничего боле не слыхивать.

Третья картина

(Глухая чаща леса, Василий в телогрейке сидит возле землянки, вдали слышен волчий вой)

Василий

(отстранённо, про себя)

И днём и ночью вой стоит в душе:
Мой страх растёт и мысли разрывает
На мелкие кусочки... Пустота
Заполнила мозги мои и тело.
Она – мне мать, а страх – родной отец:
Других не знаю, прошлого не помню...
Здесь я живу одним тревожным днём,
Одной минутой, может быть, секундой!

Пусть воеет страх, чего бояться мне,
Когда у трупа нет мозгов и тела?!

(встаёт, задумчиво)

Из детства ветерок приносит мать,
Из юности – весёлую Алесю:
И призраки мне что-то говорят
О вере, долге... и ещё о чём-то...

(вновь садится на прежнее место, из кустов появляется волчья морда)

Опять пришёл единственный мой друг
Чем я могу с тобою поделиться?
Куском свинины? Сам я, как свинья,
Которая своё свиное рыло
Не может от корыта оторвать
И глянуть на мерцающие звёзды,
Как пуговицы на шинели неба,
Такой же чёрной, как моя шинель...

(кто-то продирается сквозь кусты, Василий вскакивает, хватая винтовку, прячется, появляется Пётр, смотрит вокруг, никого не видит, недалеко волчий вой)

Пётр

(в сторону)

Вот логово, добрался, наконец:
И днём с огнём лукавый не отыщет...
И сам хозяин голос подаёт!

(из кустов появляется Василий, винтовка выпадает из рук, бросается к отцу, пытается обнять)

Василий

Отец! Отец! Меня ты презираешь,
Но я хочу тебе всё объяснить...

Пётр

(резко отталкивает Василия, достаёт наган, взводит курок).

Ты мне не сын! А бешеный волчонок
Обязан сам тебя я пристрелить,
Чтобы семью избавить от позора...

(Василий падает на колени, пытается обнять сапоги Петра, тот ногой отталкивает Василия)

Василий

(в истерике катается по земле)

Отец, сдаюсь на милость я властям –
Клянусь тебе...

Пётр

Твои пустые клятвы!
Тебя просили страх перешагнуть
Алеся!.. Мать! Но вижу – страх сильнее...
Даю три дня, а если не придёшь –
Тебя затравят, как шального волка...

(снова слышен волчий вой)

Да вот и он – испытанный дружок –
Который тайну никому не выдаст...

(Пётр резко поворачивается и исчезает в чаще леса, Василий тяжело встаёт, садится на прежнее место, появляется волк, садится рядом с ним)

Василий

(обращаясь к волку)

Сон? И не сон!? Кто это приходил?
Отец... Отец ли? Может, призрак СТРАХА?
Опять пугает... Сделаю петлю
И задушу, как злобную собаку...

(идёт в землянку, выносит толстую верёвку, делает петлю)

Пусть ещё раз попробует прийти:
Ему устрою царственную встречу –
В один момент мерзавца порешу!

(тихо потрескивают ветки, слышно, что опять кто-то идёт, Василий вскакивает, озирается, срывающимся голосом)

Она! Она! Крадётся смерть за мной,
Страх на меня опять её наводит:
На этот раз уже не промахнусь...

(хватает винтовку, передёргивает затвор, появляется Алеся)

Алеся

(испуганно)

Спокойно, Вася, это я – Алеся!

Василий

Ты – смерть моя: исчезни с глаз моих,
А то тебя навеки успокою!..

(поднимает винтовку на Алеся)

Алеся

Ты что, Василь, совсем с ума сошёл?

Василий

Ко всем чертям сошёл во ад я с вами!

Алеся

От голода твой помутился мозг:
Иди, поешь, и мирно всё обсудим...

(Василий немного успокаивается, Алеся подходит к землянке, оба садятся, Алеся ставит на колени корзинку, достаёт съестное, приговаривая)

Вот сальце, хлеб, десяточек яиц...
Передаю привет тебе от мамы...
Жива, здорова вся твоя родня:
Чего от сердца и тебе желает...

Василий

(в сторону)

Недаром взялись бесы за меня:
Хотят обманом выманить из леса,
Потом убить на радость сатане,
Но я прознал их замысел коварный...

Алеся

(озабоченно)

Отец мой снова сколотил отряд,
А твоему – поручено возглавить!..
Пройдут, Василий, цепью по лесам
И выловят всех бывших полицаев.

Василий

(злобно)

Опять пугаешь? Смерти я боюсь,
Но ты сама, как смерть, ко мне приходишь!
Куда бежать?

Алеся

(уверенно)

Зачем тебе бежать?
Приди с повинной! Сколько говорила!
Искупишь не прощённую вину
И станем жить, как многие, по-людски...

Василий

(с сомнением)

Ты, думаешь, они меня простят?

Другие – очернят себе во благо:
Изменники, как стая воронья,
Забьют «своих»...

Алеся
(убеждая)

Но «этих» ты не бойся:
В судах им верят только дураки...

Василий
(насмешливо)

А там их нет? Я очень сомневаюсь!

Алеся
(категорично)

Мне надоело страх твой убеждать!
Не человек, а половая тряпка...
(собирает вещи, хочет уходить)

Василий
(смирненно)

Ты говорила: надо обсудить!

Алеся
(сердито)

Что обсуждать, когда твой страх сильнее
Не можешь ты – сама я всё решу:
Да! Ради нас...

Василий
(в исступлении хватает винтовку)

Предашь меня злодеям?

Алеся
(сурово)

Нет, не предам! Сюда я приведу
Забытую тобою справедливость...

(поворачивается спиной к Василию, собирается уходить, делает несколько шагов к лесу, Василий вскидывает винтовку и стреляет ей в спину, Алеся падает, Василий подбегает к Алеся, становится на колени, она ранена)

Василий

Что я наделал?..

Алеся
(шепчет, умирая)

Ты меня убил...

Василий
(встаёт, отступает, с ужасом всматривается в лицо мёртвой Алеся, бормочет)

Нет, не она...
А призрак чёрной смерти
Пришёл ко мне. Его я застрелил:
Теперь свободен...

(уносит труп Алеся в лес, возвращается, в истерике хохочет)

Я не сдамся им:
Навек от СТРАХА спрячусь в преисподней!
Меня сокроет чёрная шинель –
Усну... Усну... И солнца мне не надо!..

(Затемнение. Светает, сидит Василий, рядом волк)

Ну, что, дружок, опять с тобой одни
И ты меня как будто понимаешь:
Смотрю в твои разумные глаза –
Не вижу в них я злобы человечьей...

(слышно, что кто-то приближается к землянке, Василий прячется, волк убегает, на поляну выходит Пётр, из леса появляется Василий.)

Василий
(в сторону)

А-а! Вот и СТРАХ опять ко мне пришёл –
Терзать мою измученную душу...
А, если и его мне застрелить,
Никто в селе об этом не узнает...

Пётр
(с нажимом)

Что, чёртов трус? Поклялся – и затих?!
Надеешься остаток гнусной жизни
Здесь провести?..
Не долгий, Васька, век:
Застрелят враз, как бешеного волка...

(из кустов появляется волк, Пётр от неожиданности вздрагивает,

выхватывает наган и несколько раз стреляет в волка, Василий вскидывает винтовку и стреляет в отца, тот падает замертво, Василий подходит к Петру, наклоняется, смотрит пристально)

Василий
(в сторону)

Ну, вот и всё...
СТРАХ сделал петлю мне,
Но я его прикончил, как собаку!

(в лесу слышны голоса людей, которые приближаются к землянке, Василий бросает винтовку, заходит в землянку, выходит с верёвкой в руках, и скрывается в лесу, звучит причитание Анны вначале громко, потом всё тише, тише, постепенно удаляясь).

Зарастут твои следочки
Да травами-то шёлковыми,
Да цветами лазурьевыми.
Как по зиме да холодной
Уж занесёт твои следочки
Да снегами пушистыми,
Да настами глубокими...

Конец

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯКУШЕВ

Владимир Викторович Якушев – окончил Чердын-ский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 г. – председатель Пермской краевой организации Союза писателей России. Живёт в Перми.

«Не забывайте о нас!..»

***

Давно забыл я смысл начала,
Иного в жизни не обрёл.
Паром от тёмного причала,
Как грузчик налегке, пошёл.

А я смотрю тяжёлым оком
И всё стою, как неродной...
Пройдусь сейчас я Сладким логом,
Как будто я иду домой.

А с Камы дует вольный ветер,
Он задувает сердце мне!
Спасибо, друг, за то, что встретил
Меня в родимой стороне.

Там – дом стоит моей знакомой;
Там – кто-то помнит, но не ждёт.
Здесь – о любви, простой и скромной,
Мне всё известно наперёд.

Я посмотрю
в одно из окон,
Для ваших чувств
давно чужой!
Пройдусь сейчас я
Сладким логом,
Представив, что
иду домой.

Паром от тёмного причала
Я с лёгким сердцем проводил.
Я всё могу
начать сначала!
Теперь –
насколько
хватит
сил...

Осенний призыв

Не говорите, слова не помогут –
Это похоже на грусть.
Я находился по Сладкому логу,
Я посмотрелся на Тюсь.

Снова в России осенняя каша,
Я уезжаю от вас.
Это не осень, а родина наша,
Наша судьба – как приказ.

Кто-то уже по дорогам Вьетнама
Пыль выбивал сапогом,
Кто-то песком подавился Афгана,
С мины ныряя ничком.

Грустно девчонке моей на гулянке...
Мама, поплачь от души!
Завтра обнимут, вздохнут спозаранку:
«Не забывай нас, пиши».

Мы вам ответно прощально помашем:
«Не забывайте о нас!»
Это не осень, а родина наша
Нас провожает сейчас.

Ждите, родные, уходим в дорогу,
Чтобы вернуться на Русь
По тротуару, по Сладкому логу
К речке с названием Тюсь.

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в г. Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

«Любовь и труд – исток чудес!..»

В изоляции от коронавируса в Горках

Царит в стране коронавирус,
Загнал народ весь по углам,
И я в Москве, конечно, – минус,
Исчез на радость докторам.
Удрал на дачу в гости к сыну,
В посёлок Горки, где окрест
Напоминает мне картину
И красоту швейцарских мест.

Здесь весь ландшафт – сплошные горки,
Для слаломистов – рай, уют,
Зимой с утра до поздней зорьки
По склонам целый день снуют.
И лыжных баз здесь всем хватает:
«Клуб Тягачёва», «Яхрома»,
«Волен» и «Сорочаны» знает
Любой, кто к лыжам – без ума!

Вот и семейство Алексея:
Он сам, сын – Ваня, Лада – мать,
Сроднившись с базами со всеми,
Решили дачу здесь создать.
Но и на дачном здесь причале,
Вблизи от станции «Турист»,
Всё ж заточеньем омрачает
Коронавирус, как фашист.

И нас невольно здесь тревожит
Итог с ним схваток день за днём,
А так как смерть он всюду множит,
Весь мир врага увидел в нём.
И верим – этот враг планеты
Заставит силы стран сплотить,
Ведь выбора другого нету –
Его лишь скопом победить!

Он, как все Атомы, Ракеты,
Что гибелью пугают мир,
Такой же страшный Враг планеты –
Меч Сатаны в кровавый пир!
И, видя страх народов, верим,
Что это и для тех урок,
Кто, злее вируса и зверя,
Нам Ад земной готовят впрок.

Но в изоляции мы всё же
Творим лишь мирные дела.
Все, каждый делает, что может,
Добра поклонники, не зла.
Сильнее всех загружен Ваня:
Уроки, музыка, язык –
Английский, айкидо – всё тянет!
Вне школы покорять привык.

Отец не отстаёт от Вани:
Взят бизнес фирмы под контроль,
И языка два иностранных,
Как гуж, коль дюж – тянуть изволь.
Всё исполняется дотошно,
Без назидания извне,
И, в изоляции, что можно,
На просьбы все – отказа нет!

И Лада держит под контролем
Коттедж, участок, быт семьи,
Нас, мужиков, на шее трое,
И муки творчества свои.
Один лишь я почти бездельник,
По силам лишь костёр разжечь,
Посуду – подвиг не смертельный, –
Помыть и, не разбив, сберечь.

Так что все трудимся, как можем,
Порой гуляем по селу,
Запас иммунитета множим

И колим силы ремеслу.
Жаль только, не везёт с погодой:
То снег, то дождь, то ветер злой,
Порою тучка следом бродит,
И вдруг – как душ – до пят водой...

Мы на прогулках не скучаем,
Свой развиваем интеллект,
Слов многозначность изучаем,
Которым в русском – счёту нет.
Мне как поэту молвить стыдно,
Не помогает «Мемантин»,
К словам знакомым, что обидно,
Порой синоним – не найти.

Мозги склероз туманил годы,
Не растуманить – плачь не плачь –
Неодолим закон природы,
И беспощаден, как палач!
В ударе: Ваня, папа с мамой.
Им все загадки по плечу,
Любой по словарю экзамен,
Я ж, больше слушаю, – молчу.

По нужной технике, мангалу –
Всему, что должен знать мужик,
Здесь конкурентов Лёше – мало,
Чем он хвалиться не привык.
Достойно тянет свою ношу,
С людьми контактен, весел, прост,
И обо всём его хорошем
Я горд всегда озвучить тост.
Невестку знал лишь мимоходом,
По встречам в праздничные дни.
И вот, словно Судьбе угодно,
Корона-вирус породил.

Исток чудес

Ладе Щербаковой

Стройна, красива, деловита,
Во всём умеренно строга,
Бывает вежливо-сердита,
Но не спешит нажать врага!
К делам и бытовым заботам,
К решению любых проблем

Всегда готова и свободна –
 Нет для неё неясных тем.
 В семье: любовь и дисциплина,
 Но не суровый домострой:
 Характер дочки, мужа, сына –
 Ко всем – подход особый свой!
 Все озадачены решением
 Доступных каждому задач,
 Но не ценой изнеможенья –
 Разумным поиском удач.
 Глава семьи – творец прогресса,
 А Лада – муза, крепкий тыл,
 Запал – к победам интереса,
 И стимул, чтоб он их творил!
 Творец и муза – сплав успеха!
 Любовь и труд – исток чудес!
 Им – все невзгоды не помеха,
 В итоге друг семьи – прогресс!

На свою стезю!

Ладе Щербаковой

Не всем подарком достаётся,
 Судьбой отмеренной, стезя,
 Нередко человек к ней рвётся
 Через гнетущее – нельзя!
 Душою в творчестве, в науке,
 В решении больших задач,
 Когда, как якорь, быта муки
 Сковали путь к мечте, хоть плачь!
 Но всё же есть всегда дорожка
 К тому, что хочется создать:
 Проблемы потеснить немножко,
 И всё, чем гредишь, показать.
 И пусть не всё, что в твоих силах,
 Дано тебе всерьёз тряхнуть,
 Исполнить, как судьба гласила,
 Шагнув на свой заветный путь.
 Но знай, что даже что осилишь,
 Сумев Судьбе в глаза взглянуть,
 И груз, что ждал, лишь с места сдвинешь,
 Гордись – нашла свой верный путь!

Я рад пожить в семействе дружном,
 Но не могу обузой быть,
 Стремлюсь справляться с тем, что нужно,
 И гостем лишь желанным быть.

Да! Я не сахар, это знаю,
 Быть хамелеоном – не хочу!
 За счастье – счастьем отвечаю,
 А за добро – добром плачу!

Факт изоляции с родными,
 Конечно, легче пережить,
 Но всё же даже вместе с ними
 Плен нелегко переносить.
 И ждать, когда уйдёт угроза –
 И эпидемии конец,
 И перестанут литься слёзы
 По жертвам близких нам сердец.

Рассказы

Чертовская красота

Решаться на пластическую операцию Кори- не не приходилось – давно к ней готова. Красави- цей она никогда не была, но из-за этого не очень переживала. Собственно, для чего девушке нужна хорошая внешность? Чтобы выйти замуж. А у Ко- рины с её папой и, главным образом, занимаемым им положением, никаких проблем с женихами не было. Скорее, была проблема с их обилием: при- ходилось делать выбор, а он, как у гоголевской не- весты, был непростым. И хотя непростой, но был, в конце концов, не без помощи родителей сделан, поэтому вопрос внешности на какое-то время пе- рестал волновать вовсе. А когда волновать начал вновь, то возможности и отца, и устроенного им на тёплое местечко мужа позволяли приобретать косметику, туалеты, с помощью которых недо- статки скрывались или приукрашивались.

В семейной жизни Корины манипуляции с облагораживанием внешности никакой роли не играли вообще. Муж первые годы семейной жизни ещё как-то пытался изображать любовный пыл, страсть, но со временем притворяться перестал, выполнял функции супруга именно как обязан- ности, с каждым годом для него всё более обременительные, не отказываясь от них совсем только потому, что положение своё, дававшее ему силу и влияние, ценимые его многочисленными пассия- ми, имел лишь благодаря тестю, понимал это и вёл себя подобающе.

Об увлечениях мужа Корины догадывалась, но его ухода из семьи не боялась: как часто бывает с бабниками, муж не привязывался к своим увлече- ниям, а статус семейного человека освобождает от обязательств на стороне и даёт возможность ме- нять барышень по мере надоедания предыдущей и увлечением последующей.

Попросту, когда муж под различными предло- гами как-то в течение месяца уклонялся от связи с ней, Корины устроила скандал, пригрозив, что не

Екатерина Фёдоров- на Глушик – родилась в Ижевске, окончила фило- логический факультет Удмуртского государ- ственного университета, работала учителем рус- ского языка и литерату- ры в школах родного го- рода и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за кни- гу рассказов «Простые разговоры». Лауреат пре- мии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толсто- го, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

только заведёт себе любовника, но сделает это достоянием общественности, чтобы супруг пребывал в статусе рогносца.

– Да кто на тебя позарится?! – впервые за время их супружества муж в пылу перебранки сорвался на оскорбление.

– А я с грузчиком тебе изменю, и ты будешь носить не просто рога, а рога статусные. Или тебе это будет наоборот приятно, что ты лучше того, с кем тебе изменяют?

После того разговора крепко задумались оба. Муж стал регулярно, по рас- писанию, раз в две недели исполнять супружеские обязанности, а Корины с остервенением набросилась на модные журналы, зачастила в косметические салоны, в магазины, надеясь изменить отношение супруга к её внешности. «Пусть увидит и ахнет! Пожалеет о тех словах!» Муж действительно сто раз пожалел, но по совсем другим причинам. И в буквальном смысле расплачи- вался за свои слова.

Первым, кто вслух выразил отношение к стремительно меняющейся внешности Корины Георгиевны, был водитель мужа. Свой первый компли- мент молодящейся изо всех сил шефине он сделал довольно робко, сдержан- но. Но был подбодрён и поощрительной улыбкой, и игривым ответом: «Ну что ты! Какое там хорошо выгляжу! Всю ночь не спала, так как баба Яга какая- нибудь, наверное, сейчас».

Водитель, несмотря на молодость, уже знал, что такие слова женщины говорят только в случае, если уверены, что ответом им будет рьяный протест против таких оговоров на себя. Мол, как баба Яга? Что вы говорите? Вы – кра- савица. И Корины Георгиевна услышала именно то, что хотела. Осмелевший водитель стал буквально купать шефиню в похвалах и комплиментах. От его взгляда не ускользала ни одна деталь туалета, ни один тон помады, и Корины, считавшая его раньше деревенским увальнем, изменила своё мнение и на- шла, что у парня хороший вкус. Именно за хороший вкус он и получил над- бавку к зарплате, буквально вытребованную Кориной у мужа.

А потом похвалы и восторги посыпались ото всех: и муж стал отмечать изменения во внешности, и его сотрудники, и знакомые. Правда, муж замечал это так: «И сколько это мне стоило?» Не слыхавшая такого количества ком- плиментов даже в молодости, Корины заключила, что она, как дорогое вино, с годами становится лучше, изысканней.

Однако, возможности косметологии не безграничны. И предел совершен- ству на лице у Корины все-таки наступил. Косметологиня, хорошо поживив- шаяся на щедрой «оптовой» пациентке продажей дорогих кремов, скрабов, курсов массажей, вздохнув, предложила сделать пластическую операцию. Корины Георгиевна, подсевшая на комплименты и постоянно нуждавшаяся в них, согласилась сразу. Удивившись только тому, что сама раньше не додума- лась до такого решения. Ведь можно и нужно не только разгладить морщины, но изменить форму носа, убрать жир с живота и бёдер, увеличить грудь.

Косметологиня, с которой Корины взялась набросать список необходимых улучшений внешности, с трудом скрывала ликование: благодарность пласти- ческого хирурга, к которому она направляла свою пациентку, будет действи- тельно большой и совершенно конкретной – 10% от стоимости всех процедур.

Муж, извещённый о планах и намерениях, поначалу выругался относи- тельно «бешения с жиру». Потом понял, что на всё время этих длительных болезненных операций он будет освобождён от супружеских обязанностей, ставших ему совершенно невыносимыми, и согласился.

Сын и дочь, жившие самостоятельно, были категоричны:

– Лучше бы с внуками водилась. Кого ты хочешь привлекать и очаровывать своими обновлёнными чертами и формами? Ты же не эстрадная актриса! Зачем тебе это? Нам ты и с морщинками, и с жиринками нравишься. Для кого ты стараешься?

– Для себя! Я хочу нравиться прежде всего себе! – лукавила мама и бабушка.

Операции следовали одна за другой. Поначалу домашние на вопросы знакомых, где Корина, отвечали «в больнице».

После первой подтяжки, прошедшей очень удачно, вышедшая из клиники и прошедшая полный курс реабилитации Корина, чрезвычайно себе понравившаяся, услышала от соседки:

– Кориночка, что с вами случилось? Вы так тяжело болели, что пролежали столько времени в больнице? Очень изменились. Не пойму: вроде бы похорошели. Но разве болезнь красит?

Своё омоложение Корина всем объясняла тем, что в больнице её лечили гормонами, которые и дали такой омолаживающий эффект.

Следующие свои уходы на череду операций она наказала объяснять отъездом в санаторий. После каждого «санатория» выглядела лучше и лучше, с упоением говорила о потрясающем регенерирующем эффекте зоревых (т.е. на зорьке) ванн из кобыльего молока, о невероятном разглаживающем эффекте семенной массы дождевых червей и всего, что в голову придёт. Её собственные фантазии, многократно повторённые, убедили уже и её саму, она бы и сама во всё рассказываемое поверила, но жесточайшие ограничения послеоперационного периода всё-таки свидетельствовали о том, что дождевые черви тут ни при чём: долгое время нельзя было не только смеяться, но и улыбаться, силиконовые имплантаты не позволяли летать на самолётах, были и другие неудобства. Но всё это ничто в сравнении с тем удовольствием, которое испытывала она, когда не столь пристально смотрела на себя в зеркало. При внимательном разглядывании были заметны и швы, и неестественность мимики. А при беглом – красота! И не просто красота, а чертовски красивой стала Корина. Ей именно так и говорили окружающие: «Вы чертовски красивы».

Правда, такое кардинальное изменение внешности на супружеские отношения повлияло обратно тому, как задумывалось: муж не просто категорически отказался от исполнения своих прямых обязанностей, но и спать стал в другой комнате, заявив, что чувствует себя как с забальзамированным покойником. А когда Корина вышла из клиники с обновлённой грудью и игриво, застигнув мужа врасплох, расстегнула халатик и прижалась к супругу, он даже вскрикнул, отпрянул и брезгливо сморщился:

– Что у тебя там булькает? Как к лягушке прикоснулся.

Обновлённая, похорошевшая, как ей казалось, Корина с улучшенными формами стала мужу отвратительна, чего он не был в силах даже скрывать. Он больше не боялся развода, давить на него у Корины не было ресурсов, они кончились со смертью отца, дети отдалились от матери и при разводе приняли бы сторону отца. Корина почувствовала отчуждение близких и одиночество.

Насмотревшись сериалов, начитавшись бульварных романов, она решила завести интрижку, чтобы в том числе почувствовать действие своих дорогостоящих чар. Ничего нового в этой области не придумав, она поехала

интриговать на юг. Ей в поездку пытались навязать внучку. Но бабушка категорически отказалась взять девочку именно потому, что та называла её «бабушка». Это никуда не годилось, не входило в планы молодящейся начинающей интриганки, и девочка осталась дома.

Остановившись в дорогой гостинице, она в первый же день познакомилась на пляже с молодым парнем, оценившим все её благоприобретённые достоинства и принявшим за свою ровесницу. Так и сказал: «Мы с вами в одном институте на параллельных курсах, кажется, учились». Корина рассмеялась. Она, конечно, не стала вдаваться в детали, что у неё сын старше набивающегося в сокурники юноши, а тем более старшая дочь. Вопрос о возрасте так и остался для парня тайной, и он обращался к Корине на «ты», а потом, после сближения, стал называть её «моя маленькая несмышлёная девочка». Ей и муж таких слов никогда не говорил, даже когда она действительно была молоденькой девчонкой. Она млела, дурачилась с парнем, чувствуя себя настоящему юной.

Встретились они очень удачно для Павла: у него как раз украли кошелёк, где были и кредитки, ему нечем было платить за гостиницу, не на что жить. Перевод должен был прийти со дня на день, но пока положение было нелёгким.

Еле удалось уговорить Пашулю пожить пока у неё в люксе, ходить за её счёт по ресторанам. А уж когда она предложила купить ему в дорогом магазине понравившиеся вещи, то он просто оскорбился: за кого ты меня принимаешь? Даже произошла размолвка на этой почве. Правда, серьёзной ссоры удалось избежать, когда договорились, что все деньги, потраченные на него, Павел вернёт по получении перевода. А ещё Корина обещала принять и дорогой подарок в знак благодарности, как только перевод будет получен. Он – не альфонс и не человек, нуждающийся в средствах. Он, хотя и так молод, но уже – руководитель крупной фирмы с филиалами во многих городах.

Но за день до отъезда Корины Павлу позвонили с фирмы и сказали, что произошло недоразумение с переводом денег, они вернулись назад, и его мама, узнав об этом, решила, что сын бедствует, живёт на вокзале, расстроилась и слегла в больницу с приступом. Положение очень тяжёлое. Получив такое известие, Павел заметался: нужно срочно лететь, а денег нет!

Корина предложила ему свою помощь, которую он с колебаниями всё-таки принял – положение было безвыходным, и кроме Корины, у него никого здесь не было. «У меня никого нет, кроме тебя», – говорил он ей, нежно целуя, и женщина думала, какой это нежный и любящий сын, не сравнить с её собственным, который едва ли пришёл бы в такое отчаяние, если бы узнал, что она занемогла.

Успокаивала возлюбленного, как умела: деньги – не самое главное в жизни. Если он так настаивает (а он, конечно, настаивал), то отдаст долг, когда приедет в Москву, где часто бывает по делам фирмы. И вообще, она сама может приехать в его город. Конечно, они будут и впредь встречаться, но сделать это нужно максимально тайно – у неё семья.

Звонка от Павла пришлось ждать недолго. Вернувшись в Москву совершенно уверенной в неотразимости пластических чар, Корина заскучала было по своему молодому другу, как он позвонил буквально на третий день. «Какой обязательный человек, – подумала она. – Мама, может, ещё в больнице, а он летит в Москву отдавать долги. Или не только за этим?» Ей хотелось думать именно так, и она еле остановила его порыв явиться прямо к ней домой. «Легкомысленный бесшабашный мальчишка», – думала она, идя с ним на встречу,

назначенную им в гостинице средней руки. Корине льстило его желание не-медленно увидеться с ней, и не на улице, а в интимной обстановке. Павел, вопреки ожиданию, деньги не только не отдал, но и попросил ещё, сославшись на вновь открывшиеся обстоятельства. Корина дала бы. Но она не захватила с собой. И по кредитке она сейчас ничего не может взять – муж заблокировал счёт. Но успокоила любовника: он – деловой человек, московские партнёры его непременно выручат.

Раздражённый Павел вдруг достал фотографии, где они были с Кориной в самых недвусмысленных обстоятельствах, и заявил, что если она не выложит 20 тысяч долларов, то он передаст снимки мужу, и тот едва ли упустит возможность, едва ли не воспользуется этим как шансом развестись и избавиться от старой коровы, на которой швов больше, чем на лоскутном одеяле...

От потрясения Корина слегла. Но рассчитывать с шантажистом всё-таки пришлось, для чего она не только рассталась со всеми своими личными накоплениями, но и продала подаренные ещё отцом бриллианты.

Обновлённая Корина оказалась в одиночестве. Муж общался с похорошевшей супругой только по необходимости, с детьми произошло отчуждение из-за их обиды на неё за предпочтение ею заниматься внешностью, а не внуками, с ровесницами-подругами она сама не хотела общаться, поскольку они своим видом выдавали не только свой, но и её возраст. К тому же они, обабившиеся клуши, не понимали, зачем она терзает себя операциями. И была уверена: просто завидуют ей.

Улучшенная внешность требовала постоянного ухода, приходилось то и дело подновлять подтяжки, ходить на разглаживания. Идефиксом для Корины стала внешность. Не без злорадства и удовлетворения она отмечала, что муж грузнеет, дряхлеет, покрывается морщинами всё больше, а она – хоть куда! Красотка, да и только!

...Когда Корина не без трепета подошла к дверям, ей открыли. Но не узнали. Не пригласили войти. Стали всматриваться. Она, стоявшая на пороге не без робости и внутреннего трепета, видя, что её не узнают и вот-вот закроют перед ней дверь, укажут на другую, куда входить она совершенно не хотела, назвала себя. Но стоявший на пороге привратник недоуменно и возмущённо воскликнул:

– Корина?! Да какая ты Корина?! Самозванка ты! Мы её ждем, знаем, что она отправилась к нам, пришло время. Но она – вот она, – и показал фотографию седой морщинистой женщины. Корина вгляделась. Женщина была очень похожа на её маму в последние годы жизни. Такой бы была и она сама сейчас, если бы не пластические операции. Она сделала их. Поэтому стала другой, и её не узнают. Здесь. Её, избавленную пластическими хирургами от следов времени и жизненных коллизий, не узнали! Не приняли! Захлопнули перед нею Врата!

Как только двери перед ней закрылись, отвергнутая Корина полетела вниз, словно её толкнули в грудь, и оказалась у двери другой, распахнутой настежь. Но входить туда она не хотела и испугалась, что её затащат силой. Но и привратник у этой двери не узнал её. Правда, как только она оказалась у его врат, он крепко схватил её за волосы. Однако, рассмотрев, отпустил, гаденько хихикнув:

– Сюда захотела? К нам мало кто стремится. Я бы с удовольствием тебя сюда втащил, да тебя в моём списке нету. Не по адресу явилась. Смотрю я на

тебя – здесь бы тебе самое место. Но у нас тут учёт и контроль строжайший! Как бы праведников не впустить. Так что катись отсюда, голуба. – И он оттолкнул Корины, которая полетела. Но, ни вниз, ни вверх. В никуда. Она осталась нигде. Ни с кем. Ничья.

Кончилось земное существование, но ни в раю, ни в аду её не узнали и не приняли. Отвергли. Её неприкаянная душа полетела к земле. Но не долетела. Стала маяться и метаться. Встретила такую же неприкайную душу. Потом ещё и ещё. Это были мужчины и женщины. Молодые красавицы и красавцы. На первый взгляд. Но стоило на них посмотреть пристально, как на лицах, за ушами, на носках, телах проступали грубые швы. Все они не были узнаны ни Царём небесным, ни князем тьмы, и неприкайные, метались между землёй и небом в вечном непокое изгнанников.

Измученная Корина в недоуменном отчаянии сетовала:

– Что же непростительного в том, что я хотела быть красивой? Что тут греховного?

Обезображенная швами старуха, ужасный лик которой проявился через лицо молодой женщины, в коей Корина узнала известную эстрадную диву, менявшую мужей на всё более молодых, с выражением немислимых страданий на отвратительном лице, скиталица между небом и землёй, заговорила:

– Бог создал мир и его законы: человек живёт, его внешность меняется. Как живёт человек, так изменяется его внешность. И каким он придёт в потусторонний мир, там известно. А мы – богоборцы, восстали, решили подкорректировать Создателя, взбунтовались против этого. И теперь отвечаем. В краткой земной жизни тешили свою гордыню. Потворствовали своей и чужой похоти, соблазняли и ввергали в соблазн. За это от жизни вечной отлучены. Упокоения лишены. Ради чего? Если бы знать! Зачем мне, тебе было привлекать внимание мужчин в не детородном возрасте? Только для сексуальных утех. Зачем было увеличивать груди, которые всё равно никогда не наполнились бы молоком, их бы не сосал младенец. И с каждым годом подобных нам глупцов всё больше.

– Но мы не знали, не ведали, что творили! – воскликнула Корина и ужаснулась от мысли, что никогда не встретится ни с мужем, ни с родителями, ни с детьми.

– Нет! – оборвала её собеседница. – И я, и ты всё делали сознательно. Кого ты хотела осчастливить переменами? Я – кого? Близких? Нет, себя, о себе ты, я думали. Все мы, легион неприкайных состарившихся красавцев и красавиц, с идеальными носами, прекрасными грудями, гладкой кожей, кого сделали счастливыми? Ни себя, ни родных. И в наказание нам – вечное скитание, неприкаянность и отверженность!

Корина увидела вдруг себя перед самой первой операцией. Зачем, зачем она всё это сделала? Если б можно было что-то изменить!

...Проснулась. Уф-ф! Слава Богу! Какой жуткий сон! Поскорее бы забыть. Чего только не увидишь! Это от волнения перед операцией. Вокруг глаз надо убрать лишнюю кожу. Только семь утра. Можно поспать: в клинику ещё рано.

Она всё-таки встала. Ей показалось, что с карниза вспорхнула птица. Корина выглянула в окно. Белое облачко таяло, поднимаясь к небу. Как в детстве бывало, она думала, что это ангел пролетает. Да, кто-то полетел. Корина вспомнила бабушку. «Бабушка, ко мне ангел прилетал», – рассказывала она

о своих снах. «Гляди, пока дитё малое – ангел, а как вырастешь – как бы бесы не слетались. Грешно-то не живи, так одни ангелы будут над тобой парить. А как в грехи впадёшь – от бесов не отделаться ни днём, ни ночью – доймут. Они свою добычу, ой, как стерегут. Ни одного грешника мимо не пропустят, из лап не выпустят».

Да, в детстве всё очаровательно: и вера в ангелов, и даже страхи перед бесами. Умилительно и смешно. Корина вновь легла, поставила будильник на 9:00. Стрелка стала медленно приближать время к очередному сеансу корректировки Бога – омоложению.

Подслушанный сюжет

Атлетическое ожидание редко ходящего троллейбуса, единственного городского транспорта, который здесь ходил, раздражало. Лидия, то и дело задирая голову, смотрела – не качаются ли провода, которые и были предвестником «усатого», выползающего из-под горы: вот если провода начинали раскачиваться, значило, что троллейбус скоро появится. Нет, замерли провода! Услугами такси она пользовалась только в крайних случаях – была пара неприятных моментов, которые как-то очень уж предубедили её против нынешних таксистов, совершенно не знающих город. Может, кстати, её в тот не неприятный даже, а ужасный раз, хотели завезти не туда, а не по ошибке в лесопарк гость столицы направил свой автомобиль, якобы по навигатору. Слава Богу, она город знает, сообразила, что маршрут уж совсем неправильно выбран, настояла, чтобы остановился, и она вышла.

Да ладно – ожидание троллейбуса! Но ещё и переругивание семейной пары постбальзаковского возраста. Не обращая внимания на скопившихся пассажиров, муж и жена неловко, с такой неприязнью общались между собой, что было непонятно, что их ещё удерживает вместе, когда семьи уже нет: ни уважения, ни сдержанности в определениях и чувствах: презрение и едва ли не ненависть друг к другу от них просто обрушивались на окружающих. Странно: почему они, хорошо одетые, едва ли неимущие, не берут такси, а стоят, парятся на жаре, теряя время, силы. Ясность внёс муж, заявивший на последовавшее в конце концов предложение жены «взять машину»: «Повезу я тебя, как же, жди». То есть он не брал машину для себя, не желая баловать жену, а она не хотела брать, чтобы не тратить деньги, которые он выделяет ей. Так и сказала: «Ты мне не на такси дал, а на расходы мои личные! Не жрался бы вчера, на своей бы ехали».

Их перебранку прервал звонок мобильного. «Да, доченька, да», – жена просияла поначалу. Но потом вдруг на лице – ужас, далее вскрики: «Ой! Боже! Когда?». Муж, услышав это, стал вырывать трубку жены: «Что случилось? Что случилось?» В борьбе за трубку выиграла жена. Закончив разговор по телефону, скороговоркой сообщила мужу: «Андрюшка под машину попал. Они в больнице. В 26-ой».

Стали ловить машины, и из перебранившихся врагов превратились в «сплочённую ячейку общества». Чётко набросав план действий, распределили обязанности: «Бери машину, поезжай домой за деньгами, – скороговоркой наставляла женщина, – а я буду искать выход на главврача хирургического. Я – в больницу. Пулей с деньгами к нам, пулей!». «В реанимации или в хирургическом, что говорит?», с надеждой, что до реанимации дело не дошло,

спрашивал муж. И было понятно, что он полностью полагается на жену в этой сложной ситуации. Впрочем, как и она на него. Вмиг улетучились раздражение, мелочность в отношениях, и стало ясно, что держит этих людей вместе. Любовь. К детям и внукам, которых у них, судя по перебранке, четверо. («Все-го четверо внуков, а не можешь дни рождения запомнить. Чуть со стыда не сгорела, отдувалась за тебя, мол, дедушка занят на работе». «Я действительно очень занят был». «Кем? Чего весь день у тебя телефон отключён? Мы хоть перемри все за день – ты и знать не будешь, тебе неинтересно. Занят он, посмотрите на делового!»)

Все свои претензии друг к другу они, судя опять-таки по разговору, оставляли между собой. Не выплёскивали на детей, на внуков, для которых были любящими родителями, заботливыми бабушкой и дедушкой.

Прочитавшая множество научных и просто умных книг, в том числе специальной литературы по семейным отношениям, браку и семье, прошедшая курс психологии в университете, Лидия вдруг здесь, именно благодаря этой поначалу безобразной сцене ссорившихся, но моментально примирившихся супругов, поняла, почему распался её кратковременный брак. И она так и не создала больше семью. Нет, ещё не поздно. И наверняка создаст. Потому что, словно открытие сделала, хотя читала об этом. Став свидетелем этой сцены, поняла: семья – это самоотречение. Ты должен и на горло собственной песне наступать, и уступать, и жертвовать. Нужно смиряться. Вот так, вмиг. Чего проще, казалось бы? Не абы какая мудрость. Читала – не осознавала. А здесь – озарением нашло.

Ведь её Серёжа шёл ей на уступки. А она, воспринимая это как своё естественное владычество, действительно «оборзела», по выражению свёкра. И муж ушёл, сказав ей на прощанье: «Ты перестаралась, милая, ты перестаралась». Она была уверена – вернётся. Не вернулся.

Она тогда жалела, но не очень. Да, была увлечена, когда замуж выходила, но не любила. Он действительно любил, по-настоящему, но ведь ушёл. Ей было обидно, что ушёл не к кому-то, а просто к своим родителям. Ей казалось, что если бы он к бабе ушёл, было бы не так обидно. Вскоре женился. Такой не засиделся, конечно. Хороший был муж у неё. Неужели он любит свою новую жену, как её, Лидию, до обожания?

Кавалеры у неё появлялись: собой хороша, работа есть, человек интересный, знакомства, компании... Квартира от бабушки досталась. То есть во всех смыслах самостоятельная. Были серьёзные предложения. Но вот парадокс: губило взаимоотношения то, что кавалеры относились к ней как к королеве, преклоняясь. А она начинала чувствовать себя «владычицей морской» и повышала требования к ним, не предъявляя почти никаких к себе. Она и без того хороша, какие ещё требования? А уж жертвовать чем-то ради другого человека... Ну уж, дудки. Жертвы принимаю, но сама не приношу! И кавалеры через какое-то время как бы растворялись: были – и нету. Двое делали предложения. Хорошие мужики. Оба. Старались угодить, не унижаясь, впрочем. Она позволяла за собой ухаживать, даже и прислуживать. Но предложения не принимала. И они, не прощаясь... И тот, и другой. Просто переставали звонить и не отвечали на звонки. По соцсетям видела, что живы-здоровы. Но обрывали связь с ней. Почему-то сейчас почти всегда под «отношениями» подразумеваются именно близкие, интимные. А Лида после развода за эти пять лет дружила со многими, но тесную связь позволила только с одним, который почти сразу, как познакомилась, замуж позвал. Потом встречались

полгода, потом он квартиру снял, там жили. Она оценила, что он не набивался к ней, а снял квартиру. К себе не мог привести – жил после развода у бабушки. А она на два дома, собственно: то у себя, то в съёмной. Но замуж не шла. И Никита перестал приходить на съёмную, хотя за аренду платил: хозяйка не выгоняла, значит, аренда шла. Но когда Лидия поняла, что Никита ушёл, сама позвонила хозяйке и сказала, чтобы та пришла, посмотрела, в каком состоянии квартира, и ключи забрала. Так и сделали.

Удивительно: терпеть не могла слабых мужиков, «тряпок», и среди её романтических знакомых таких не было. Она бы и не стала дружить с подкаблучниками. Но ведь вела себя, как с подкаблучниками: встречай в аэропорту, привези паркет, найди мастера, поговори с рабочими... Как само собой всё. Никита всё это охотно делал. А она, собственно, и спасибо не говорила, только недовольство высказывала, если что не так: губки надует и фыркнет. Это кавалеров даже умиляло. Поначалу.

К Виктору ни разу в больницу не пришла – в отпуске была, и не думала прерывать, так, по телефону справлялась. Ну и вернулась бы она, что, аппендицит бы стала ему вырезать? Без неё справились. А вот когда она с зубом маялась, тот среди ночи приехал. В дежурную её отвёз, потом успокаивал. Отгул взял, чтобы у неё переночевать, вдруг что. Всё-таки верхний зуб. А ведь ничего и не было между ними, просто ухаживания.

...Дождавшись троллейбуса, она прямо в переполненном салоне, в толчее, достала блокнот, что всегда носила в сумке, и начала писать повесть. Сюжет которой впоследствии лёг в основу фильма, собравшего многие премии, как, впрочем, ранее – повесть.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончил Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодёжи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей.

Живёт в Москве.

Россия была и будет

Была – не была

Притушенный взгляд, голова бела,
Слепая хандра, усталость.
Но молодое БЫЛА – НЕ БЫЛА –
Вот это во мне осталось.
Куда-то всё рвался – дела и дела –
В были суровой и в небыли,
Спрошу иногда я: а жизнь-то была?
Быть может, её и не было?
Была же, конечно, как солнце была,
В тумане безбрежного вальса.
Какая ж идея куда-то вела?
Куда и зачем я рвался?
Оно от самой судьбы нам дано,
Оно никуда не убудет.
И даже вот нет его – всё равно
Оно непременно будет.
Куда бы дорога меня ни вела,
Душа у меня не ныла.
И если звучало БЫЛА – НЕ БЫЛА,
То так непременно и было.
И так вот почти что всю жизнь напролёт.
Манили безвестные дали.
Уж как собирался служить на флот –
Меня туда и призвали.
Терзался: какая будет жена?

И вдруг на большой фиесте
 Её я увидел и понял: она.
 И мы с той поры вместе.
 А сердце куда-то зовёт и зовёт,
 За доброй мечтой – строим.
 Я в волжском Тольятти автозавод
 БЫЛА – НЕ БЫЛА строил.
 А вот за клетчатой сажу доской,
 Внук мой – фанат мой – наполнен тоской,
 И мне намекает: никак, мол, нельзя
 За пешку вот так отдавать ферзя.
 «Дедушка, так проиграешься вдрызг».
 Ну а по мне-то вся жизнь – риск,
 Чтоб делались, двигались как-то дела.
 Так что вперёд, и БЫЛА – НЕ БЫЛА.
 Но что-то случилось – увы, не со мной,
 На части распалась целость.
 Что-то стало с моей страной?
 Была. Но куда же делась?
 Случилось то, что нас кто-то сдал –
 Те, кому я был предан,
 Теми из тех, кто над нами стоял,
 Подло и грязно предан.
 Предатели – вечные спутники зла,
 И память их не избудет.
 А наша Россия – БЫЛА? НЕ БЫЛА?
 Была она. Есть. И будет!

Дежавю

*Сейчас должно написанное сбыться.
 Пускай же сбудется оно. Аминь.*

Б. Пастернак

Мне всё в этом мире знакомо,
 Боюсь, и гнезда не совью.
 Живу необычным законом –
 Привычным для нас дежавю.
 Пешком, самолётом, в поезде,
 В мыслях, в полётах, в езде –
 Всегда оставался в поиске
 И, кажется, был везде.
 Не жду, что мне будет выдано,
 Моим глазам и уму,
 Что есть, то не раз уже видано,
 Известно уму моему.
 Путь мой и сладок, и горек –
 Интеллектуальная знать.

Я словно от Бога историк,
 Обязанный много знать.
 В каком ни угодно виде,
 Путь к истине вечно далёк.
 Знать всё, слышать и видеть –
 Таков перед обществом долг.
 Помню, их было побольше,
 Но мы в новгородских полках
 Такое им дали побоище...
 Тевтоны признались: швах.
 Историк не в мягком кресле,
 Он там, куда целится враг.
 Помню тебя, мой крейсер –
 Гордость России – «Варяг».
 Сражённый Берлин. Рейхстаг.
 Егоров, а с ним и Кантария –
 Герои мои. А раз так –
 Для вас исполняется ария.
 А это совсем не докука:
 С книгами вплоть до Кука
 Шар обойти земной.
 Желание есть? За мной!
 Мороз, равнины, холмы,
 Оттуда и мы – с Колымы.
 Не хочешь слетать в Анадырь?
 Но думаешь ты: а надо ль?
 Не где-то в солнечной Ялте
 Ребята умеют дружить,
 А в самом аду – в Бухенвальде
 Дружбой могли дорожить.
 А как-то смотрю – Геродот!
 Спросил я: а что нам грядёт?
 Сказал он: «Готовьте арки,
 Придут и к вам олигархи».
 Всевед, вездесущ и стоек.
 Так мыслю и так живу –
 Профессиональный историк
 С извечным своим дежавю.

Коронавирусы – 2020

Хотя и не тужили,
 Но жили так, как жили,
 Пока к началу лета
 Не шла зараза эта.
 Пока к нам не являлись,
 Неся раздраз и вялость

В тела наши и души,
Хоть и не слишком дюже.
На нас они дышали.
Кого могли – дожали,
Всех, как могли, душили.
Держались мы, но жили,
На этот раз корона
Ударила коронно.
Мы вроде и дышали,
Но думали – дожали.
Что было в нас – всё выжали.
Но видит Бог – мы выжили.

Костры

Мой костёр в тумане светит...
Я.П. Полонский

О золотые времена!
О юности живое пламя!
Не признаёт границ она
И остаётся вместе с нами.
Будь вы и юны, и стары,
Все в мыслях мудрых и глубоких,
А мне вот помнятся костры
Из лет забытых и далёких.
Костёр – вдруг выросший цветок,
Из ночи вырвавшийся к небу,
Из недр Земли могучий ток,
Её ещё горячий пепел.
Костёр – о эти вечера
И романтические ночи,
И глаз весёлая игра,
И юности несмелый почерк.
Не умолкают голоса,
Беспечные родные песни
И изумлённые глаза
Моих столь юных же ровесниц.
Костёр питал нас силой стрел.
И песня продолжала литься.
А я смотрел, смотрел, смотрел
На розовеющие лица.
И шутка – весела, остра –
Нам вдохновение и сила –
Сама рождалась у костра
И свой аккорд сюда вносила.
И строки этих первых строф
Являлись мне у тех костров.

Татьяна Парсанова – родилась на хуторе Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. В 10 лет, вдохновлённая мимолётным общением с проживающим в соседней станице знаменитым русским писателем Михаилом Шолоховым, вдруг начала рифмовать свои рассказы. Замужество, переезды, перестройка – заставили замолчать на долгое время, но в начале 90-х желание писать возникло с новой силой. Стихи публикуются в Интернет-Альманахе «45-я Параллель», МКСетература, «Топос», «День Литературы», «СОЗВУЧИЕ» (Белоруссия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США).
Живёт в Наро-Фоминске.

«Наказание, иль дар благодати...»

***

Из разнотравий собранным нектаром
Дурманит хутор ветерков каскад.
Июльский вечер, разморённый жаром,
В Едовле¹ гасит розовый закат.

Разнежившись, на бархатном просторе,
Дугою выгнул спину млечный мост.
За косогор, на вспаханное поле,
Кидает небо горсти спелых звёзд.

Ковыль степной под ноги лёг попоной,
Маня привалом мягкой темноты.
И ангелы с улыбкой отрешённой,
Раскрывают нежностью мечты...

Крымские зарисовки

Светлане и Павлу Карпович

***

Солнце укрылось за полог тумана.
Малый Маяк притих.
Зябко нахохлившись, осень упрямо
Льётся грустинкой в стих.

¹ Едовля – речка в х. Рябовском, Алексеевского района, Волгоградской области.

Море, насупив высокие волны,
Пеной плюёт на пляж.
На волнорезе мокнет безмолвно
Чайка, как верный страж.

Дерзко-безудержный ветер-повеса
Брызги швыряет в дом.
Старый орешник о крышу навеса
Спелым стучит плодом.

***

Новогодних салютов огни
Отцвели, как-то враз, отзвенели.
Скукой будней раскрашены дни.
Но... в разгаре московской метели
С грустной нежностью вспомнилось, как
Вдалеке от тревог и событий
Тёплый дождик на Малый Маяк
Опускает хрустальные нити.
Как волшебною кистью заря
Красит мир серебристым и синим.
Как Нептун косяки луфаря
Подаёт рыбакам и дельфинам.

***

Полусветом, по звёздным наколкам,
Разливается млечный Гольфстрим...
В сарафане из лунного шёлка
Бродит Ночь под окошком моим...

Упакованный в знойную кальку
Город сонный послушно затих...
И мурлыча, баюкает гальку
Море в тёплых ладошках своих...

***

В память – картиной, счастливой и яркой:
Отпуск в осеннем Крыму.
В праздной толпе, под Алуштинской аркой,
В жарком безделье тону.

Словно от водки пьянею, вдыхая
Воздуха крымского мёд.
Муза шалит. Как девчонка плохая –
Рифмой глагольною жжёт.

Тихое море сомлевшей Алуште
Шепчет свой вечный мотив.
В сквере сентябрьском бронзовый Пушкин
Строго глядит в объектив.

Полшага

Берёзки листву, словно платица лёгкие, сбросили.
Сбежавшее лето умолкло – зови не зови...
Полшага... всего-то, коротких полшага до осени
И целая жизнь до потерянной нами любви.

В бездонность обид наша нежная искренность вылита,
Горбатою кучкой – страстей прошлогодня зюла.
Полвзгляда... всего-то, коротких полвзгляда до вылета
И сотни «прости» до возврата бывшего тепла...

Хуторок

Кушаком исхоженных дорог
Подпоясан. В зеркало заката,
Пригорюнясь, смотрит Хуторок,
Щуря окна хат подслеповато.

Подряхлевший, выцветший слегка.
Пыль на крышах куреней – попоной.
Но, как встарь, протянута рука
Журавля с ведром воды студёной.

Живописной стайкой, у плетня –
Васильки. Беспечны и игривы.
По крапиве, запахом дразня,
Раскатились яблоки и сливы.

Вековухи-ивы – вдоль реки...
Ковыли – солидно седовласы...
И, как встарь, подшиты чирики¹,
И нашиты на портки лампасы.

***

Наказание, иль дар благодати
между нами притяженья амбре...

Эта химия сейчас так некстати,
как цветущая сирень в декабре.

¹ Чирики – лёгкая казачья обувь.

Многоопытность скрутила нам руки.
Невозможности звучит приговор.
В нашей музыке минорные звуки
заглушили долгожданный мажор.

Прячем чувства мы в заоблачной пене.
Для чужих отдавши тела тепло.

Умирает на снегу цвет сирени,
постепенно превращаясь в стекло...

***

В слепом порыве отреченья
внезапно подводить черту,
поверив, что разлуки бремя
я как награду обрету.

Искать и, не найдя ответа,
вбежать туда, где нас уж нет...
На грани темноты и света
застыть... И сердцем выбрать свет...

***

догорает луны свеча,
крася мир серебристым светом...

нить, меж нами рванув с плеча
просто помни, родной, об этом:

если терпким глотком любви
опьянят тебя сновиденья –
не зови меня... не зови.
я теперь не твоё спасенье.

если вспышкой – свет зари
силуэт мой тебе рисует,
не зови меня... не зови.
не трепи моё имя всуе...

если страх, угнездясь в груди,
оплетёт безнадегой стылой –
не зови меня... не зови.
я тобою убита, милый.

и проклятия сгоряча
ты в себя не вонзай при этом...

пусть сгорает луны свеча,
крася мир серебристым светом...

***

Не цветами – лебедой
Зарастает поле.
Стала я твоей бедой,
Милый, поневоле.

Неба ситец голубой
Насурмился грозно.
Ах, зачем же мы с тобой
Встретились так поздно.

Мыслей горьких остриё –
Никуда не деться...
Спрячу имя я твоё
В тайничок под сердце.

Сыпет густо на лицо
Мне слезинки лето.
А на пальчик мой кольцо...
Не тобой надето.

***

Нет, ты не знаешь, что такое БОЛЬ.
Всепоглощающая боль. До дрожи.
Когда нет выхода. Хоть плачь. Хоть вой.
Я просто рана... Без кусочка кожи.

Нет, ты не знаешь, что такое ЖИТЬ,
Когда нет воздуха, нет неба, солнца, света.
А жизнь заключена в одном – молитв:
– Скажи, любимый, ну за что мне это...

Нет, ты не знаешь, что такое ЖДАТЬ
Забвения. Когда ты станешь лишним.
И плачут свечи, слушая опять:
– Не ведал что творил. Прости его, Всевышний.

***

Спускался тихо зимний вечер с крыши,
Держась за сумрак, из последних сил.
Молчала я... Но ты меня не слышал.
Ты уходил...

О чём-то, несомненно, важном очень,
Шептались в небе облака с луной.
Молил тебя мой взгляд – Ты между прочим
Ещё родной...

Но, о броню спины тепло разбилось.
В архив сдала обиды и мечты.
Вдруг, словно время вспять поворотилось –
У двери ТЫ...

Глаза впитали силуэт знакомый,
Июльский вечер смехом задрожал.
Твой голос, непривычно невесомый,
«Впусти» – сказал.

Молчали равнодушно и упорно
Созвездия, мою качая грусть.
Ночь красила мне память чем-то чёрным...
Увы... Ты опоздал...
Я не вернусь...

***

«Жара... как будто середина лета...
какой сегодня день?
вот дождалась...
весна...» –
Прищурившись от солнечного света,
Старушка приютилась у окна.

«Домишко-то совсем мой покосился...
сын не звонил...
совсем забыл про мать...
такой смешной он в детстве был...
носился...
не думала я перезимовать...
зима теперь не скоро снегом ляжет...
что там с погодой завтра...
вроде бы тепло...» –
Старушка вереницу мыслей вяжет.
А солнце её гладит сквозь стекло.

Митяка

Он привлёк моё внимание тем, что, стоя на декоративном мосту Большого пруда Воронцовского парка, неловко, необычно забрасывал удочку. Леска с наживкой у бывалых рыбаков долетала почти до середины водоёма, а у него плюхалась под ноги метрах в пяти от настила. Да и приспособление для ловли было без удилица. Вместо лески шнур зеленоватого отлива толщиной в бельевую верёвку. К концу шнура прилажено нечто металлическое, формой похожее на расплюснутую гирьку.

Сам рыбак напоминал ковбоя, бросающего лассо. В одной руке собранный кольцами шнур. Другой раскручивает над головой его конец с прикрепленной гирькой и бросает в воду. Гирька глухо ухаёт и ныряет в пучину, раскручивая спираль шнура. Немного подождав, рыбак выбирает снасть из воды, протягивая гирьку по дну, минуту-другую колдует над ней и вновь отправляет в пруд.

Ковбоем этому было от силы лет одиннадцать. Не больше. Подхожу, интересуюсь уловом.

– Здравствуйте! – слышу в ответ. – Познакомимся? Я – Митяка. А как зовут вас?

Я пожал протянутую холодную, скользкую от воды ладошку величиной с лапку котёнка и с любопытством посмотрел на собеседника, дипломатично, по-взрослому сделавшего мне замечание за то, что не удосужился поприветствовать. Невысок, конопат, вихраст. Из-под соломенного цвета длинных волос на мир добродушно и доверчиво поглядывают голубые глаза. Футболка в виде тельняшки и подвёрнутые джинсы заляпаны сероватым илом.

– Не серчай, не серчай, – пошёл я на попятную, – уж больно нетрадиционно ты ловишь. Так ловко, что загляделся и поздороваться забыл. Извини.

– Бывает, – услышал в ответ, – только я не ловлю рыбу. Я деньги достаю.

– Расскажи.

Алексей Васильевич Манаев – родился в 1949 г. на Белгородчине. Окончил Казанский государственный университет (сейчас Казанский (Приволжский) федеральный университет) и академическую аспирантуру. Кандидат исторических наук. Работал в средствах массовой информации и на различных ответственных должностях в федеральных государственных органах. Государственный советник Российской Федерации I класса. В настоящее время – член редколлегии журнала «Человек и закон». Публиковался в «Московском альманахе», в литературно-художественных и общественно-политических журналах «Наш современник», «Человек и закон», «Волга. XXI век», «Подъём», в «Литературной газете» и других периодических изданиях. Автор и составитель нескольких книг.

Живёт в Москве.

– Вот эта штука, – парень показал гирьку, – магнит. Бросаю его в пруд и тащу по дну. Всё металлическое – моё. Монеты тоже. И пруд чищу, и богатею.

– А почему на мосту монеты ловишь?

– Тут женихи и невесты воркуют. И монеты в пруд бросают. На них и охочусь.

– Каждый день приходишь?

– Каждый день делать нечего. В неделю раз. Можно бы и пореже, но монеты сильно ржавеют, не отдраить.

– Сам придумал или кто надоумил?

– Сам. С помощью Интернета.

– Ты и Интернетом умело управляешь?

– А что в нём такого? Жми клавишу, и вперёд! В Москве улицу перейти сложнее.

– Много достаёшь?

– Когда как. Сегодня вон сколько.

Мальчик показал на перила моста из ошкуренных брёвен, покрашенных коричневой краской. На этих перилах разложен десяток порыжевших монет. Три по десять российских рублей, две по евро. Остальные достоинством поменьше. Были среди улова украинская гривна и давно вышедшая из обращения чешская крона.

– Глядишь, разбогатеешь. Слышал, что москвич выловил в Яузе монету в миллион рублей?

– Это вы о золотом червонце?

– Да. Сообщают, что лет пятьсот назад монета из золота чеканилась по образцу венгерских дукатов и получила название угорской. «Угорский» тогда означало венгерский. Такими золотыми червонцами царь жаловал за воинскую доблесть. Сохранилось всего шесть монет, одна из которых хранится в Эрмитаже. Может, и тебе повезёт.

– Не то место. Хоть парк наш старинный, всё здесь перепаханно. Пруд чистили не один раз, если в нём что-то и было, то уже уплыло. И за богатством не гонюсь. Не моя тема.

– Богатым быть не хочешь?

– Хотите, байку расскажу? – вопросом на вопрос ответил Митяка.

– Давай.

– Является к учителю ученик. И говорит: «Учитель, я не понимаю: приходишь к бедняку – он помогает, как может. Приходишь к богачу – никого не видит. Неужели только из-за денег?» «Выгляни в окно. Что ты видишь? – спрашивает учитель». «Женщину с ребёнком, повозку, едущую на базар...» «Хорошо. А теперь посмотри в зеркало. Что видишь?» «Себя». «Так вот: окно из стекла и зеркало из стекла. Стоит только добавить серебра, и будешь видеть только себя», говорит учитель. А я не хочу видеть только самого себя. И бедным быть не хочу.

– Но монеты-то из пруда выуживаешь...

– Без денег не проживёшь. А монеты не для себя. С мамой раз в два месяца деньги в детский дом направляем. Мои тоже.

– Но что тогда дороже денег?

– Да много чего. Вода, воздух, здоровье, жизнь. Мама говорит – дети. Обнимет и скажет: «Ты, Митяка, мне дороже всего». А я думаю, что родители. Кто ж ещё?

– А почему тебя назвали Митякой?

Вообще-то меня зовут Димой, Дмитрием. Но один Дима у нас в семье есть – папа. Митька, Митя, Митёк – как-то по-уличному. А Митяка – круто. Мама чуть что – Митяка, выручай. Знает, что сделаю. Митяка – это как витязь. Как рыцарь. Здорово! Папу она не трогает. Тот у нас учёный. Пока соберётся в магазин, я сто раз сбегаю. Пошлют за огурцами, а он капуста принесёт. Рассеянный с улицы Бассейной.

– Витязь, а ты не боишься один ходить в парк, в магазин? Всякое бывает.

– Да меня в округе вся шпана знает. «А-а-а, Митяка, это тот, который боксом занимается? С ним лучше не связываться»...

– Выходит, не кладоискателем быть собираешься, а боксёром?

– Нет, буду лётчиком. Пассажиров возить – мужское дело! Люди всегда отправляются в путь, чтобы с кем-нибудь встретиться. Вот я им и буду устраивать встречи. А монеты, бокс – так, понарошку, для развлечения.

– Что ж, рыцарь, успехов тебе!

Я пожал Митяке холодную ручонку, поправил синий берет на его кучерявой голове и медленно пошёл по мосту. Настил с чередующимися почерневшими от времени и воды старыми досками и отдающими белизной новыми походил на клавиатуру фортепьяно. Оно звучало минором. Уходить не хотелось. Было в Митяке что-то, что притягивало, как магнит притягивает монеты.

Так случается. Иной раз встретишь человека – породист, учтив, сострадатель. Но пообщаешься минуту-другую, и хочется подальше, подальше, подальше... А бывает – на вид до того невзрачен, что начинаешь общаться по великой нужде. Через минуту-другую осознаёшь, что именно его-то в жизни не хватало. Именно его.

Я часто вспоминаю Митяку, сравниваю с другими детьми. Как-то явилась на пруд мамаша с двумя чадами. Они появились шумно. Утка с выводком, спрятавшимся под крыльями, подрёмывала на берегу. Люди ходили рядом. Некоторые, увидев спящее «благородное семейство», переходили на шёпот или становились на цыпочки. А эти... Эти заорали, закричали, замахали руками. Утка с утятами тут же перебралась в пруд. Сорванцы куда-то побежали, нашли мелкие камни и давай с воплями ирокезов бомбардировать выводок.

– Мы вам, лягушкам-крякушкам, сейчас покажем, как в пруду плавать! – орала.

Вспомнилось сказочное: как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам... Неужели только это в сказке и запомнили? Да тут и не сказка. Тут того и гляди клочки по закоулочкам действительно пойдут.

Нервная, насторожённая мать стояла в сторонке, переминаясь с ноги на ногу. Будто это вовсе и не её дети. Она просто случайный прохожий. Подхожу. Вполголоса прошу унять разбушевавшихся мальчишек. Она поняла просьбу по-своему.

– Вы хотите, чтобы я их побила? – резко спросила молодая женщина. – Это с какой же стати я буду наказывать пацанов? Ах, какое преступление – утят напугали! На то они и дети. Вырастут, сами поумнеют.

Тут всё вроде в пользу Митяки. Но иногда облик Митяки должен был бы затушеваться. Перед глазами молодая мамаша с двойняшками трёх лет. Стройна. Чёрный офисный костюм с умеренной длины юбкой, изящные туфельки, подчёркивающие лёгкие, танцующие ножки, модный клатч. С первого взгляда было понятно, что к визиту на пруд тщательно готовились. Мальчишки не притопали упитанными увальнями, а приехали на беговеллах. Чаще всего их сверстники и дети постарше гоняют по парку на самокатах. Но знаю:

медики самокаты по каким-то причинам недолюбливают. Значит, беговелы мамаша выбрала не просто так, а обдуманно. Дети были в лёгких синих шапочках и в джемперках родом из Исландии, если судить по цвету и узору-орнаменту. За плечами у каждого – небольшой рюкзачок.

Мальчики спешили, поставили беговелы в стороне от пешеходной дорожки, прислонив друг к другу. Семейство с показной аккуратностью подошло к водоёму. Мамаша достала из рюкзачка каждого полиэтиленовый пакетик с пшеном. Ребятишки начали кормить голубей.

Тихо, степенно, деловито. И как-то буднично. Будто пришли на официальный приём. Мне не по душе именно эта степенность и эта размеренная деловитость. Абсолютно никаких эмоций. «Общение» с голубями со стороны выглядит не внутренним стремлением детских сердец к добру, а навязанным ритуалом демонстративной добропорядочности. Сказано покормить птиц – мы и кормим. Чего ещё вы от нас хотите? И воспринимается это кормление не как улада детского сердца, а как вынужденное подаяние бездомным птицам.

Через полчаса дети снова уселись на беговелы и покатали. Впереди показательно шествовала мамаша. Сзади, по бокам, – её вымуштрованные теплохранители на беговелах. Чем не примерное поведение? Чем не повод позавидовать умению матери ввести детскую безбрежную энергию в берега степенного достоинства?

Не могу сказать. Ни та, ни другая компания не вызывают у меня особых симпатий. Мне ближе всё-таки Митяка. Лично мне.

Потому, наверное, что он отдалённо, эхом, отзвуком, напоминает меня, одиннадцатилетнего сорванца... После того, как по нашим местам пронёсся ураганом фронт, остался на хуторе раненый солдат. Лечили его сначала местные знахарки, потом в лазарете, потом в госпитале, но до конца не вылечили. Оказался солдат фронту ненужным. Жил он где-то на Донбассе, но домой не возвратился. Ходили слухи, будто в дом попал немецкий фугас, и никого – ни жены, ни троих детей – в живых не осталось. Поэтому прибился солдат к хуторской женщине, тихой, скромной, беззлобной, тоже потерявшей мужа. Потери возместили, родив шестерых детей.

Жила семья дружно, азартно, весело. Дом, двор, сараи любовно ухожены и облагорожены так, будто завтра здесь собирались играть свадьбу. Выходили на огород сажать, копать, полоть или убирать картошку, копнить сено все вместе, гуртом. И каждый от мала до велика знал, что ему делать. Вроде не спешат, не торопятся, а глядишь – картошка убрана, сено в стожке, кизяки (местное топливо из навоза) высушены и прибраны.

Правда, сам хозяин был не особо разговорчив, ходил, прихрамывая. Он любил тачать большому своему семейству тапочки и сапожки. Получались они особого фасону: мягкие, лёгкие, с узорами. Напялит кусок кожи на колодку и колдует, тихо напевая какую-то песню. Я ни разу не видел его праздным, выпившим, неопрятным. Обидит муж жену, а в деревне у нас обижали часто, тут же слышит: «Эх, ты, хозяин, рот раззявил... Вот Костя – да, хозяин, а ты...»

Счастье посещало тогда сельского жителя чаще, чем городского. Выплачивали в кои-то веки пару десятков рублей за работу в колхозе – счастье. Выдался год урожайным для картофельных грядок – счастье вдвойне. Ну а уж если сумел заготовить корм для коровы – ты на десятом небе.

Коровёнка, с пяток овец, поросёнок и картофельные грядки на огороде, разумеется, не могли озолотить. Но без них не выучить, не поднять детвору.

Да и эту возможность окорачивали, потому что считали: личное хозяйство – рассадник частной собственности. Оно отрывает от общественных забот. Поэтому, если колхозы и помогали продержаться коровёнку, то как бы нехотя, формы ради.

Однажды мама занедужила, её положили в больницу. Август – самое время заготовки кормов. Нет, не сена, его и колхозному стаду-то вволю не доставалось. Хотя бы чего-нибудь. Колхоз расщедрился. Убранное поле озимой пшеницы разделили на равные участки. Жребий определял, кому какой достанется. Я представлял главу нашего семейства. Дрожащей рукой полез в сложенную пирожком клетчатую фуражку бригадира и вытащил бумажку с номером «100».

– Повезло тебе, парень, – сказал бригадир, – круглая цифра. Не иначе, сена огребёшь, девать некуда будет.

Позже выяснилось: он почему-то злорадствовал надо мной, одиннадцатилетним. Не мог не знать, что мне досталось. Участки выделяли для того, чтобы косить. Но не сено. Стерню. На некоторых, правда, кое-где виднелись то проклюнувшийся осот, то робкий вьюнок, то всходы вездесущей лебеды. Но на моём участке не было ни сорняков, ни стерни вообще. Всё выбили машины, возившие зерно от комбайнов на ток и проторившие на «наделе» дорогу.

Не знал, что делать. Дома поплакал, достал косу, пошёл к соседу, попросив отбить непослушный инструмент, предназначенный отнюдь не мальцу. Тот долго курил, посматривая на меня, и о чём-то размышляя. Наконец встал со скрипучего стула и размышлял на ходу, припадая на одну ногу.

– Да, брат, задача у тебя... Не заготовишь корма, надо будет коровку со двора сводить. Сведёте коровку, пропадёте сами... Ты вот, что, парень, ты на пуп не надейся. Он у тебя ещё не устоялся. Может развязаться. Бери умом. Смотри: пшеницу скосили, копны свезли. А под копнами полова, оставшаяся на полях. Она без остей, и в ней много зерна. Корм лучше твоего сена будет. Я сам намеревался этим промыслом заняться, да ладно, как-нибудь выкрутимся. Бери мешок и таскай полову, сколько силёнок хватит.

С участием соседа на его ножной колченогой машинке «Зингер» сшили из старого полосатого матраса мешок, приладили к нему лямки. Получился вместительный, до пят, рюкзак.

Полова это то, что остается от обмолоченного зерна. Грубо говоря – кожура. Золотистого цвета невесомые, скользкие, ласковые чешуйки. Я сгребал их руками в мешок, и они приятно щекотали ладони. А внизу, на самой земле, настоящий клад – до ведра отборной пшеницы. Действительно, зерно к зерну – крупные, плотные, наливные. Подбирал всё до зернышка.

Я не просто носил полову. Я делал рейсы. Сигналил воображаемым встречным машинам. Приветствовал знакомых шоферов. Останавливался, чтобы залить в радиатор воды – попить из трофейной немецкой алюминиевой фляжки. Иногда сбрасывал мешок-рюкзак, чтобы проследить, как охотится за букашками с зеленоватым отливом ящерица, как деловито шныряет в свою норку серая полёвка, как заботливо следит за шустрым выводком оставшаяся без гнезда перепёлка.

Ноша была не тяжёлой. Работа превращалась в игру. Игра втягивала. Только вечерами чувствовал, как саднят босые ноги, изъеденные стернёй. Мазал их сметаной, оборачивал остатками простыни и блаженно засыпал, чтобы завтра, едва сойдёт роса, вновь отправиться в очередное путешествие за половой.

Подсчитал: месяца на два корм уже припасён. На оставшиеся четыре месяца каждый день корове нужно три мешка полowy. Всего необходимо сделать 360 рейсов. Значит, нужно уложиться в полмесяца. Каждый рейс – километра в два-три. Сделал, освободив неоглядное поле от остатков урожая и тем самым подарив трактористам лёгкую, беззаботную вспашку зяби.

Когда мама вернулась из больницы, я повел её в сарай, доверху набитый половой.

– Смотри, мам, что я натворил.

Единственный раз в жизни я видел маму плачущей навзрыд. Она опустилась на колени, нагребала пригоршни полowy, пропуская её через растопыренные пальцы и сквозь слёзы приговаривая:

– Дитяtko ты моё, дитяtko... Дитяtko ты моё, дитяtko... Ты ж не Зорьку спас, ты нас спас...

Вот о чём напомнила мне встреча с Митякой, золотоискателем на нашем пруду в Воронцовском парке.

ПОЭЗИЯ

Валентин ЛУШИН

Валентин Владимирович Лушин – родился в 1950 г. в Узбекистане. Окончил военное училище в Ташкенте. Посвятил военной службе около 30 лет. Начав службу лейтенантом пехоты, в запас ушёл в звании полковника ФСБ. Автор четырёх книг стихотворений. В творчестве обращается как к любовной, так и к гражданской лирике.

Живёт в Москве.

«Рождённые в Стране Советов...»

О русском вопросе

Когда народ расколят на обломки,
То и тогда величия его
В истории не посрамят потомки.
Но мы ещё посмотрим, кто кого!

Но продолжают жалкие попытки
Нас погрузить в сплошное забытьё
Те, у кого имущества в избытке,
Вполне благополучное житьё.

Народ-громада! Обрати вниманье –
Страны не просто в сумме большинство,
Костяк, основа, мощь образования,
Высокое природы естество!

Обрушите его, но этот вал
Снесёт любые жалкие строенья,
Как мудрецов ничтожные сомненья
Небесный рок не раз разоблачал.

Теперь в «верхах» вращаясь по орбите,
Себя в особый помещая стих,
Вы, дорогие, русских берегите –
И сами сохранитесь возле них!

И.А. Крылов

Я с детства с баснями знаком:
Читал, смотрел и слушал.
Они приятным ветерком
Мою ласкали душу!

Там тёплый юмор лёгких строк –
Народное гулянье.
Крылов один такого смог
Достигнуть состоянья!

Там звери, птицы вроде нас –
Умны, чудаковаты.
К тому же это русский глас –
Веселие без платы!

Крылов и сам был чудаком,
Чудил в быту безмерно!
Он был огромным мужиком.
А в творчестве – примерным.

Для всех он – дедушка Крылов,
Кто мудр, находчив, ясен.
Дошёл из глубины веков
Поток великих басен!

Я тот, который из народа

Я из народа, между прочим,
И этим званием горжусь.
Дед из крестьян, отец рабочий –
Те, кем сильна родная Русь!

Рождённые в Стране Советов
Простой оставили совет:
Не забывай зимой и летом
Величия ушедших лет!

Пускай бывали гнев и милость.
Трудов познали маяту.
Но уважали справедливость.
В душе лелеяли мечту!

И если надо – поднимались,
Когда у Родины беда!
А слово звонкое «товарищ»
Не забывали никогда!

Великие русские люди

Я внукам сейчас говорю,
Не раз повторяю примеры
О тех, кого очень люблю,
Кого уважаю без меры.

Запомните знаки вершин
Средь нынешней лжи и обмана:
Твардовский, Есенин, Шукшин,
Высоцкий, Рубцов и Фатьянов!

Все вместе, как воин один
На поле сраженья суровом,
Достигшие русских глубин,
Явлений, традиций и слова!

Пусть новые песни гремят,
Находят пустую отраду.
Но прошлого взлёт и парад
Стирать из народа не надо!

Ко дню Победы

Я не кремень, но всё же, всё же –
Почти герой на первый взгляд!
И до сих пор мороз по коже,
Когда на площади парад!

Когда являет мощь и силу
В броню закованная рать –
Все понимают – за Россию
Сегодня есть, кому стоять!

Цыганы в ФСБ

Она была для публики подарком.
Зал удивился, смолкнул, замерев.
Прошлась красиво, дерзко, плавно, ярко!
И зазвучал пленительный напев.

Впивались в стены трепетные звуки,
Гитары раздавался перезвон.
Певица к публике протягивала руки –
Всё превращала в некий сладкий стон...

На ней просторная шурша металась юбка,
А тело извивалось как змея.
И каждый думал: ты моя голубка!
Хотя на сцене, всё-таки – моя!

Вот две гитары, скрипка, звонкий бубен
Звучали испытанием сердец,
В коротком танце лихо время губит,
Твердя чечётку, вёрткий удалец!

Не зря цыган великие поэты
Так почитали в прошлые века!
И офицеры, бросив пистолеты,
Забыв дуэли, шли из кабака!

Прошлись задорным табором цыганы
Из тьмы времён в гуденья городов!
И пахнет чудным запахом духмяным
Свободный ветер их весёлых слов!

Диалог

Памяти героя Советского Союза, одного из командиров «Альфы» Виктора Карпухина

Были редко пусты стаканы,
И крошился в руках пирог.
Рассказали мне ветераны
Про случившийся диалог.

«Что, Витёк, штурманём “палаты”?
Банду Ельцина сковырнём?
Он же, гад один, виноватый,
Что устроил в стране дурдом!»

«Да, во мне достаточно силы,
Нету робости и тоски.
Вы же знаете, за Россию
Я любого порву на куски!»

«Но возьми же ты власть! Диктатор
Нынче нужен у нас в стране!
Ведь привыкли твои ребята
Жёстко действовать на войне!»

«Говорите вы, говорите...
Но поймите же наконец:
Ну какой из меня политик?
Не политик я, а боец!

Новых дров опять наломаю,
Подниму вокруг кутерьму.
Не получится. Точно знаю –
Я народу не хлеб в суму».

...Если б вспыхнуло, как солома,
И бойцы устремились в бой –
Может, было бы по-другому,
И страна бы была другой!

После беседы с новым русским

Себя на троне утвердил,
Крутя глазищами во мраке,
Когда поэтов наградил
Небрежным прозвищем – писаки...

Не трожь поэзию, не трожь!
Не лапай грязными руками!
Что для тебя туман и ложь,
Для нас служение и знамя!

Ты над богатствами дрожишь,
Плутаешь с верою в металлы
И замираешь будтомышь,
Едва упали капиталы.

Материальный интерес...
Приятен мир материальный...
«Всепоглощающий прогресс»
Подобье дрожи вагинальной!

Ну чем тебя теперь пронять?
Ответить, может быть, сурово?
Весь мир, конечно, не обнять...
Но всё ж «В начале было Слово!»

Женский бокс

Мужчины лихо рвутся в бой
На малую арену!
Здесь процветает мордобой,
А не букет о стену...

Не арбалеты, не клинки,
Иное тут поможет...
Вступают в дело кулаки –
Удары сыпят в рожи!

Мужчины дрались с древних лет –
До крови и до боли!
Там для бабёнок места нет –
Им несподручно, что ли?..

Но изменились времена,
И озверели бабы!
Им помогает сатана.
А черти-то не слабы...

Ах, эти женские бои!
(Ах, бедные красотки...)
И здесь на помощь не зови
Мужчину после водки!

Ведь бокс – не драка, говорят
Ведущие спортсмены.
Но в этом спорте скрытый яд
И жуткие подмены...

Представьте бабу с синяком
И рассечённой бровью...
Она же смотрит мужиком
Со странную любовью.

Она не нежности урок
Преподнесёт в постели,
А здоровенный кулачок...
Вы этого хотели?!

Ударим мнением о стол,
От злости озвереем!
Пусть будет слабым – слабый пол,
А сильный – посильнее!

Переворот в Боливии

Почему мы себе не признались?
И причины теперь не найти.
Боливийский индеец Моралес
Брошен нами на полпути.

Он пытался служить народу,
Он из бедности поднимал.
И отечеству дать свободу
Так надеялся и желал.

Ведь они поступали смело,
Пробивая пустой трезвон.
Боливийцы с Венесуэлой
Выступали за нас в ООН.

Прилетел он, просил совета,
Добираясь с конца Земли.
Но, увы, не нашёл ответа –
Не схотели, не помогли.

Подключилась она – «закулиса»
Под прикрытием USA
Оседлала страну актриса,
От богатых придя семей!

И у нас есть такие силы,
Провозвестники мутных призм.
Олигархи свои в России –
Им не нужен социализм.

Что молчите? В тиши пригрелись?
Не качаете головой?..
Мне ж по сердцу этот индеец,
Настоящий народный герой!

Взросление

*Памяти отца, Владимира Лушина,
ветерана войны*

Не надо объяснять стараться,
На школьников бросая взгляд,
Сержант в неполных девятнадцать
В атаку поднимал солдат!

Да он же сам ещё мальчишка,
Из средней школы выпускник
И мамы ласковый сынишка,
А не мужчина, не старик.

Война мальчишек не жалеет.
А враг обрушивает гнев.
В боях стремительно взрослеют
И погибают, повзрослев.

Хоронят с почестью убитых
(Боям конец, в конце концов!)
Землём, как знаменем, укрыты
Мужчины – в возрасте юнцов!

Тихое величие

Поправив ветхий пиджачок,
Во двор выходит старичок.
И ковыляет не спеша,
Хватая воздух, чуть дыша.

Он и не мал, и не велик –
Обычный седенький старик.
Каких не много и не мало
Судьба по миру разбросала.

А ведь когда-то спас комдива,
Отважно Родине служил.
Громил врага и в хвост, и в гриву,
Пока в войне не победил!

Немногословен. Речь – обуза.
Не носит явно орденов
Герой Советского Союза
Сержант Василий Иванов!

Кто я

У меня есть большой архив
Как у скряги в подвале злато.
Словом ярости восхитив,
Ощущаю себя солдатом!

Не пострел, не везде поспел,
Не постиг барыша секретов.
Правда, если б я денег хотел,
То не стал бы тогда поэтом!

Я бросаю в толпу сюжеты,
Слух её обращаю в жизнь!
В головах оживут приметы
Даже с верой в социализм!

Я по жизни не морщил лоб,
Озирая Земли красоты.
Час настанет, положит в гроб –
Деревянный, без позолоты...

Встреча в деревне

Средь дыма и конского храпа
В деревне от радости гул.
Мальчишка вдруг выкрикнул: «Папа!»
И руки к бойцу протянул.

Солдат от колонны отпрянул.
Расстроен, да больше того.
Как будто из прошлого глянул
Дитёнок родной на него!

Схвативши ребёнка в охапку,
От слёз и от радости пьян:
«Ошибка, дружок, я не папка,
А друг его, дядя Степан.

Мы с ним всё делили по-братски.
Гостинец тебе от отца!»
И отдал паёк свой солдатский
В дрожащие руки мальчика!

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

ТАМАРА ПОТЁМКИНА

Тамара Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, книги рассказов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель литературных конкурсов МГО СПР (2014–2019), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы» (2016) и «Парад литературы» (2018 и 2019), Международной Бунинской премии (2017). Обладатель литературных наград. Живёт в Москве.

«Мы видели вместе, что сбудется завтра...»

Не спится

Не спится.
Кромешность ночи подсвечена фонарями.
Страницы
У книги судеб ещё не тронуты нами.
Туманно,
И звёзд не видно. Скрывают их небеса.
Обманно
Рыдает скрипка, тоскуя о чудесах.
Как жалко,
Что жизнь не вечна – мгновенье в песочных часах.
Гадалкой
Луна пророчит нам счастье в иных мирах.

Они прилетали ночами

Они прилетали за мною ночами,
Чтоб душу мою деликатно извлечь.
Мы, как на качелях, на звёздах качались,
Я слушала их бессловесную речь.

Мы видели вместе, что сбудется завтра:
Цунами, теракты и смена властей,
А утром, проснувшись, не помня про завтра,
Хватала газету – раздел новостей.

И жадно читала – вот ужас, всё точно.
Как будто бы заново видела сон,
А страха ладони держали так прочно,
И в горле застрял бессилия ком.

Они обещали, что скоро научат
Не только всё видеть, а предотвращать,
Пока же про каждый увиденный случай
Не надо рассказывать, просто молчать.

Но я рассказала тому чародею,
Который судьбу обещал изменить.
Его приговор: «Это были злодеи».
И он оборвал ту незримую нить.

Прошло много лет, я давно не летаю.
Спокойно, размеренно, скучно живу.
Но по полётам тем очень скучаю,
Хотя бы разок ещё взмыть в синеву!

След

Память стала, как зыбкие дюны:
Светлый образ растаял вдали.
Но души моей тонкие струны
Растревожили песни твои.

Как назвать то, что было, не знаю –
Не любовь, не влюблённость, не страсть.
Две родные души повстречались
И парили, высот не страшась.

Нежность взглядов и добрые речи,
Чувство, будто в толпе мы – вдвоём...
Наши давние милые встречи
След оставили в сердце моём.

Память

Вспоминаю тебя, вспоминаю...
От любви только память осталась.
И уже подбирается старость.
Нашу юность пускаю по маю,

Как кораблик из старой газеты,
Несмотря на дожди и ненастье,
По ручьям в предвкушении счастья
Отправляют в грядущее дети.

Может быть, ты из мира иного
Мне прозрачную руку протянешь,
Нежно волосы тронешь, погладишь
И прошепчешь заветное слово.

Свято верю, что чудо случится
И сердечные раны залечит,
Там, в неведомом, вновь будет встреча –
Долечу до тебя белой птицей.

Раскаяние

Я хотела себя уберечь от тревог,
От страданий чужих спрятать сердце за двери,
Равнодушием душу зажала в комок,
И от ангельских крыльев остались лишь перья.

Между злом и добром распахала между,
И предательством с ложью подменила любовь,
Я по лезвию бритвы босая скольжу,
Хоть кровят мои раны, не чувствую боль.

Только жить дальше так я уже не могу,
Пусть уж лучше взрывается чувствами сердце.
Пусть болит, пусть страдает, но я помогу
Всем, нуждается кто в моём милосердьи.

Перед Богом покаюсь за чёрствость души,
Отмолю и отмою душевные раны.
Боже праведный, истинный путь укажи,
И, как в детстве далёком, вновь ангелом стану.

Начну с нуля

Когда измученное тело
Покинет грешная душа,
В иных мирах, за гранью неба,
Продолжит путь свой не спеша,

Исчезнут образы и звуки,
Что я познала на земле,
И, обретённый через муки,
Растает опыт в сизой мгле.

И память превратится в пепел,
Как будто не было меня,
Но если вновь на этом свете
Господь даст жизнь, начну с нуля.

Пословица

Дом был кооперативным. Была такая система получения жилья при социализме, когда люди оплачивали строительство дома и получали в нём квартиры. А этот дом был ещё и одноподъездным – шестнадцатизэтажная башня, в которой кооперативные квартиры получили, в основном, молодые семьи, коим родители помогли построить дом. И молодые пары тоже стали родителями, детишки рождались друг за другом, и постепенно многие семьи перезнакомились. Были тут и студенты, и люди постарше. И не только москвичи, кто-то купил себе жильё, приехав в Москву из других городов.

Молодые мамы вместе выгуливали ребятшек. Анна тоже выгуливала своего уже двухлетнего сына, но процесс этот не любила. Двора, как такового, не было. Прохаживались по старому яблоневому саду весной и летом, зимой катались с горки возле небольшого прудика. Но самое противное было гулять осенью. Ноябрь холодный, слякотный. В коляске ребёнку скучно, а топя сам, он все норовил попасть в лужу. Иногда отвлекало появление других приверженцев свежего воздуха, но ненадолго.

А ведь прогулку иной раз приходилось сочетать и с полезным делом – походом за хлебом или молоком. Не говоря уже о том случае, когда в магазине появлялось что-то дефицитное. А это могло быть что угодно – курица, колбаса, сыр. Магазин был недалеко от дома, но до него надо было идти пешком в горку. И как-то Анна, узнав, что торгуют свежими огурцами и зелёным луком, резво потащила туда своего двухлетнего Илюшу, но тот упёрся, заревел, а потом и вовсе повалился на холодную мёрзлую землю, вопя на весь район. Анна сделала пару неудачных попыток поднять сына уговорами и пояснениями, тот продолжал свой непотребный крик, и Анна оставила его лежать на тротуаре, а сама двинулась в сторону магазина, не оборачиваясь.

Светлана Комракова – родилась в Ленинграде, выпускница МВТУ имени Баумана, преподаватель одного из московских вузов. Автор пяти стихотворных сборников: «Стихотворения», «Какая радость – солнце в ноябре!», «Я никуда не тороплюсь», «Удивительный цветок – белая ромашка», «Осень – пора для поэтов», член Союза писателей России. Является автором книги рассказов и новелл «Отражаясь в зеркалах», книг для детей «Приглашаем в сказку», «Про кошку Лесю». Руководит литературным объединением «Чонгарский бульвар» при московской библиотеке имени Ф.И. Тютчева.

Живёт в Москве.

Крик стал затихать, и когда Анна оглянулась, увидела, как её сын, всё ещё всхлипывая и сопя, идёт за ней. Пошли в магазин вместе. Анна поняла, что таким образом она справилась с детской истерикой, но впредь старалась не доводить ситуацию до конфликта. Сегодняшним вечером они вышли с Илюшей просто погулять, походить, с кем-нибудь пообщаться. Выпавший недавно снег подтаивал, воздух был сырой, но ветер несильный. Темнело рано, ведь снег ещё не покрыл своим белым ковром вечерние улицы.

«Минут сорок подышим, и домой», – думала Анна, поглядывая на часы.

Скрипнула подъездная дверь, из неё вышла ещё одна мама с девочкой. Это была Антонина с третьего этажа, с дочкой Алёной. Вот их семья приехала в Москву издалека, из Омска. Муж Антонины был крупным специалистом в области авиации, и его перевели в Москву. Дочка у них была единственная, долгожданная.

Женщины поздоровались, а дети заговорили друг с другом на своём, пока ещё не очень понятном языке. Алёна была младше Илюши. Но у неё были с собой игрушки, а у Ильи машинка, и малыши возились со всем этим богатством, катая машинки по скамейке недалеко от подъезда.

Дверь подъезда время от времени хлопала: соседи то выходили кто за чем, то возвращались домой с работы. Со стороны магазина показалась Татьяна, нагруженная продуктами и новостями:

– Привет, девчонки! В «Продуктах» шпроты в банках завезли и майонез. Вам надо?

– Надо, да с ним тащиться, – раздумывала Анна.

– Да, ладно! – воскликнула энергичная Татьяна, – одна пасёт, другая сгоняет. Делов-то! Ну, я пошла, а то сумки тяжёлые.

– Тонь, тебе нужны шпроты и майонез?

– Кому они не нужны.

Женщины посмотрели друг на друга, и Анна предложила:

– Давай, я оставлю тебе Илью, а сама сбегаю. Я быстро!

– А деньги у тебя есть? А-то я вышла на прогулку без денег.

– Хватит, думаю, – Анна вытащила из кармана кошелек, в котором светила сиреневым 25-рублёвая купюра. – Ну, беги.

Анна быстрым шагом отправилась к магазину. По дороге ей встречалась то одна, то другая соседка, сообщая о шпротах и майонезе. Добежала Анна уже в ажиотаже, что такие важные продукты могут кончиться. Конечно же в этот отдел была очередь. Анна поплелась к хвосту, думая, сколько она тут проторчит, как её схватила за рукав Лера с 7-го этажа.

– Становись передо мной.

– Так заорут.

– Я с дочерью стою, на тебя занимала, – довольно громко, чтобы слышали в очереди, сказала Лера.

– Спасибо, – шёпотом ответила Анна.

Товар был штучный, и отпускали быстро. Анна купила по две банки шпрот и майонеза себе и Анне (а больше бы и не дали, не положено!) и, поблагодарив ещё раз Леру, собралась бежать обратно.

– Ань, – просящим тоном протянула Лера, – возьми с собой мою Ляльку, мне ещё в хозяйственный за мылом надо.

– Конечно, возьму. Тебя у подъезда подождать?

– Подождите!

Лера скрылась за соседней дверью, а Анна, взяв за руку трёхлетнюю Ляльку, пошла к дому. И хотя теперь дорога шла под уклон, идти быстро Анна не могла. Рядом с ней семенила послушная тихая Лялька. Антонина с малышами не скучала. К ним вышли ещё желающие погулять, ребяташек прибавилось, да и взрослым было чем заняться – поболтать! Антонина увидела приближающуюся Анну с Лялькой и громко сказала:

– Свинья грязь найдёт!

Анна недоуменно посмотрела на неё.

– Ну, как же! Оставила ребёнка, ушла, так из магазина чужого привела. Вот и поговорка – свинья грязь найдёт.

Соседки недружно захохотали. Анна отдала покупки. И пока ждала прихода Леры, и пока ждала денег от Антонины, которая поднималась за ними в квартиру, и пока сама с Илюшей поднималась в лифте на свой 11-й этаж, всё думала: как же это можно применить такую поговорку по отношению к детям?

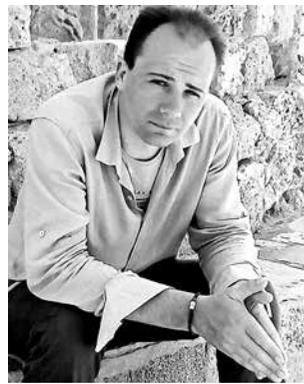

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Михайлович Милов – родился в с. Орудьево Дмитровского района Московской области 8 июля 1983 г. Образование – высшее юридическое. Поэт. Член Союза писателей России. В 2009 г. вышел первый сборник стихов «Между двумя», в 2014 г. – сборник стихов «Над временем», в 2017 г. – сборник стихов «Парадигма». Публиковался в газетах «Московский литератор», «Дмитровский вестник», журналах «Студенческий меридиан», «Огонёк», «Смена», «Дмитровский вестник», «Северная жемчужина». Имеет несколько общественных наград, лауреат литературных конкурсов и премий. В настоящее время работает над четвёртым сборником стихов.

Живёт в Дмитрове.

Дмитрий МИЛОВ

«Твои глаза миндальные...»

Прогулка

Я шёл, не видя от идей,
В ячейки сита из людей –
По площади, чьё представленье
Так далеко от уравниенья,
Где «гений» – тождество «злодей» –
Смотрел на танец балерин
В гласседе пыли у витрин;
В них отражалось всё как прежде:
Быть большинству в другой одежде,
И я по-прежнему один.
И светел день, и ночь темна
И в лестницы, как в стремяна,
Врезаются стопы прохожих –
Их оттиски все так похожи
На злаковые семена...
Всё чаще из моей горсти
С утратой падало «прости»
И разбивалось о страданье
Сиюминутное признание
Сложней всего произнести.

***

Года не означали
В канун сорокалетия
Ни место для печали,
Ни повод для бессмертия.

Дрожала ль тень предмета,
Горела там свеча ли,
Что уходило лето,
Часы не означали.

В бессмысленном усердьи
Топлю чайники в чае.
Что не утонем в тверди,
Земля не означает...

***

Косаревой И.А.

Глубокое сознание
Приходит, словно сон,
Как будто в наказание
За лживость двух сторон.

А стороны известные
И не в такой глуши,
Где мы с тобой телесные,
И где мы – две души.

Собирая коллекции южных вин,
Я увижу в бутылки, на самом донце,
Солнце, белое солнце...
Все другие ветра и стебли травин
Будут верить кружку пылающей бронзы,
Солнце, белое солнце...

Деньки суицидальные,
Пересекаю МКАД,
Твои глаза миндальные –
Как стены баррикад.

***

Мне не вековать у века
На стареющих руках.
Правда – сила человека,
Совесть – это его страх!
И в худом зрачке державы
Есть соринка для идей...
Гвоздь согнувшийся и ржавый
В срубе церкви без гвоздей.

***

Свой матери посвящаю

Здесь воды – вешние,
Ну, а мои дела –
Праздные, безутешные,
Сумрачная зола.

Заводи да запрудыца,
Да чернота плесин,
Жаворонок любит
Грудью гнилых осин.

Корни деревьев померли,
Ствол уж – не тетива,
Буйствуют, бьются по миру
Ветры-тетерева.

Смотрит в меня красавица,
Радуга без огней...
Мама, я буду каяться
До незаёмных дней.

Кусок хлеба

Эшелон, последним вагоном которого был наш пассажирский, от Янгиюля из Узбекистана до Москвы шёл 9 суток. В Москву мы вернулись из эвакуации 23 октября 1943 года. Наконец мы оказались в своих двух смежных комнатах коммунальной квартиры, в которой проживали 6 семейств.

Напротив выходившего на север окна нашей второй комнаты размещалась большая гора земли – той самой, которая была вынута для строительства фундамента нашего дома в Кривогузинском переулке ещё в 1904 году. На её плоской вершине был сооружён деревянный забор, отделявший от проезжей части переулка территорию Института профессиональных заболеваний и мужской средней школы.

Во время Великой Отечественной войны и в институте профзаболеваний, и в мужской средней школе были размещены госпитали хирургического профиля. Поскольку из нашего окна был виден весь двор бывшей школы, мы часто наблюдали, как у ступенек подъездов останавливались большие автобусы, имевшие на боку белые круги с красным крестом. Заднюю торцевую дверцу санитары движением на себя и вверх открывали и аккуратно вынимали из чрева автобуса носилки с получившими ранение военнослужащими. У многих были перевязаны бинтами головы, руки, ноги, у некоторых на руках и на ногах были наложены шины, у отдельных в руках были костыли. У некоторых раненых бинты были испачканы свежей алой кровью. Как правило, шапки-ушанки у них были с опущенными на уши боковинами, воротники шинелей поднятыми, а сами они были напряжены и как-то собраны в единый комок из тела и конечностей. От кровопотери и болевых ощущений у раненых часто развивается шок, одним из проявлений которого является быстрое охлаждение тела, зябкость, замерзание, поэтому нужно особенно следить, чтобы раненые были достаточно хорошо утеплены и согреты. Но это я узнал уже

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

на военной кафедре медицинского института. Когда нам это рассказывали, перед мысленным взором всплывали виденные картины военных лет. Как же прочно память фиксирует опыт детских лет! А для объяснения и понимания виденного даже в детстве нужны глубокие знания и постоянные размышления.

Здание института профзаболеваний было выстроено из кирпича и скорее походило на своеобразный дворец. Архитектура его была оригинальна и неповторима. Похожего на него здания я в Москве не видел.

Большие окна института либо были закрыты на три четверти занавесками, за которыми угадывались большие, высокие и просторные помещения, либо освещались сверху огромными округлыми светильниками, которые то меняли угол наклона, то перемещались вправо и влево. Иногда свет в окнах не гас в течение всей ночи. Вероятно, за ними размещалась операционная, и работы хирургам хватало в избытке.

Весной 1944 года в парке культуры и отдыха имени Максима Горького мы побывали с мамой на выставке сбитых немецких самолётов. Их выставили в три ряда на набережной Москвы-реки. Самолёты немцев отличались от наших каким-то ярко выраженным техническим дизайном, как до недавнего времени отличались от наших автомобилей машины зарубежных марок. Всё техническое управление самолётом было очень продуманно и сделано прямо-таки под руки пилотов. А тогда, рассматривая эти технические новинки, на ум невольно приходила мысль: «Какой же смелостью и технически отточенным мастерством нужно было обладать нашим лётчикам, чтобы вступать в воздушный бой с немецкими асами и уметь побеждать их?»

С весны этого же года в нашем переулке появились пленные немцы. Одна их большая партия располагалась в начале переулочка. Их использовали на строительстве большого дома по улице Чкалова (теперь Земляному валу). Дом был заложен ещё до войны, но успели построить всего два этажа.

Могу засвидетельствовать, что к пленным немцам наши военные власти относились терпимо, гуманно, не подгоняли в работе и хорошо кормили. Например, в обед даже рядовой состав получал полный солдатский бачок щей на мясном бульоне с обязательным куском мяса в них, на второе в миску из походной кухни на колёсах накладывали картофельное пюре с двумя котлетами и мясной подливой, на третье полагался полный гранёный стакан компота из сухофруктов. Немцы работали в замедленном темпе, не перегружаясь.

С весны, как только зазеленели кустарники и деревья, жизнь во дворе института профзаболеваний оживилась. У торцевой стены института стали часто собираться группы выздоравливающих раненых. Они были в пижамах, с костылями и палочками. Их собиралось не более десяти-пятнадцати человек. Кто-то играл на гитаре, кто-то на гармошке, отдельные четвёрки, держа в руках фанерку, играли в домино – «забивали козла». Выздоровливающие были весёлыми, рассказывали друг другу какие-то смешные истории, сопровождавшиеся взрывами хохота. Иногда они внимательно слушали хорошего солиста, иногда пели хором. Было интересно наблюдать, как мужчины подтягивались и становились заботливыми и внимательными, когда на прогулку выходили и женщины. Их было мало, не более трёх. Особенно импозантна и хороша была одна из них – высокая стройная блондинка с пышной, хорошо уложенной причёской. Она держалась просто и с достоинством. И хотя её костюмом тоже была пижама, но казалось, что она приехала на бал в роскошном выходном платье. Каждый из мужчин стремился оказать

ей внимание – кто-то дарил конфетку, кто-то полевой цветок, а кто-то пел для неё хорошую лирическую песню или романс. Женщина с достоинством принимала нехитрые подарки, искренне радовалась им, благодарила и улыбалась очень доброй, светлой улыбкой. И ещё она умела очень вовремя уйти, оставив за собой шлейф очарования.

Вторым очагом размещения в нашем переулке пленных немцев стала мужская школа, в которой располагался военный госпиталь. Его закрыли, перевели в другое место, а пленных немцев заставили ремонтировать здание, чтобы снова вселить в него среднюю школу. Вокруг школы был поставлен забор из колючей проволоки.

В один из дней мы с братом Володей возвращались домой из булочной на углу улицы Обуха (теперь Воронцово поле) и Яузского бульвара. Мы только что «отоварились» хлебом по карточкам. Недалеко от нашего дома мы увидели за проволокой пленного немца, который держал в руках деревянную палочку толщиной с толстый карандаш, на вершине которой под ветром крутился четырёхлопастный пропеллер, сделанный из консервной банки. Когда мы поравнялись с немцем, он затравленно заулыбался, выставил из-за проволоки свою худую руку с игрушкой и просительным тоном произнёс: «Хлеб, о, пожалуйста, хлеб!».

Мы прибежали к маме и рассказали об этом. Наша мама ничего не ответила. Она молча взяла у нас принесённую буханку чёрного душистого хлеба, положила её на деревянную доску и большим острым ножом отрезала от неё краюху граммов на триста.

Мы побежали к немцу, отдали ему хлеб и получили игрушку. Нужно было видеть, как немец обрадовался и как он заулыбался в ответ на отданный ему детьми кусок хлеба.

Я почему-то уверен, что после освобождения и отъезда в Германию, он не забыл этот эпизод.

Вот так поступают русские. Побеждённого врага не добивают. А даже жалуют и могут поделиться последним куском хлеба.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

НАДЕЖДА ОХРИМЕНКО

Надежда Охрименко – окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и Народный университет им. М.И. Ульяновой. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор шести поэтических сборников. Награждена орденом В.В. Маяковского «Светить всегда», рядом грамот, дипломов, благодарностей, а так же рядом литературных и общественных медалей. За достигнутые успехи отмечена благодарностью Министерства культуры РФ.

Живёт в Москве.

«В водовороте сумятиц, сомнений...»

Коронавирус

Как далеко до победы нам,
Беды – волна за волной!
Что происходит? – не ведаем.
Что происходит, друг мой?

Нам, уходящим – соломинку
Космос не всем протянул.
Кто-то болезненно, тоненько
С горя псалмы затянул

И, вострепнувшись, вдруг заново
Глянул на мир без прикрас.
А, увидав всюду зарево,
Тихо, как свечка, угас.

Сил не хватило, наверное,
Слишком был тяжёлый недуг.
Горе сегодня безмерное –
Тянет к нам множество рук.

***

Ты не смотри так печально и пристально,
Не разрывай мою душу на части!
Скоро отходит корабль от пристани
Нашего счастья!

Нас разлучат, разбросают, развеют
Время и жизнь – очень строгие судьи.
Как же они это сделать посмеют –
Рушить нам судьбы?!

Помнишь, как строили светлые планы,
В наши мечты по-наивному веря?
Ты был по жизни мне – главным из главных,
Песнями Леля.

Кончилась, друг мой, рапсодия наша,
Жизнь обрывает последние струны.
Знаю, что не было чище и краше
Наших раздумий!

***

С пьедесталов и с высот...
падают кумиры
День за днём, за годом год –
в этом грешном мире.
И, куда ни посмотрю, –
пусты пьедесталы.
Господи, Тебя молю:
одного б оставил!

***

Судьба меня ломала, гнула,
Но не согнула!
В лицо смеялась, издевалась...
Я не сломалась.

***

Бежала по судьбе, как по волнам:
Скользила, падала и снова поднималась.
Но улыбалась, как не снилось Вам...
О, как я Вам беспечно улыбалась!

***

Вот и отходят к затишью осеннему
Шальные мысли, лихие порывы.
Сколько же в жизни случилось сомнений,
Взлётов, падений, подъёмов и срывов!

***

Не глаза – две большие Луны,
А над ними – детская чёлка.
Но какие тяжёлые думы
Так терзают тебя, девчонка!

***

Снег идёт. Заметают позёмка.
А мои разгорелись мечты:
Ты мне нравишься, славный мальчонка,
Хоть уже и на пенсии ты!

***

То вдруг покажешься медузой,
То обернёшься лютым зверем...
Ты, многоликий, мне не нужен.
Уйди, закрыв плотнее двери!

***

Сохрани в себе русское, девочка!
Позабудь про жаргонный язык,
Сохрани в себе чистое, верное –
Как живительной силы родник.

***

Прости меня за то, что не смогла
Я уберечь тебя от злого рока,
Что я тебе, да и себе, лгала:
Мол, всё пройдёт, минует всё до срока...

***

От тихой грусти маленькая тень,
Коснувшись глаз, калачиком свернулась,
И в памяти отчаяньем проснулась.
Ей было убивать меня... не лень.

***

В водовороте сумятиц, сомнений,
В неистовстве призрачных чувств,
Одними распятыями – без воскресений! –
В душе твоей я поселюсь.

***

Какая страсть зажглась в очах,
Какие чувства в них играют!
А на столе стоит свеча...
И догорает.

***

Ты запомни меня, запомни,
Каждой клеточкой ощути!
Колокольным, прощальным звоном –
Стану я на твоём пути.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЦАРЁВА

ТАТЬЯНА ЦАРЁВА

Татьяна Царёва – родилась в Москве, стихи пишет с детских лет, окончила МЭСИ, по образованию инженер-экономист. Член Союза Писателей России (МГО СПР), член Союза Литераторов России (СЛРФ, секция «Старая школа»). Автор нескольких поэтических сборников, соавтор песен (стихи), публиковалась в различных коллективных поэтических сборниках и альманахах.

Живёт в Москве.

«Так хочется просто тепла...»

Я просто человек

Я просто человек – со множеством страстей,
С мятущейся душой и непокорной волей,
Я просто человек – из плоти и костей
И (Господи, прости!) не самой лёгкой долей.

Скиталица я здесь среди множества путей,
Ищу свою стезю в бескрайнем Мирозданье,
И плачу от невзгод, и жду благих вестей,
Я (Господи, прости!) – убогое создание...

Я создана Тобой из четырёх стихий –
Из ветра и огня, из звёзд и водопадов,
А в сердце у меня лишь рифмы и стихи
И, Господи, прости, мне большего не надо...

Я, в сущности, поэт из множества имён,
Из смеха и из слёз, печалей и улыбки,
Я знаю – у меня есть ключ от всех времён,
И, Господи, прости, есть право на ошибку!

Я – небо и земля, и травы на лугу,
И голубых озёр очерченные веки...
Я каюсь и молюсь, и радуюсь, и лгу...
Так многое ещё присуще человеку...

Я просто человек...

Особое место

Мне однажды открылось и стало известно
Средь прочитанных строк, переклички имён –
Для поэтов у Бога особое место –
И ни Рай, и ни Ад, где-то между времён,

В это место однажды попала во сне я,
Но на явь был похож удивительный сон –
Там рябины тяжёлые грозди краснеют,
И с небес колокольный доносится звон.

Примирия тебя и с собой, и с врагами,
Лишь печаль на озёрах разводит круги,
Там осенние листья шуршат под ногами
И под музыку скрипки стихают шаги,

А дожди иногда льются с неба слезами,
Чтоб оплакать всё то, что понять не дано,
Звёзды светят в ночи золотыми глазами,
И немного горчит молодое вино,

Мир, где нет ни фальшивых улыбок, ни жестов,
Где любовь на века, а прощанье – на миг...
Для поэтов у Бога особое место –
На истёртых страницах прочитанных книг.

Дикобразы

Услышала. Как-то запомнила сразу –
Сказал ироничный злодей,
Что мы, словно стадо слепых дикобразов,
Бежим по Планете людей,

Спешим, замерзая в просторах Галактик,
Сквозь дождь и пурги виражи,
И наша одна из излюбленных тактик
Колоть тех, кто ближе бежит,

Но сердце нам так одиночество студит,
Что меркнет Вселенская мгла,
И каждой из тысяч игольчатых судеб
Так хочется просто тепла...

А холод вокруг всё сильнее и суровой,
Друг к другу неловкий шажок –
Мы греемся капелькой собственной крови
И крови колючей – чужой,

И вновь разбегаемся, зло ошестинясь,
Как крысы с борта корабля,
Опять оставаясь в бескрайней пустыне
Планеты, с названьем Земля...

Однажды пойму, продираясь сквозь фразы,
Сквозь неба бездонного хмурь –
Я тоже один из слепых дикобразов,
Но только иголками внутрь.

***

Я не ищу ни почестей, ни славы,
Несовершенны рифмы, стиль и слог,
Я просто пью похмельную отраву
Пролитых над бессонницею строк,

Вот всё моё нехитрое наследство –
Слова на лист ложатся чередой,
Стихи – моё единственное средство
Остаться жить. И просто быть собой.

Дорогой визит

Приближался Новый год. Обычно перед праздником большинство людей устраивает дома генеральную уборку: принято всё мыть и натирать до блеска, а также перебирать вещи, выбрасывая старые, рваные, разбитые, тем самым освобождая место для нового в своей жизни. Однако в каждом доме есть то, что давно вышло из моды, но выбросить рука почему-то не поднимается. Это может напоминать о юности, быть связанным с определённым событием в жизни, а кто-то, быть может, пользуется им, сохраняя семейные традиции.

Вот и у Глафиры в доме сохранилась такая вещь. Это был выдавший виды картонный коричневый чемодан с уголками, укрепленными металлическими заклёпками, прочной металлической ручкой и двумя металлическими замками. Правда, один замок был уже давно сломан, но второй работал исправно, не давая возможности вывалиться наружу его содержимому. Вещи, сохранившиеся в чемодане, имели большую ценность – там лежали свидетельства о смерти родителей, военный билет отца, их старые рабочие и пенсионные удостоверения, значки ДОСААФ и многое-многое другое.

Однажды воскресным утром, когда до Нового года оставалась пара недель, Глафира включила музыку и взялась за уборку. Она убиралась быстро и весело, но стоило ей дойти до расчистки шкафа, в котором стоял чемодан, как вдруг её уборка сошла на нет. Глафира достала раритет из шкафа, положила его на диван, щёлкнула замками и сразу увидела главное его сокровище – маленькую коробочку, в которой лежала орденовая книжка, удостоверяющая награждение её отца орденом Знак Почёта, и колодка к этому ордену.

Достав из коробочки тёмно-красную книжечку, она бережно погладила её рукой, и на неё нахлынули воспоминания. В памяти всплыл тот день, когда они с мамой и бабушкой ждали папу из Колонного зала Дома союзов и приготовили праздничный ужин. В их семье вообще был культ еды, поэтому даже будничные блюда напоминали

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а также трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

о празднике, а уж когда случалось событие вроде сегодняшнего, то на столе обязательно было что-то необыкновенное. Тогда мама сделала беляши, бабуля – рыбу в томате, а тринадцатилетняя Глафира внесла свой вклад в праздничный стол салатом «Мимоза».

Сидя за красиво сервированным столом и уплетая за обе щёки стряпню своих любимых женщин, папа рассказывал, как волновался, когда сам Леонид Ильич вручал ему орден. После всех ахов и охов коробочка с орденом, колодкой к нему и орденской книжкой заняла своё почётное место в верхнем ящике серванта наряду с документами.

В разгар её воспоминаний вдруг зазвонил телефон. Она аккуратно положила книжечку на место и взяла трубку. Во время чрезвычайно приятного разговора её неожиданно пригласили на предновогоднюю встречу с первыми учениками, которых она не видела двадцать пять лет. Отказать она не смогла – первые! – хотя встреча обещала быть непростой.

Глафира вновь посмотрела на раскрытую коробочку. Да... Ничто в жизни не бывает случайным. Ведь у этой истории было продолжение, спустя много лет после появления ордена Знак Почёта в доме Глафириной семьи.

Глафира Сергеевна уже работала в школе и в тот сентябрьский день возвращалась домой с работы в приподнятом настроении, так как она получила премию в размере оклада – целых сорок рублей. Это было как нельзя кстати, ведь в первый месяц учебного года учителя обычно сидят на голодном пайке, потратив все отпускные во время каникул.

Не успела она прийти домой, как ей позвонили её бывшие ученики, теперь уже первокурсники, и попросили разрешения заглянуть к ней вечером. Родители ещё жили на даче, впереди были выходные, а из купленных по дороге продуктов можно было сварганить ужин – все обстоятельства благоприятствовали приятному вечеру, потому Глафира сказала мальчикам, что она не против их прихода.

Вечер пролетел незаметно. Мальчики рассказывали о своих впечатлениях, об институтах, в которые поступили, об однокурсниках и преподавателях. Все много шутили, смеялись.

Когда гости ушли, Глафира убралась на кухне и пошла было в комнату смотреть телевизор, но по дороге решила проверить содержимое сумки. Делала она это машинально – давняя привычка регулярно проверять в сумке наличие документов и денег. Этот день не стал исключением. Документы были на месте, а вот пухлый кошелек заметно похудел. Глафира открыла его и обомлела – в отделении для банкнот не было ни одной купюры. Вся премия пропала. Ей было горько и обидно, ведь она доверяла своим ученикам, которые так бессовестно её обокрали.

Глотая слёзы, Глафира пошла в комнату: впереди был голодный месяц до первой зарплаты. Но в комнате её ждал ещё один неприятный сюрприз. Аккуратная от природы, женщина любила, когда все ящики задвинуты, дверцы закрыты, а все вещи лежат на своих местах. Не успела она подойти до телевизора, как вдруг ей показалось, что что-то не так – верхний ящик серванта был слегка выдвинут. Что бы это могло значить? Глафира метнулась к нему, выдвинула ящик и вдруг увидела, что коробочка лежит не на месте. Открыв её, она застыла от ужаса: ордена нет. Как они могли?! Что она скажет отцу?!

Дальнейшие детали стёрлись из памяти, которая, как художник, всегда рисовала ей события крупными мазками. Она лишь помнила, что папа, конечно, расстроился, просил её не забывать об этом и впредь не наступать на

собственные грабли, но никогда вплоть до самой смерти не попрекнул её этим. После нахлынувших воспоминаний Глафира сделала глубокий вдох – выдох, закрыла чемодан и продолжила уборку.

Двадцать пятого декабря, в день католического Рождества, нарядно одетая Глафира Сергеевна отправилась на встречу с бывшими учениками. Встреча получилась душевной, хотя на человека, обокравшего её четверть века назад, она спокойно смотреть не могла. В голове постоянно вертелся вопрос: «Зачем?» Зачем было брать деньги, ведь они могли просто попросить у неё какую-то сумму, и она бы им не отказала? Зачем было красть орден? Ведь это подло! Разве они хотели бы, чтобы с их отцами (оба мальчика были из полных семей) поступили бы так же?

Накануне Нового года Глафире позвонил виновник её непростых воспоминаний и просил найти время для домашнего общения, так как хотел обратиться к ней с весьма деликатной просьбой. От своих бывших она уже знала, что он многих одноклассников «кинул на деньги». Потому, услышав его просьбу, Глафира Сергеевна твёрдо сказала: «Нет!» Она любила своих учеников – и нынешних, и, тем более, бывших, но к обнулению отношений не была готова – слишком дорогим оказался визит этого человека к ней домой много лет назад.

ПОЭЗИЯ

Евгения ПОЛЯКОВА

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей.

Живёт в Москве.

Хокку

В огромной статье (800 строк) человек непрерывно утверждал: «Товарищ такой-то отличается главным образом лаконичностью своего письма».

Из записных книжек И. Ильфа

1.

О, сколько тайных мыслей
Хранят жемчужные серьги
Бабушки моей!

Сосны поют на ветру
Призывную мощную песню.
Звучит увертюра к весне.

Юный февральский дождик
Робко эскиз свой рисует
Сепией на снегу.

Хочет выглядеть старше
Младшая дочь-подросток.
Милая, не торопись!

Тёплого ветра порыв
Взметнул прошлогодние листья.
Это салют весне!

ЕВГЕНИЯ ПОЛЯКОВА

2.

Вьётся опавший листок
В вихре весеннего ветра,
Но ему не вернуться на ветку.

Словно в медленном танце
Тесно сплелись ветвями
Сосна и молоденький клён.

Нежно глядят лицо младенца
Листья-ладошки клёна.
Что они говорят друг другу?

В самое небо взметнулась
Ель, что сажали мы с дедом
Почти полвека назад.

Природа очистилась. В город
Заходят дикие лоси.
Когда же очистимся мы?

Ещё в ушах его голос,
Ещё в ноздрях его запах.
Папа, не уходи!

3.

Морем душистых салютов
Славит цветущая липа
Победу жизни над смертью.

Помнят ли могучие дубы,
Как их сажали малыми ростками
По случаю рожденья моих братьев?

Рассказы

Отвези меня в подвал...

1

Мрамор был тёплый-тёплый и нежно отдавал тепло ладони. А ладонь скользила, ощущая приятную шероховатость. Оксана оторвала ладонь от мрамора, поглядела на неё – на ладони остался лёгкий белый налёт мраморной пыли. Ей захотелось вдохнуть еле уловимый запах мрамора, она поднесла ладонь к лицу и сразу закашлялась.

Кашель не прекращался и становился сильнее – Оксана открыла глаза. Она сидела в постели на диване в своей мастерской. И всё сразу стало реальным: запах глины и сырости, стол, стулья, книжная полка и осевшая на них местами мраморная и гранитная пыль. С недавнего времени эта мастерская стала жильём Оксаны.

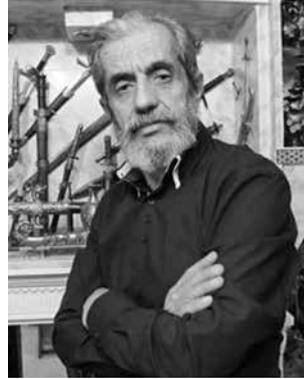
В небольшой, от родителей оставшейся квартире на четвёртом этаже работать было невозможно, и она снимала две комнатки в полуподвале старого немецкого дома. Ветхий дом, аварийный, но Оксана проводила там почти всё своё время, работая, читая; в квартире же появлялась лишь изредка.

А жильцы из дома постепенно съезжали.

Оксана вылезла из постели, подошла к столу, отпила из носика заварного чайника холодной заварки. Лёгкая горечь немного взбодрила. Порывшись в книжной полке, Оксана достала старый, пятидесятилетний, наверное, давности альманах без обложки. Перелистывала вперёд и назад страницы, словно искала что-то и не могла найти. На одной странице застряла – прочитала снова, потом ещё раз. И почувствовала, что это нельзя держать в себе, этим надо поделиться. И она позвонила Ире.

Ира ответила не сразу, голос у неё был тягучий и низкий – голос проснувшегося не в срок человека, но Оксана не вслушивалась и сразу торопливо заговорила:

– Ирка, ты только послушай! Только послушай!

Александр Борисович Жданов – поэт, прозаик, художник, искусствовед. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Родился в Баку. По окончании средней школы работал, служил в Армии. В 1982 г. окончил филологический факультет МГУ. Работал в школах – сначала в Литве, потом снова в Баку. Автор трёх сборников стихов, трёх книг прозы, альбома живописи и графики и трёх учебных пособий по истории изобразительного искусства. Лауреат и призёр литературных премий и конкурсов.

Живёт в Калининграде.

*Лежали пашни под снегами...
Казалось: детская рука
нарисовала избы углем
на гребне белого холма,
полоску узкую зари
от клюквы соком провела,
снега мерцаньем оживила
и тени синькой положила.¹*

Здорово, правда? Она, наверное, ещё и рисовала. Я хочу сделать её портрет.

– Ты с ума сошла, Ксюха! О ком ты? Сейчас пять утра! Я спать хочу!

– Нам надо встретиться, поговорить, – Оксана, казалось, не слышала подруги.

Что было делать с ней?! Ирина уже посмеивалась снисходительно:

– Прямо сейчас что ли? Давай, ложись спать, фантазёрка, досматривай сны. А в одиннадцать – в нашем кафе. Давай.

Оксана немного обиделась: «Досматривай сны». Разве сейчас уснуть!

Она осмотрелась – куски дерева, небольшие валуны грубого камня. Такие валуны в огромном количестве разбросаны по всей области – наследие ледника. Она выбрала один и стала осторожно обтёсывать его. В грубый шероховатый камень скарапель вгрызалась неохотно, да и стучала Оксана слабо, опасаясь помешать соседям. И только позже вспомнила, что никого из жильцов уже не осталось: последние съехали вчера, и сейчас она одна в этом разваливающемся доме. Оксана стала работать увереннее, удары становились резче и точнее. Она была киянкой и в такт приговаривала, подчёркивая голосом каждый резкий удар:

*А я недавно молоко пила –
козье –
под сочно-рыжей липой
в осенний
полдень.
Огромный синий воздух
гудел под ударами
солнца,
а под ногами шуришала трава...*

К ногам Оксаны падали осколки камня, она, не замечая, наступала на них. Откинувшись назад, посмотрела на работу – и почувствовала, как устала, почувствовала, что озябла, ведь работала – как вылезла из постели – в пижаме. А, главное – поняла, что не получится портрет. Из такого камня не получится. Ей нужен другой материал – более нежный и хрупкий, как душа той, чей портрет она собиралась сделать. Ей нужен мрамор.

Наскоро вымыв руки, она снова залезла в остывшую постель, рассчитывая поспать около часа. Понемногу согреваясь в постели, она уснула, а, когда проснулась, часы показывали половину одиннадцатого. Через полчаса надо было встретиться с Ирой.

¹ Здесь и далее стихи Ксении Некрасовой

— Ты зачем меня сюда затащила? — Оксана была недовольна. Они сидели в кафе у окна, и Оксана всё отворачивалась, стараясь не глядеть в него, но какая-то сила заставляла смотреть через дорогу. Там, в глубине сквера стоял её памятник, то есть, памятник, сделанный ею когда-то.

Нечасто, но и ей перепали заказы, а этот был особенный: на излёте эпохи госзаказов ей, женщине, заказали военный памятник. Она воодушевилась, но сразу отвергла все традиционные ходы и решения. Она сделала памятник не столько мужеству воина, сколько женскому горю. Памятник немногословный и потому образ получился пронзительный.

Конечный результат (редкий случай!) нравился самой Оксане, и она нет-нет да приходила сюда, чтобы посмотреть на памятник. Но позже его заключили, как в клетку, в нелепую и неуместную ротонду: ложноклассическая помпезность уже начала своё шествие по городам. Исковеркали замысел, но с авторским мнением уже никто не считался.

Оксана попыталась что-то доказать, объяснить, но молодой чиновник в красивом дорогом костюме и со взглядом поверх голов просто объяснил ей:

— Вам же заплатили за работу? Заплатили. Значит ваш товар теперь собственность мэрии. А собственник поступает, как считает нужным.

И тут Оксана, которая не любила конфликты, ссоры, выяснения отношений, даже боялась их, подошла к чиновнику, пристально посмотрела ему в глаза, сказала:

— Товар, говоришь? Ах ты, мальчик-калькулятор.

Приподнялась на носках, отвела назад руку, будто хотела отвесить пощёчину, но только отступила, брезгливо отёрла руки, развернулась и вышла из кабинета.

Оксана очнулась от того, что Ира тербит её за плечо:

— Что-то надо делать, Ксюша, с твоим подвалом. Ты же там одна осталась. Того гляди, бомжи оккупируют.

— Ну и что? Они что же, не люди? Им ведь тоже жить где-то надо. Да и что они сделают?!

— Боже мой! Да утащат что-нибудь!

— А что у меня есть? Что есть, нужное им?

— В конце концов, заразу принесут!

— Я этого не боюсь.

— А дом аварийный! Сама говоришь, что всех жильцов расселили. Значит, скоро снесут. Куда денешься со своими камнями? Надо попытаться ещё раз — может, дадут мастерскую. Да о чём ты думаешь всё время?!

— Мне нужен мрамор, я хочу сделать её портрет.

— Про портрет я уже поняла. Но вернись на землю. Мы сегодня же перевезём твои работы и книги. Работы можно ко мне на дачу. А потом вместе пойдём по кабинетам. Ты меня слышишь?!

Оксана слышала. Слышала и понимала, что права подруга. И даже готова была перевозить вещи, ходить по кабинетам, подчиниться Ире во всём, что касалось быта — только бы быстрее всё закончилось, и тогда она занялась бы портретом. Иногда приходили печальные, но трезвые мысли: ничего она за этот портрет не получит, никому такие работы сейчас не нужны. Но чем больше думала она об этом, тем твёрже становилось её желание сделать портрет, не портрет даже — образ, воплощающий поэзию. Однако Ирка, как

всегда, была права — и Оксана послушно семенила за нею по властным кабинетам.

В одном из кабинетов их заверили, что дом пока сносить не будут, что пойдут навстречу талантливому скульптору. Но подруги всё же перевезли книги в квартиру, а часть работ на дачу к Ире. В её автомобильчик помещалось немного, пришлось сделать три рейса, но в подвальчике Оксаны ещё оставалось несколько работ и среди них начатый в грубом валуне портрет. А Ира торопилась — уж очень хотела вывезти подругу в Яснохолмск, да и самой отдохнуть следовало.

Мягкая балтийская осень разливалась по Яснохолмску, покрывая холмы не позолотой, нет — бронзой: так мягок и плавен был переход от зелени к охре.

Ещё прежде Оксана увлеклась стариной, ездила по области, рисовала сохранившиеся немецкие храмы, постройки. В одном из посёлков наткнулась на старую-престарую кирху — по всем признакам ещё до Лютера построенную. Каким чудом не погиб не только сам храм, но и фрески в нём уцелели, загадка! И Оксана облазила его весь, во всех уголках рассмотрела, что-то зарисовала. Обнаружила даже одну надпись на латыни. Сама ничего не поняла, но пристала к Ирине: переведи и всё. Ирина повозилась, вспоминая первый курс университета с его латынью, и принесла Оксане перевод: «Осуждён будет грешник, злословящий художника». Оксана сначала улыбнулась, а потом задумалась, сказала она грустно:

— Осуждён будет грешник, злословящий художника. Надо же: и тогда это актуально было. Так что грех нам жаловаться.

Сейчас, в Яснохолмске, Оксана чувствовала, как сидящая в ней, закрученная до предела пружина понемногу ослабевает. Эта пружина и прежде не давала покоя, заставляла вечно быть начеку, помнить каждый шаг, держать в голове все дела и работать, работать. Так привыкла она с молодости, когда приходилось хвататься за каждый из редких заказов, чтобы заработать, чтобы дали мастерскую. А теперь беспокоиться нужно было вдвойне. Теперь и те редкие официальные заказы исчезли, теперь скульпторы перехватывали друг у друга любую работу.

Не только работа стала новой, новыми стали и заказчики. Бывшие криминальные авторитеты, сделавшись уважаемыми предпринимателями, а то и политиками, стремились к прекрасному. Кому-то хотелось украсить свой особняк собственным изображением, кто-то желал увековечить в мраморе свою новую молодую избранницу. Но чаще они заказывали памятники, ибо гибли в жестокой борьбе за эту самую собственность. И чем громче была кончина, тем пышнее памятники желали видеть друзья и родные погибших. Тут уж не скупилась. Доставали и доставляли скульпторам необходимый материал, обговаривали все детали будущего монумента. И ведь знали поимённо всех хороших скульпторов, словно списками из Союза художников обзавелись.

— Мне раз тоже заказали, — вспоминала Оксана, — заплатили так, что год не думала о зарплате, только работала. Знаешь, иногда я ловлю себя на том, что радуюсь, когда слышу об очередной их разборке, думаю: а вдруг мне памятник закажут. Что же это такое — я жду чьей-то смерти? Радуюсь ей?

Подруги сидели у озерка, а откуда-то сверху, с возвышенной части города долетал еле различимый, приглушённый листвою, колокольный звон.

– Звонят, – сказала Ирина. – И хорошо на душе, и как-то странно. Будто в кино это, словно не для нас.

Оксана неожиданно вскинулась:

– А разве же для нас? Ну, кто мы на этой прусской земле? Кто мы, выросшие на брусчатке и под черепицей?!

– Кто-кто? Русские. Русские, хоть и родились здесь.

– Русские? Мы и купола-то видели только в кино да в книжках.

– Ну, купола сейчас и здесь вырастают.

– Вырастают на старых немецких кирхах, а это всё не то! Может, я плохая русская, но меня не радует золочёный купол там, где должен быть шпиль. Для купола нужно строить свою церковь, новую.

– Но строят ведь понемногу...

– Слава Богу...

– Вот видишь! Всё не так плохо. Да и куда ты денешься от языка, от русской поэзии, которая сидит в тебе?

Оксана помотала головой:

– Я не о том. Давай поедем сейчас в Тулу или Калугу – как там нас примут? Как чужаков: там мы не свои – прибалты. На материке каждая область истово блюдет своё. И правильно! А нам красный кирпич и островерхие крыши милее. Ладно, не милее – привычнее! Видела недавно детские рисунки. Сказки Пушкина детишки иллюстрировали. На всех – всех! – работах у старухи с разбитым корытом избушка под черепичной крышей. А иного ребятки не знают! Может, нам податься за Неман? Или вот здесь по косе – в Литву, Латвию, дальше? Может, там мы построимся? Дудки! Там мы русские. Тоже, значит, чужаки. Знаешь, когда я откальваю от куска мрамора крупный осколок, мне становится жаль его. Такой же вроде бы красивый, как и целый, а уже не нужен, хотя и из него, маленького, можно что-то сделать. Так и лежит один.

– Так ты что же – предлагаешь бежать отсюда?

– Некуда бежать! И незачем. И ничего я не предлагаю. Я себя найти хочу. Без этого мне портрет не сделать. Она была очень русским поэтом.

И всё же в Яснохолмске Оксане было хорошо. Молодец Ирка! И с жильём всё смогла уладить: им разрешили занять какой-то щитовой домик в две комнаты на задворках санатория. Когда-то здесь была мастерская санаторского художника – он наглядной агитацией учреждение обеспечивал. От него осталось немного красок и несколько загрунтованных листов ДВП – можно было при желании этюды писать. Удобства, правда, на дворе, но разве это беда?

Разве это беда, если домик их стоит у самого забора, а забор примыкает к другому, весьма занятному дому?! До войны жил в нём немецкий скульптор. Две его работы сохранились в городе. Сейчас в доме обитают люди, может, и не слышавшие ничего о скульпторе. Оксана пропадала здесь часами, делала зарисовки или просто надолго задумывалась...

Колокольный звон смолк. Оксана резко встала:

– Пойдём, прогуляемся.

Они уже подходили к санаторию и вдруг остановились – в босоножки Оксане набились камешки. Прислонившись спиной к большому, вертикально стоящему камню, она вытряхнула камешки из обуви, но ей захотелось обойти этот камень вокруг. Ничего особенного – обыкновенный серый валун, если

не считать сделанной голубой масляной краской надпись: «Санаторий». Но почему-то не могла Оксана от него оторваться. Она поскоблила камень ногтем – и серый многолетний налёт поддался. Оксана подобрала с земли щепочку и стала скоблить усерднее. Она скоблила, очищая всё большую и большую площадь, ей было уже ясно: под слоем грязи, копоти, многолетних наслоений был мрамор, прекрасный каррарский мрамор.

Скорее всего, это был мрамор того немецкого скульптора. Но как просто-ял он незамеченным несколько десятилетий?! Почему его не увезли, не использовали?! Оксане было ясно: мрамор ждал её. Теперь у неё есть материал, теперь она сможет сделать то, о чём только и думает. Надо лишь перенести глыбу ближе к их каморке, а потом упросить, чтобы мрамор отдали ей. Кого надо упрашивать, Оксана не знала. Но у неё была Ирина!

А та на удивление быстро уладила все формальности, и мраморная глыба перекочевала на новое место. В тот же день Оксана освободила мрамор от многолетнего налёта – и он лежал, отливая на солнце белизной. Оксана решила, что будет работать прямо здесь, надо только привезти из дому инструменты. И подруги уехали домой.

Вернулись они на следующий день. Когда подходили к своему забору, услышали характерный звук – кто-то работал «болгаркой». Подруги бросились на звук. Во дворе двое рабочих весело резали мрамор. Её, Оксану, мрамор.

Оксана не двигалась, она смотрела, как от большой глыбы один за другим отпадают куски. Оксана смотрела, как гибнет её мечта, и не могла оторвать взгляд. А Ирина помчалась искать кого-нибудь, кто объяснил бы её происходящее, но нашла лишь завхоза. Та выслушала сбивчивую тираду Ирины и невозмутимо ответила:

– Откуда же я знала, что это её мрамор? У меня никаких бумаг и распоряжений нету. А тут подошли люди, попросили. Особняк для кого-то строят что ли – я не поняла. Вот и отдала им. Выгодно, между прочим, уступила. Директор мне ещё «спасибо» скажет. Они наличкой дали, а сейчас сами знаете как... Да вы не переживайте: у них крупные куски остаются, вашей подруге тоже достанется.

Когда Ирина подошла к так и не сдвинувшейся с места Оксане, те двое работу завершили. Указывая рукой на лежащие на земле куски мрамора, Оксана сказала:

– Как чайки. Как убитые чайки

***

Всю дорогу домой подруги молчали. Ира несколько раз пыталась заговорить, но Оксана не отвечала и сидела, втянув голову в плечи и зажав между коленями сцепленные пальцы. И только в городе Ирина спросила:

– Куда поедешь? Домой? А давай лучше ко мне.

– Отвези меня в подвал.

– Вот ещё! В сырость, в пустоту. Давай ко мне. Ванну примешь. У меня коньяк хороший остался. Тебе надо снять напряжение.

– Отвези меня в подвал, – всё тем же бесцветным голосом попросила Оксана. Ирина свернула направо и въехала во двор...

...Гусеничный кран с размаху бил огромным ядром по стенам дома, и от осыпавшейся штукатурки и падающих кирпичей поднималась густая пыль. Ирина не сразу сообразила, не сразу бросилась вслед за Оксаной, которая,

карабкаясь по груде битого кирпича, добиралась уже до крана и уже хотела влезть в кабину и схватить машиниста за руки. Всё же Ирине удалось стащить подругу на землю, удалось силой усадить в автомобиль и пристегнуть ремнём. Тут они услышали громкое, праздничное гудение сигналов нескольких автомобилей сразу: мимо двора пронёсся свадебный кортеж.

А высоко над двором парила случайно залетевшая сюда из порта чайка. Снизу она была похожа на причудливо сколотый кусок мрамора.

Посадите Петра повыше

Их стало очень много в городе – страшных людей. Они были ниже Андрюхи, не самого высокого мальчишки в классе, почти все с серой щетиной на щеках и подбородках. Они страшно надвигались на Андрюху, сидя на своих каталках. Да какие там каталки – так, платформочка деревянная на четырёх подшипниках. Подшипники катились по асфальту с жёстким шумом. Он был слышен издали – шум одинокой коляски. Потом к нему присоединился другой, третий. Люди съезжались и плотной группой двигались к пивной – и тот жёсткий шум подшипников висел над улицей.

А потом эти люди исчезли. И в городе уже не было слышно жёсткого шума подшипников. Поговаривали, что людей этих перевезли куда-то, подальше на Север. Андрюха толком не понял. Да, по правде говоря, и не хотел знать: он рад был не встречаться с ними на улицах.

Удивительно быстро прижился Андрюха в городке, куда приехали они вместе с мамой и бабушкой в эвакуацию. Почему они не возвращались в большой и красивый город, где жили до войны, ни мама, ни бабушка не объясняли. Об отце тоже, сколько Андрюха ни спрашивал, твердили невнятное «пропал без вести», а однажды услышал он шёпотом произнесённое мамой слово «штрафбат». Мама, разговаривая с бабушкой, подошла к его кровати, склонилась над ним, прислушиваясь. Андрюха сделал вид, что спит, тогда-то мама и произнесла это слово. И теперь жили они в маленьком городишке и возвращаться в родной город либо не хотели, либо не могли. Андрюха, честно говоря, не очень страдал. Друзей у него было много, играть мальчишкам было где – в старом городке для этого много развалин. А то, что он, Андрюха, ростом маловат, не беда, иногда даже преимущество, потому что никто лучше него не мог пролезать в лазы, подземные ходы тех развалин. Словом, всё было неплохо. Конечно, если бы папка вернулся (а он мог вернуться только героем, с орденами на груди), Андрюхе и вовсе ничего другого не надо было бы. И хорошо, что не было страшных людей на каталках. Побаивался их Андрюха, как боялся чёрного паровоза, когда был совсем маленьким. Паровоз стоял на путях, пыхтел, пускал клубы пара и дыма и вдруг пронзительно и резко засвистел – двухлетний Андрюха вздрогнул и расплакался. С тех пор воспоминание о том испуге жило в нём, и уже сейчас, каждый раз, когда слышал Андрюха звук проходящего вблизи паровоза, он напрягался, опасаясь, что вдруг снова вздрогнет и расплачется. Он не хотел встречи с паровозом и не хотел встречаться с людьми на низеньких тележках. Но с одним из них встретиться пришлось. Человек появился в городке неожиданно, когда о других стали забывать. Говорили, что его специально привёз с собой

какой-то большой начальник, поскольку тот был он хорошим специалистом – то ли сапожником, то ли часовщиком. И для больших начальников он работал. С ним-то и столкнулся Андрюха. В пивной.

Вообще-то, детям заходить в пивную не полагалось, и бабушка строго следила, чтобы Андрюха даже не подходил к ней, но тут сама послала к буфетчице Нинке. Та должна была что-то передать бабушке. Даже кошёлку бабушка дала специально для этого.

До пивной Андрюха добежал быстро, а у входа остановился, стоял, переминаясь, – и нужно было зайти внутрь, и прежний запрет крепко сидел в голове.

– Ну, малец, ты давай или туда, или отсюда, – услышал Андрюха над собой. Оглянулся и увидел однорукого дядьку в гимнастёрке, но без погон.

Андрюха торопливо схватился за ручку тяжёлой двери, пытаясь открыть её – получалось с трудом. Одной своей рукой дядька открыл дверь и, всем корпусом подталкивая вперёд Андрюху, вошёл. Сквозь густой табачный дым Андрюха не сразу разглядел прилавок, а Нинки за ним и вовсе не было. Пробираясь, он слышал гул: говорили громко и каждый о своём.

Андрюха стоял у прилавка и искал глазами Нинку. Наконец увидел: она ходила между столиками. Однорукие и одноногие мужики пили пиво, курили, хватали проходившую мимо Нинку за бёдра и зад, и от того что-то смутное шевелилось внутри Андрюхи и сердце билось сильнее. Нинка на пристава-ния огрызалась, отвешивала подзатыльники, но как-то вяло, а в глазах её заметил Андрюха такую тоску и такую нежность, что, казалось, готова Нинка пожалеть их всех вместе взятых. Наконец она зашла за прилавок. Андрюха встал на цыпочки и протянул Нинке кошёлку.

– А, пришёл? Ну, погодь, я щас, – буркнула она и скрылась в подсобке.

Андрюха стоял, разглядывая всё, что было выставлено на прилавке и за ним, и вдруг во внезапно наступившей тишине услышал громкий голос:

– О, Петро прикатил! Посадите Петра повыше!

Андрюха обернулся – к столику на низенькой тележке подкатывал новый посетитель. «Тот самый, который остался», – решил Андрюха. Мужики засуетились, подтащили к столику стул, приволокли из угла толстую квадратную деревяшку, установили на стуле и туда уже усадили Петра, поставили перед ним кружку пива. Стало ясно, что его в пивной уважают. Он и не был похож на тех других, с серыми лицами, которых Андрюха побаивался. Этот был чисто выбрит, волосы зачёсаны назад, а к гимнастёрке с правой стороны был плотно прикручен орден.

В это время подошла Нинка, и Андрюха повернулся к ней. Нинка держала в руках бабушкину кошёлку, но пока не отдавала, а что-то говорила. Андрюха почти не слышал и понимал плохо. Он прислушивался к тому, что происходило у него за спиной. А за спиной говорил тот, которого назвали Петром. До мальчика доносились лишь обрывки фраз, и он понял только то, что у Петра где-то осталась семья, мать, жена, сынишка, но к ним он, безногий, возвращаться не стал – не хотел быть обузой.

Нинка продолжала что-то объяснять Андрюхе, а он напряжённо вслушивался в слова человека.

– Ну, уж нет, – долетело до него, – здесь меня никто не найдёт. А, если и доберутся, я дальше уйду – обузой не буду.

Сам не зная почему, Андрюха резко обернулся, посмотрел на Петра, их взгляды встретились. Мужчина вздрогнул, ещё ниже опустил голову и просто

впился зубами в пивную кружку, закрывая ею лицо. А Андрюха бросился к нему.

– Папка! Папка! Это ты! Я сразу тебя узнал! Пойдём домой! И мамка, и бабушка здесь, – зазвенел во внезапно наступившей тишине голос мальчика.

Почти не отрывая лица от кружки, Пётр глухо сказал:

– Ты, наверное, обознался, пацан. Нет у меня никого. Больше нет. Да и пора мне. Помогите мне, мужики.

Мужчины сняли Петра со стула, усадили на тележку, и он быстро покатил к двери. Андрюха стоял, оцепенев. Очнулся он от того, что его за плечо тормошила Нинка и протягивала бабушкину кошёлку.

– Иди, иди, бабушка ждёт, – говорила она Андрюхе, не давая блестящим в глазах слезам вырваться наружу. – Ну, ступай, беги.

Андрюха машинально взял из её рук кошёлку, подержал её, потом аккуратно поставил на столик и бросился к дверям.

Улица круто спускалась. В этот час на ней почти никого не было. Лишь маячила впереди фигурка человека на низкой каталке. Человек успел отъехать далеко. Он энергично отталкивался колотушками от земли, тележка катилась быстрее, как будто человек хотел убежать от преследователей.

Андрюха побежал за ним.

– Папка! Стой! Стой! Это же ты! Я узнал тебя! Постой, папка! – кричал Андрюха.

Человек заработал руками чаще, потом приостановился, оглянулся и... Андрюха не понял: помахал ему мужчина или просто с досады махнул рукой. И тележка поехала быстрее. Андрюха бежал за ней. Он бежал вниз по улице, надеясь догнать человека на низенькой тележке. На спуске тележка набрала скорость, и вскоре человек скрылся за поворотом.

Размазывая по лицу слёзы, Андрюха добежал до поворота. Внизу, в конце улицы стояла низенькая тележка, на ней, ссутулившись, сидел человек. Он сидел боком к улице, словно не знал, куда ему двигаться – дальше вниз или возвращаться назад.

Андрюха медленно пошёл к нему.

ПОЭЗИЯ

Евгений РУДАКОВ-РУДАК

Евгений Рудаков-Рудак – родился 1 мая 1940 г. в с. Успенке, Кустанайской обл., Казахстан. Поэт, прозаик, драматург. Автор нескольких поэтических сборников и трёх книг повестей. Живёт в Уфе.

«От звезды до звезды, наугад...»

*Солнце закончило круг
И полыхнуло над яром.
Люди бежали и вдруг!
Залюбовались пожаром.
Люди пошли не спеша,
Видно спешить надоело.
И отогрелась душа,
И ничего не сгорело*

Эпиграф автора

1. У вечного огня

Дрожат морозно фонари
Во мгле туманного рассвета,
И снова жертвенной монетой
Упали проблески зари.
Стою у вечного огня,
У всплесков жизни скоротечной.
Тепло другое им не вечно,
Им, что сгорели для меня,
И для других...
В потоке дней,
Как часто время память тушит.
...Да сохраним в печали души
У этих призрачных огней.

2. Засыхает калина

Старик сидит под высохшей калиной...
 Изба его – последняя обитель.
 На старике выдавший виды китель,
 Медаль ещё – «За взятие Берлина».
 Старик сидит под высохшей калиной.
 У дома настезь дряхлые ворота,
 Но пожилые все идут в заботах,
 А молодёжь пропархивает мимо.
 Старик сидит почти с утра до ночи
 И о недостатке больше не хлопочет.
 Он видел беды, праздники и будни,
 Он знает всё, что есть, и всё, что будет.
 А сколько люда...
 Н е в о о б р а з и м о!
 Да к ним дойти трудней,
 Чем до Берлина.

3. Господи!.. было... было.

Любимой бабушке Марфе

Возвращаюсь в то время далёкое,
 Когда нужно душе очиститься...
 Помню звук ястребиного клёкота,
 Степь седая бескрайняя видится.
 Вижу братию всю голопузую,
 Сорванцами были не робкими.
 По оврагу, к бахчам за арбузами,
 Пробирались тайными тропками.
 И сейчас даже стыдно становится.
 Был я пойман и назван воришкой,
 И как мне пожилая колхозница
 Драла уши – не так чтоб уж слишком.
 Говорила: – Беда нам с ребятами.
 Ох, и голодно нынче в колхозе...
 Я сверлил землю чёрными пятками,
 К чернозёму подмешивал слёзы.
 Дома бабка брала хворостину,
 Причитала, пока не упарится.
 – Кровопивец ты мой... Сиротина!
 Не моги на колхозное зариться.
 Люди пуганы, да заморочены,
 Кто-то кукиш держит в кармане.
 Вот приедет уполномоченный,
 Он, вражина, всегда при нагане.

Ты терпи, наше дело холопые,
 Кто не стерпит – тот сгинет в Гулаге!
 Лучше я хворостиной по жопе,
 Чем донос кто-нибудь на бумаге...
 После бережно гладит ладошкой,
 Моя милая бабушка Марфа,
 Утощая меня той лепёшкой,
 Что себе оставляла на завтра.
 И когда вспоминаю то давнее...
 Дым кизячный над степью волнистой,
 Всё из сердца уходит неладное
 И приходит спокойное, чистое.
 ...И приходит, и снова видится,
 Из далёка-далёка слышится:
 – Близко будем к земле-кормилице,
 Нас толкнут –
 Мы опять поднимемся.

4. Звёзды души

Под мелодию сердца

Растекаются звёзды по небу
 Всё шире и шире,
 Ярко вспыхнув, одна,
 Покатилась к земле, не спеша...
 Может быть,
 Появился на свет человек в этом мире,
 Может быть,
 В преисподнюю чья-то скатилась душа.
 Я в приметы не верю,
 Но всё же, всегда не спокойно,
 Даже если и очень красив он
 Ночной звездопад.
 К ним – сгоревшим, блеснувшим,
 Едва промелькнувшим нестройно,
 Я стремлюсь, я мечусь,
 От звезды до звезды, наугад.
 Сколько их, отражённых,
 Нам светит во тьме тёмно-синей...
 На земле, на воде, в облаках
 В лунном свете дрожат.
 Если б только на это
 Была моя воля и сила,
 В звёзды я превращал бы –
 За Родину павших солдат!

Да, я твёрдо уверен,
 Что люди и звёзды едины.
 В превращениях природы
 Заложено наше родство.
 Так поэт и художник, что пишут
 Душою и кистью картины,
 Отражают в твореньях,
 Не только своё естество.

Мы живём на земле,
 Как в одной коммунальной квартире.
 Мы рождаемся в муках,
 Природою так суждено.
 Но просторы небес
 Раздвигаются шире и шире.
 Человек и звезда, и любовь...
 Это свыше дано.

5. Где родился, там и содился

Как металась душа
 В глубине подсознанья,
 Всё казалось не здесь –
 На родной стороне,
 А в неведомых даях,
 В иных мирозданиях,
 Покорится душа,
 Непокорному мне.

И как жил и любил –
 Не терзали сомненья.
 Спотыкался и падал.
 И снова вставал,
 И не раз находил,
 И терял направленья.
 От заботы бежал
 И заботу искал...

Вольный воздух полей –
 Пить и пить – не напиться!
 Где б я ни был, да видно,
 Уж так суждено.
 Велика наша Русь,
 Только сердце стремится
 В те края, где когда-то,
 Забилось оно.
 Я приеду, а там!..
 Меня помнят босого.
 Словно к омуту, к травам
 Лицом припаду

И напьюсь допьяна...
 До блаженства хмельного,
 С обнажённой душою
 У всех на виду.

5. Потому что – это жизнь

Жизнь удивительна, сложна...
 Жизнь нелегко понять:
 То – как любимая нежна,
 То – ласкова, как мать.
 Иная жизнь, как злодей,
 Как рок лихой она –
 Среди людей и без людей,
 Жестокости полна.
 Порою нужно всё презреть,
 Отдать по капле кровь,
 Чтобы родиться, умереть
 И возродиться вновь.
 Или уйти в небытие
 И превратиться в прах,
 Познав ничтожество своё,
 Познав позор и страх...
 Всему живому боль нужна,
 Чтоб счастье испытать.
 Жизнь удивительно сложна...
 Жизнь нелегко понять.

6. Родная земля

Хлещут брагою хмельной
 Струи солнечного ливня,
 Напевают губы имя
 Над дрожащею струной.
 Даже солнце... Посмотри!
 Улыбаясь конопато,
 Имя вывело стократно
 Кистью ветреной зари.
 Ветер вынес из лесов
 На ладонях дух малины...
 И разгладились морщины
 На щеках продрогших вдов.
 ... Пальцы тронули струну,
 Губы дрогнули в улыбке,
 Ночь покачивает зыбку –
 Беспокойную луну.

Желание творить,
Есть от земли основа.
Посей любовь на ней
И вырасти добро,
И ощути размер,
Температуру слова
И времени разбег,
Бери тогда перо.

Сложи строка к строке
Добротно, словно зданье,
Чтоб жизнь вошла в него
Светло, на много лет.
И даже ощутив
Всеобщее признание,
не торопись вещать:
– Я, граждане, поэт!

